51
14185

БЕРЕГИТЕ КНИГИ!

Не перегибайте книгу во время чтенія.
Не загибайте угловъ.
Не дѣлайте надписей на книгѣ.
Не смачивайте пальцевъ слюною, перелистывая книгу
Завертывайте книгу въ бумагу.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLV-й. ИЮНЬ. 1914 годъ.

25/129.
49 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году. I
II. Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г. (Съ примѣч. П. Д. Боейкова). Гр. Н. П. Игнатьева. 443—458
III. Воспоминанія иностранцевъ о пребываніи Императора Николая I за границей. М. В. Станиславскаго. 459—469
IV. Подонки родины. (Быль). Н. Владиславлевъ . . . . . 470—475
V. Памяти Николая Николаевича Обручева . . 476—500
VI. Лирика Е. А. Боратынскаго. М. Л. Гофмана 501—513
VII. Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой. Сообщ. Е. С. М. . . 514—524
VIII. Не дошедшее по адресу письмо. (Изъ архивныхъ связокъ). Сообщ. Н. Максимовъ . . . . . 525—527
IX. Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова. (Петербургской губерніи, Лужскаго уѣзда). Сообщ. А. А. Половцова . . . . 528—531
X. Князь П. С. Мещерскій. Сообщ. В. Корсакова . . . . . 532—538
XI. Донесенія датскаго посланника графа Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года. Переводъ съ французскаго оригинала Н. А. Бѣловой. Сообщ. Е. С. Шумигорскій . . 539—547
XII. „Въ Задонскихъ степяхъ“. М. Кирсанова . . . . . 548—579
XIII. Виленскія воспоминанія. Алексѣя Гене. . . 580—610
XIV. По поводу статьи А. Е. К. „М. И. Драгомировъ — генералъ-губернаторъ“. А. Леонтьева . . . . . 611—614
XV. Лѣтопись и мысли стараго педагога Н. Якубовича . . . . . 615—622
XVI. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 27-го марта по 1-е мая 1914 г. . . 623—627
XVII. Библіографическій листокъ (на обложкѣ).

Приложенія: Портретъ Николая Николаевича Обручева.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1914 года.

Подписная цѣна на 1914 годъ—9 руб., за границу—11 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1914 года.

Библіографическій листокъ.

Великій Князь Николай Михаиловичъ. (Русскій Провинціальный Некрополь. Томъ I. М. 1914).

Вслѣдъ за петербурскимъ и московскимъ „Некрополями“ (о нихъ не разъ упоминалось на страницахъ „Русской Старины“) Августѣйшій историкъ приступилъ къ изданію Некрополя нашей провинціи, которое ведется по слѣдующему плану. „Признано цѣлесообразнымъ сгруппировать матеріалы по слѣдующимъ четыремъ раіонамъ. I. Раіонъ Сѣверный—губерніи: Архангельская, Владимірская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская, Тверская и Ярославская съ присоединеніемъ финляндскихъ монастырей, Валаамскаго и Коневскаго. II. Раіонъ Южный—губерніи: Бессарабская, Воронежская, Екатеринославская, Калужская, Кіевская, Курская, Орловская, Полтавская, Рязанская, Смоленская (отнесена къ этому отдѣлу, какъ бывшая въ значительной своей части долгое время подъ владычествомъ Польши, по сходству въ этомъ отношеніи съ губерніями Малороссійскими), Таврическая, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Херсонская и Черниговская и область Войска Донского. III. Раіонъ Восточный—губерніи: Астраханская, Вятская, Казанская, Нижегородская, Оренбургская (съ Уральской областью), Пензенская, Пермская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Ставропольская (съ Кубанской областью), Уфимская, губерніи и области Кавказа, Сибири и Средней Азіи. IV. Раіонъ Западный—всѣ губерніи съ преобладаніемъ въ высшихъ классахъ населенія польскаго, нѣмецкаго и шведскаго элементовъ, именно губерніи западно-русскія, Царства Польскаго, Остзейскаго края и Финляндіи. Къ этому отдѣлу могутъ быть отнесены и свѣдѣнія о погребенныхъ на инославныхъ и иновѣрческихъ кладбищахъ, кромѣ погребенныхъ на инославныхъ и иновѣрческихъ (армянскихъ и мусульманскихъ) кладбищахъ Восточнаго раіона“. Нечего говорить о важности подобныхъ справочныхъ изданій для занимающихся исторіей, — тѣмъ болѣе, что часто только ими сохраняется память о томъ или иномъ лицѣ, потому что у насъ мѣста упокоенія мертвыхъ не пользуются достаточнымъ общественнымъ уваженіемъ и охраненіемъ, не только въ провинціи, но даже въ столицахъ. „Въ виду идущаго усиленнымъ темпомъ разгрома провинціальныхъ и прежде всего сельскихъ кладбищъ“—говорится въ предисловіи — „только изданіе „Русскаго Провинціальнаго Некрополя“ можетъ сохранить свѣдѣнія о многочисленныхъ дворянахъ-помѣщикахъ, покоящихся на своихъ родовыхъ кладбищахъ въ могилахъ, по которымъ разгуливаетъ скотина, и съ которыхъ мужики растаскиваютъ по кирпичику монументы, уничтожая нерѣдко важныя для генеалогіи эпитафіи“. Собирался матеріалъ, главнымъ образомъ, при посредствѣ духовенства, а также изъ литературныхъ пособій, но, конечно, невозможно было внести въ сборникъ всѣ имена. „Изъ списковъ, составленныхъ духовенствомъ, были извлечены, главнымъ образомъ, свѣдѣнія о мѣстныхъ помѣщикахъ-дворянахъ... Прочія свѣдѣнія, почерпнутыя изъ донесеній мѣстнаго духовенства, печатаются какъ матеріалъ, во всякомъ случаѣ имѣющій извѣстное значеніе для русской генеалогіи. Эти свѣдѣнія при нѣкоторой неполности и возможной неточности иныхъ хронологическихъ датъ (безъ чего, впрочемъ, едва-ли можетъ обойтись какой-либо трудъ по генеалогіи) заключаютъ нерѣдко новыя генеалогическія данныя, которыя можно было добыть только на мѣстахъ, а иногда и вносятъ поправки къ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ генеалогической литературѣ. Духовенство вводится въ „Некрополь“ только въ лицѣ наиболѣе извѣстныхъ или заслуженныхъ его представителей; купечество—въ лицѣ членовъ старыхъ купеческихъ родовъ и людей, извѣстныхъ благотворительностью или широкой торгово-промышленной дѣятельностью. Лица другихъ сословій встрѣчаются въ „Некрополѣ“ только въ силу какихъ-либо обращающихъ на нихъ вниманіе обстоятельствъ ихъ жизни и дѣятельности. Всѣ умершіе, независимо отъ ихъ происхожденія, вводятся въ „Некрополь“ и въ томъ случаѣ, если на ихъ памятникахъ имѣются оригинальныя эпитафіи“. Первый томъ удѣленъ Сѣверному раіону; въ немъ больше тысячи страницъ крупнаго формата.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Н. Н. ОБРУЧЕВЪ.

14185

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА".

Вступая въ 1914 г. въ сорокъ пятый годъ своего существованія, ред. журн. „Русская Старина" предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ѳ. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". **Дневныя записки генерала Патрика Гордона**, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича и Петра Великаго. **С. Е. О.** — „Письмо Императора Александра I къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о взятіи Парижа". „Письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны". **П. А. Зотова.**—„Война за независимость славянъ 1877—78 г.г.". Записки **Н. В. Исакова.**—„Военныя дѣйствія на Кавказѣ при кн. Воронцовѣ". **Г. И. Бобрикова.**—Воспоминанія. **Е. С. Шумигорскаго.** — „Кристинъ въ перепискѣ съ княжной Туркестановой, изъ эпохи Александра I". „Смольный монастырь". „О запискахъ Екатерины II". **А. З. Попельницкаго.**—„Спеціальная цензура книгъ". **П. К. Козлова.**—„Асканія-Нова въ прошедшемъ и настоящемъ". **А. М. Колонтай.**—„Записки генерала М. А. Домонтовича" **П. Л. Юдина.**—„Посольство Марины къ шаху Аббасу". „Лихолѣтье на Кавказскомъ рубежѣ". **А. С. Панкратова.** — „Старообрядцы и Наполеонъ I". **В. А. Андерсона.** — „Дневникъ И. М. Снѣгирева 1825—1828 гг." **Н. К. Полеваго.**—„Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1865—1870 г.г." (касаются Императора Александра II-го, Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева и др.). **Сообщ. Е. С. Шумигорскій.** — „Донесеніе Датскаго посланника Гастгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года". „Изъ записокъ гр. Ѳ. И. Головкина". „Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I". **Н. А. Вилламова.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **С. Н. Брайловскаго.**—„Александръ Ѳедоровичъ фонъ-деръ-Брикенъ на родинѣ". **А. С. Лацинскаго.**—„Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамѣ въ 1814 году". **В. А. Арсеньева.**—„Письмо Императора Александра I къ А. С. Кологривову". Письма И. А. Гончарова къ Никитенко. **П. А. Висковатова.** „Письма В. А. Жуковскаго къ К. К. Зейдлицу". **И. В. Мѣщанинова.** — „Два письма Аракчеева". **И. П. Мордвинова.**— „Гибель крамольнаго рудомета". „Демократъ двадцатыхъ годовъ". „Непризнанный геній". **Ф. П. Уловича.**—„Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій". **Н. А. Мурзанова.**—„Къ біографіи декабристовъ: [кн. С. Г. Волконскаго и М. А. Лунина". **В. Дометти.**—„Воспоминанія о спектакляхъ въ эрмитажномъ театрѣ". **Н. П. Хитрово.**—„Послѣдній штурмъ Карса въ 1877 году". **М. В. Безобразовой.**—„Дневникъ академика В. П. Безобразова". **В. А. Степанова.**— „Таинственный преступникъ". **А. М. Самбурскаго.**—„Очерки изъ семейной жизни". **Владиславлева.** — „Подонки родины". **С. В. Танѣева.**—„Курьезы старой Москвы". **З. А. Слезкинской.**—„Неудачная опека". **С. С. Чеха.**—„Елена Ивановна Шидянская, капитанъ Амазонской роты". **М. В. Станиславскаго.**— „Э. Ф. Направникъ". **С. Н. Введенскаго.**—„Непригожія рѣчи о патріархѣ Филаретѣ". „Демонскіе лики въ Рязани". **Т. М. Оленникова.** — „Іеромонахъ Юрьева монастыря Платонъ и его рукописи". **Е. С. М.**—„Депутатъ отъ Россіи". **Н. Ф. Мельницкаго.**—„Среди казаковъ въ русско-японскую войну". **Д. М. Лаврова.** — „Углицкій ссыльный колоколъ". **Н. И. Морозова.**— „Люди и нравы за полвѣка". **Б. В. Каховскаго.**—„Дневникъ М. И. Каховскаго о походѣ 1814 г." **Е. К. Андріяшевой.**—„Воспоминанія стараго педагога". Воспоминанія **Е. А. Рагозиной, Е. К. Андреевскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Веселовскаго** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Также будутъ печататься съ 1 марта 1914 г. Воспоминанія графа **Н. П. Игнатьева** о поѣздкѣ по Европейск. столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;
„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18 и Невскій, 13
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.
Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій Отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

05
Р. 88

14185 тив.

Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г. [1]).

(Съ примѣчаніями П. Д. Боейкова).

Въ день моего пріѣзда въ Парижъ я встрѣтилъ маркизу Салисбюри, которая сошлась въ бытность нашу въ Константинополѣ съ моей женой и очень сочувствовала моимъ взглядамъ. Она осталась въ Парижѣ на сутки, чтобы провести это время съ нами, и съ первыхъ же словъ стала упрекать насъ, что мы не пріѣхали въ Гатфильдъ, какъ обѣщали, если будемъ во Франціи. Мы обѣдали съ нею въ ресторанѣ вмѣстѣ съ Деказомъ, Шадорди и Гаркуромъ и провели вмѣстѣ весь вечеръ. Мнѣ удалось подробно познакомить маркизу съ положеніемъ дѣлъ, и я просилъ ее дать ея супругу всѣ нужныя разъясненія. Въ Парижѣ я бесѣдовалъ также нѣсколько разъ съ англійскимъ посланникомъ, которому подробно изложилъ точку зрѣнія моего правительства, и мнѣ видимо удалось убѣдить лорда Лайонса въ томъ, что не слѣдовало необдуманно портить дѣла, начатаго конференціей, и терять единственный возможный случай предотвратить русско-турецкую войну. „Разъясните лорду Биконсфильду и лорду Дерби, говорилъ я, что они одни будутъ отвѣтственны за неудачу нашихъ попытокъ сохранить миръ и за паденіе Турціи, которое можетъ быть ближайшимъ послѣдствіемъ этого“!

И лордъ Лайонсъ и маркиза Салисбюри горячо упрекали насъ за то, что мы не хотѣли ѣхать въ Лондонъ, и увѣряли, что моя поѣздка не могла создать маркизу никакихъ затрудне-

[1]) См. „Русская Старина“, май 1914 г.

ній, что въ Англіи будутъ очень рады меня видѣть и что мое присутствіе даже облегчитъ принятіе протокола. Маркиза Салисбюри напомнила мнѣ, что она и ея мужъ приглашали насъ пріѣхать по окончаніи конференціи въ Гатфильдъ и настаивали на томъ, чтобы ея друзья посѣтили ее въ Англіи передъ отъѣздомъ въ Россію. Положеніе мое было щекотливое; я не хотѣлъ повредить своему коллегѣ въ Англіи, признавъ, что затрудненія были созданы имъ и что онъ даже воспользовался именемъ маркиза Салисбюри, чтобы дать понять, что возникшія препятствія не были его личнымъ дѣломъ [1]). Я ограничился поэтому замѣчаніемъ, что, коль скоро явилась мысль, что моя поѣздка въ Лондонъ представляетъ неудобства съ политической точки зрѣнія, личное достоинство и патріотизмъ не позволяютъ мнѣ ѣхать въ Лондонъ безъ формальнаго приглашенія со стороны министерства, если только маркизъ Салисбюри не подтвердитъ мнѣ приглашеніе посѣтить Гатфильдъ, сдѣланное имъ еще въ Константинополѣ. Иначе, несмотря на удовольствіе, съ какимъ я воспользовался бы любезнымъ приглашеніемъ маркизы, я не видѣлъ возможности измѣнить своего маршрута и расчитывалъ дней черезъ шесть уѣхать въ Вѣну. Маркиза на другой же день уѣхала въ Лондонъ. Хотя путешествіе въ Англію казалось мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ необходимымъ и всѣми одобрялось, но, повинуясь приказанію императора, я рѣшилъ отказаться отъ этой поѣздки, хотя чувствовалъ, что это будетъ фальшивой нотой, которая нарушитъ гармонію возложенной на меня миссіи. Я даже воздерживался передавать канцлеру свѣдѣнія и указанія, получаемыя мною со всѣхъ сторонъ, изъ Берлина, изъ Парижа и даже изъ Лондона, которыя показывали, до какой степени все, что утверждалъ гр. Шуваловъ, мало вязалось съ дѣйствительностью. Я не хотѣлъ даже для вида стать на почву личнаго соперничества и интригъ, столь не согласныхъ съ патріотической и самоотверженной цѣлью, для которой я работалъ и отъ которой никогда не отступалъ.

Затѣмъ я послалъ гр. Шувалову слѣдующую телеграмму: „Имѣете ли вы что-нибудь сказать мнѣ, я уѣзжаю въ четвергъ“. Это была послѣдняя попытка обратиться къ добросовѣстности

---

[1]) Во время нашего разговора маркиза ясно намекнула на то, что всѣ эти затрудненія выдуманы Шуваловымъ единственно съ цѣлью не допустить меня въ Лондонъ; она самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицала возможность того, что присутствіе бывшаго коллеги ея мужа по Константинопольской конференціи могло бы его стѣснить.

Прим. авт.

нашего посла въ Лондонѣ съ цѣлью дать ѣму возможность измѣнить его отношеніе ко мнѣ, дать понять ему, что въ противномъ случаѣ я уѣду въ Вѣну и не приму на себя отвѣтственности за послѣдствія.

Вещи мои уже были уложены, и я уже извѣстилъ австрійскаго посланника о томъ, что я уѣзжаю черезъ день, 2 марта, утромъ, какъ вдругъ я получилъ отъ маркиза Салисбюри письмо слѣдующаго содержанія: „Любезный генералъ, надѣюсь, что еще до прочтенія этихъ строкъ [1]), вамъ будетъ извѣстно, что дѣла идутъ здѣсь хорошо и что согласіе нарушено не будетъ. Увѣряю васъ, что я неохотно телеграфировалъ вамъ, совѣтуя повременить въ Парижѣ [2]), такъ какъ я очень желалъ побесѣдовать съ вами обо всемъ.

„Но общественное мнѣніе здѣсь—нашъ владыка; приходится считаться даже съ его слабостями, въ особенности въ такую критическую минуту. Оно имѣетъ иногда слабость воображать, что ему стараются навязать опредѣленную политику, и пріѣздъ человѣка столь извѣстнаго какъ вы со спеціальной миссіей (*до того какъ здѣсь было принято какое-либо рѣшеніе*) могъ озлобить общество и раздражить его щепетильность на этотъ счетъ. Въ настоящее время кризисъ, надѣюсь, миновалъ. Не знаю, имѣете ли вы еще время [3]), но если бы вы могли подарить намъ нѣсколько дней и пріѣхать въ Гатфильдъ съ вашей супругой, если она согласна сопровождать васъ, вы доставили бы намъ этимъ величайшее удовольствіе. Не думайте, что я сколько-нибудь измѣнилъ свое мнѣніе въ отношеніи главнаго вопроса или что я отношусь менѣе горячо къ участи христіанъ и къ европейскому согласію; въ особенности будьте увѣрены въ моей совершенной преданности. Салисбюри“.

На другой день, 3/15 марта, какъ бы для того, чтобы разсѣять всякое сомнѣніе съ моей стороны и доказать мнѣ, что англійскій кабинетъ отрѣшился отъ предубѣжденія, которое было внушено ему, и желалъ видѣть меня въ Лондонѣ, маркизъ Салюсбюри телеграфировалъ мнѣ слѣдующее:

---

[1]) Эти строки были написаны наканунѣ засѣданія кабинета, на которомъ принципіально рѣшено принять протоколъ.

[2]) Въ отвѣтъ на настоятельное приглашеніе маркизы, я сказалъ ей, что я окончательно рѣшилъ отказаться отъ поѣздки въ Лондонъ потому, что мнѣ телеграфировали, будто Салисбюри самъ измѣнилъ свой взглядъ и предпочиталъ, чтобы я остался въ Парижѣ. *Прим. авт.*

[3]) Я говорилъ маркизѣ, что я не могу отложить поѣздку въ Вѣну далѣе какъ до четверга 3/15 марта. *Прим. авт.*

„Генералу Игнатьеву, отель du Rhin, Парижъ. Графъ и графиня Дерби просятъ генерала и г-жу Игнатьеву отобѣдать у въ Foreign-office (министерствѣ иностранныхъ дѣлъ), въ субботу вечеромъ. Уѣхать въ Гатфильдъ, если пожелаете, можно будетъ въ тотъ же день, въ двѣнадцать часовъ ночи".

И такъ, въ Англіи все было готово къ моему пріѣзду и все-таки я не счелъ себя въ правѣ принять приглашеніе, не сообщивъ о томъ телеграммою въ Петербургъ и не получивъ приказаній Императора. Отвѣтъ не замедлилъ: я получилъ черезъ князя Горчакова позволеніе Его Величества принять приглашеніе Салисбюри. Очень странно во всемъ этомъ дѣлѣ, то, что графъ Шуваловъ, дружескія отношенія котораго къ графу и графинѣ Дерби не составляли ни для кого тайны, видимо не подозрѣвалъ происшедшей перемѣны и даже отрицалъ самый фактъ полученнаго мною приглашенія, изображая такимъ образомъ въ своихъ донесеніяхъ канцлеру мою поѣздку въ Англію въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Какъ только я отвѣтилъ Салисбюри, что я принимаю съ удовольствіемъ его приглашеніе и приглашеніе графа и графини Дерби, въ тотъ же день (3/15 марта, вечеромъ) я получилъ отъ лорда Лайонса записку, написанную какъ будто съ цѣлью не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія относительно характера моей поѣздки въ Англію; онъ спрашивалъ меня, когда и какимъ путемъ я предполагаю ѣхать въ Лондонъ; оказывается, посланникъ получилъ объ этомъ запросъ по телеграфу изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, съ просьбою отвѣтить телеграммой, дабы таможня и желѣзнодорожное общество могли быть предупреждены своевременно.

„Любезный генералъ, будьте добры увѣдомить меня, по какой желѣзной дорогѣ вы поѣдете изъ Дувра въ Лондонъ. Изъ прилагаемой при семъ телеграммы вы увидите, почему я объ этомъ спрашиваю. Они хотятъ знать, съ какой станціи вы пріѣдете, чтобы предупредить таможню. Конечная станція юго-восточной дороги—Charing Cross, а Лондонъ—Чатамской и Дуврской—Victoria station.

Пожелавъ вамъ всего наилучшаго, остаюсь вашъ искренній другъ и старый коллега Лайонсъ".

Чтобы не откладывать слишкомъ надолго поѣздку въ Вѣну, гдѣ меня уже ожидали, и не задѣть щепетильности императора Франца Іосифа, я поспѣшилъ отвѣтить лорду Лайонсу и выѣхалъ въ Лондонъ на Кале и Дувръ нѣсколько часовъ спустя, послѣ полученія мною разрѣшенія отъ Императора и моего отвѣта Салисбюри съ увѣдомленіемъ о моемъ пріѣздѣ.

Въ Англіи мнѣ былъ оказанъ самый дружественный пріемъ, не оставившій желать ничего лучшаго. Въ Дуврѣ, въ мое распоряженіе былъ предоставленъ спеціальный вагонъ, и вопреки опасеніямъ, выраженнымъ русскимъ посланникомъ, на станціи какъ въ Дуврѣ, такъ и въ Лондонѣ публика привѣтствовала меня весьма почтительно. Пріѣхавъ въ Лондонъ въ пятницу 4/16 марта, мы съ женою отобѣдали у гр. Шувалова, у котораго встрѣтили маркизу Салисбюри, ея дочь и нѣсколько посланниковъ. На другой день я былъ вмѣстѣ съ гр. Шуваловымъ съ визитомъ у гр. Дерби, у лорда Биконсфильда и у чиновъ дипломатическаго корпуса, былъ на обѣдѣ и на раутѣ у гр. Дерби, гдѣ познакомился съ самыми видными представителями правительства и англійскаго общества. Съ поѣздомъ, отходящимъ изъ Лондона въ полночь, мы отправились въ замокъ Салисбюри, Гатфильдъ, гдѣ четыре дня пользовались самымъ широкимъ и дружескимъ его гостепріимствомъ. Хозяева дома сдѣлали все возможное, чтобы пребываніе у нихъ было для меня пріятно и интересно; приглашая по очереди самыхъ разнообразныхъ лицъ, они доставили мнѣ случай бесѣдовать съ людьми, которые могли интересовать меня и принадлежали не только къ правительственной партіи, но и къ оппозиціи, каковы Гартингтонъ, Форстеръ, Гошенъ.

Уѣхавъ изъ Гатфильда въ слѣдующій четвергъ, я остановился на два дня въ Claridge-Hotel, и отобѣдавъ у лорда Биконсфильда и повидавшись съ лордомъ Дерби и съ видными представителями обѣихъ партій, уѣхалъ въ пятницу вечеромъ изъ Лондона съ намѣреніемъ провести сутки въ Парижѣ и оттуда немедленно выѣхать въ Вѣну.

Мои отношенія къ гр. Шувалову во время моего пребыванія въ Англіи не предвѣщали успѣшнаго окончанія того дипломатическаго дѣла, которое мы должны были провести вмѣстѣ, и не могли облегчить моего положенія. Напротивъ, поведеніе русскаго посла въ Лондонѣ отличалось крайней недоброжелательностью по отношенію ко мнѣ, его бывшему коллегѣ. Такъ, въ самый день моего пріѣзда, задержавъ меня у себя послѣ обѣда часа на два, онъ даже не предупредилъ меня о томъ, что онъ собрался въ ту же ночь послать князю Горчакову курьера (вмѣсто того чтобы задержать его дня на два и предоставить въ мое распоряженіе) съ отчетомъ о своихъ переговорахъ съ Дерби; онъ не потрудился даже познакомить меня съ содержаніемъ своихъ донесеній и писемъ, такъ что я узналъ объ отъѣздѣ курьера на другой день случайно отъ се-

кретаря посольства, и мнѣ такъ и не пришлось познакомиться съ содержаніемъ депешъ, касавшихся по большей части меня лично [1]).

Боясь вызвать какія-нибудь недоразумѣнія и не зная сущности переговоровъ, которые велись гр. Шуваловымъ съ большой развязностью на моихъ глазахъ, и отъ которыхъ онъ старался устранить меня, такъ какъ я не хотѣлъ содѣйствовать принятію англійскихъ предложеній, я рѣшилъ не навязываться, и рѣшительно ничего не писалъ и не телеграфировалъ канцлеру изъ Лондона, полагая, что въ Петербургѣ поймутъ причину этого.

Тѣмъ временемъ, князь Горчаковъ сообщилъ мнѣ, черезъ посредство русскаго посланника въ Парижѣ, нижеслѣдующую инструкцію, данную имъ Шувалову. „Сообщите Игнатьеву. Я телеграфирую Шувалову: Принятіе какого-нибудь протокола въ принципѣ не удовлетворитъ насъ. Намъ нужны главнымъ образомъ гарантіи въ томъ, что будутъ приняты главные пункты, положенные въ основу нашего протокола. Измѣненія, сдѣланныя Дерби, очень существенны. Мы можемъ высказаться не иначе, какъ имѣя передъ глазами текстъ его проекта. Если онъ заупрямится, вы пришлете его намъ, принявъ его ad referendum“.

Въ то время какъ канцлеръ старался еще, по возможности, отстоять текстъ, сообщенный нами берлинскому и прочимъ кабинетамъ, гр. Шуваловъ уже пожертвовалъ имъ и выработалъ съ лордомъ Дерби совсѣмъ иной проектъ, который онъ взялся представить по телеграфу на одобреніе канцлера. Когда Шуваловъ сообщилъ мнѣ этотъ проектъ, я понялъ, что измѣненія въ нашемъ первоначальномъ текстѣ были сдѣланы подъ вліяніемъ проекта, показаннаго мнѣ герцогомъ Деказомъ, который я находилъ неубѣдительнымъ и безцвѣтнымъ.

Французскій министръ естественно хотѣлъ смягчить предложенный нами протоколъ съ той цѣлью, чтобы онъ могъ быть скорѣе принятъ англичанами. Я былъ въ высшей степени удивленъ, увидавъ эту новую редакцію проекта, и до извѣстной

---

[1]) Въ этомъ отношеніи мы находились не въ равныхъ условіяхъ, и канцлеръ не старался уравнять обоихъ пословъ, такъ какъ я не видѣлъ переписки гр. Шувалова, тогда какъ гр. Шувалову посылались копіи всѣхъ телеграммъ и писемъ, посланныхъ мною съ дороги князю Горчакову, и онъ комментировалъ ихъ самымъ недоброжелательнымъ образомъ, въ то время какъ я не имѣлъ возможности представить ни своихъ возраженій, ни объясненій. *Прим. авт.*

степени обиженъ тѣмъ, что меня такъ безцеремонно устранили отъ переговоровъ, несмотря на инструкціи князя Горчакова, который то и дѣло повторялъ русскому послу въ Лондонѣ, что онъ долженъ былъ посовѣтоваться предварительно со своимъ константинопольскимъ коллегой. Къ великому неудовольствію Шувалова, я не только не присоединился къ его мнѣнію, но высказалъ ему откровенно, что новый проектъ значительно разнится отъ того, который былъ редактированъ въ Петербургѣ и сообщенъ Бисмарку, Деказу и Чіальдини. Въ новой редакціи было упущено все то, что связывало протоколъ съ конференціей; державы предлагали теперь Портѣ только свои дружескія услуги для заключенія мира, не желая навязывать ей никакого окончательнаго рѣшенія; перечисленіе въ нашемъ проектѣ обѣщанныхъ турками реформъ, сдѣланное съ той цѣлью, чтобы онѣ могли быть торжественно приняты къ свѣдѣнію, было ослаблено и искажено упоминаніемъ о предстоящихъ конституціонныхъ реформахъ. Однимъ словомъ, мнѣ казалось невѣроятно, чтобы проектъ Дерби—Шувалова могъ быть принятъ императорскимъ кабинетомъ. Графъ Дерби не хотѣлъ даже принять оффиціально къ свѣдѣнію, какъ я настаивалъ, заявленій турецкаго посланника въ Лондонѣ относительно предполагаемыхъ проектовъ реорганизаціи турецкаго управленія, считая ихъ не болѣе какъ „конфиденціальными сообщеніями великаго визиря великобританскому правительству“ и признавая только оффиціальную циркулярную ноту Савфетъ-паши [1]), редактированную ad usum delphini адвокатомъ Порты, г. Тариномъ. Такимъ образомъ, какъ я говорилъ въ своемъ нисьмѣ къ канцлеру изъ Вѣны, отъ 13/25 марта, въ торжественномъ актѣ, коимъ должна была завершиться дипломатическая кампанія европейскихъ державъ, обѣщанія, данныя Турціей на конференціи и тогда же неодобренныя Европой въ лицѣ ея уполномоченныхъ, которые признали ихъ призрачными и недостаточными, были еще болѣе уменьшены. „Подъ впечатлѣніемъ единодушныхъ и настоятельныхъ требованій представителей державъ, турецкіе уполномоченные заявили тогда, что

[1]) Савфетъ-паша турецкій политическій дѣятель (1815–1883). Въ декабрѣ 1876 года былъ представителемъ Турціи въ константинопольской конференціи, въ іюлѣ 1877 года вышелъ въ отставку вслѣдствіе разногласій съ великимъ визиремъ Эдхемомъ-пашей по вопросу о мирѣ съ Россіей. Въ началѣ 1878 г. назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, велъ переговоры съ русскими уполномоченными и подписалъ Санъ-Стефанскій договоръ. П. В.

они *на все согласны въ принципѣ*, за исключеніемъ учрежденія контрольной комиссіи и назначенія вали съ согласія державъ". Въ томъ же письмѣ я обращалъ вниманіе канцлера на то, что въ редакціи, выработанной Дерби и Шуваловымъ, было „три совершенно непріемлемыхъ параграфа: въ первомъ говорилось о правилахъ для жандармеріи, переданныхъ г. Пакеру (англійскому офицеру, состоящему на турецкой службѣ, весьма враждебно настроенному въ Россіи) для его ознакомленія; во второмъ о раздѣленіи *коммунъ на кантоны* (что представляетъ безсмыслицу, такъ какъ кантоны больше коммунъ), наконецъ, въ третьемъ идетъ рѣчь *о мѣрахъ, изданныхъ съ соизволенія и съ одобренія нашего августѣйшаго монарха*, при чемъ подъ этимъ подразумѣвается султанъ".

Гр. Шуваловъ призналъ эти замѣчанія основательными и согласился, при свиданіи съ гр. Дерби на другой день (въ субботу) въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ потребовать, чтобы изъ измѣненнаго имъ проекта протокола было исключено все, относящееся до турецкой конституціи, а равно и вышеупомянутые три удивительные параграфа предложивъ замѣнить перечисленіе реформъ обѣщанныхъ Турціей, что придавало обязательствамъ Порты болѣе ограничительный смыслъ, одной общей, туманной фразой.

„Я старался такимъ образомъ, какъ я и говорю въ выше„упомянутомъ письмѣ, „спасти" насколько возможно значеніе „протокола, который постепенно былъ обезцѣненъ и оказался „гораздо ниже краткаго заключенія, представленнаго конференціи „представителями державъ, какъ ихъ послѣднее слово. Впро„чемъ, мнѣ не было надобности входить съ гр. Дерби въ обсу„жденіе этого вопроса по существу, ибо, какъ замѣтилъ мой „коллега [1]) „его рѣшеніе зависѣло всецѣло отъ вашего сіятель„ства, и намъ надобно было только ожидать вашего отвѣта на „сообщенія графа Шувалова, посланныя въ Петербургъ".

И дѣйствительно, не желая показать, что я не одобряю дѣйствій моего коллеги и что политика Императорскаго кабинета двойственна, я ограничился при свиданіи съ Дерби, на другой день, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, указаніемъ лишь на редакціонные промахи, особенно рѣзко бросавшіеся въ глаза, сдѣлавъ это какъ бы отъ себя лично, и настаивалъ только на безусловной необходимости замѣнить перечисленіе обѣщанныхъ

[1]) Какъ только онъ увидѣлъ, что я настаиваю на своихъ взглядахъ и не прихожу въ восторгъ отъ того, что было сдѣлано въ Лондонѣ.
Прим. авт.

турками жалкихъ реформъ общей фразой, въ духѣ постановленій конференціи и доказывалъ, что выраженія, употребленныя турками, могли породить въ будущемъ одни недоразумѣнія. Лордъ Дерби согласился на это, впрочемъ не безъ колебаній. Его манера вести переговоры чрезвычайно не нравилась мнѣ. Англійскій министръ плохо зналъ французскій языкъ, не былъ въ курсѣ Восточныхъ дѣлъ и, будучи слабохарактеренъ, нерѣшителенъ и робокъ, заставлялъ переводить по-англійски всякую фразу, которую ему предлагали, и исправлялъ ее согласно съ замѣчаніями, сдѣланными его бюро, которымъ онъ сообщалъ всѣ дѣлаемыя ему предложенія, а они возвращали ихъ съ замѣчаніями и иной разъ съ приложеніемъ документовъ, взятыхъ изъ дѣлъ. Измѣняя такимъ образомъ англійскую редакцію до тѣхъ поръ, пока она не соотвѣтствовала предвзятымъ мнѣніямъ бюро министерства иностранныхъ дѣлъ по Восточному вопросу, гр. Дерби говорилъ добродушно, что то или другое мѣсто очень хорошо именно такъ и что остается только перевести его дословно на французскій языкъ...

Выведенный изъ терпѣнія этимъ наборомъ неудобоваримыхъ французскихъ фразъ, я не выдержалъ и сказалъ, что это „*не по-французски, это какая-то тарабарщина*“ и предупредилъ своего коллегу, что я никогда не подпишу актъ „сфабрико„ванный такимъ образомъ“. „Между тѣмъ настроеніе англійскаго „министра иностранныхъ дѣлъ было довольно благопріятно „для насъ и, говорилось въ моемъ письмѣ отъ 13/25 марта, „была даже надежда что его удастся убѣдить мало-по-малу „подписать, хотя измѣненный, но болѣе приличный протоколъ, „какъ вдругъ наши переговоры наткнулись на подводный ка„мень, коимъ оказалась демобилизація нашей арміи [1]). У лорда „Дерби сложился повидимому съ самаго начала перегово„ровъ съ нашимъ посланникомъ ошибочный взглядъ, будто мы „ставимъ демобилизацію въ зависимость отъ подписанія про„токола [2]), коимъ закончились бы возникшія осложненія“.

---

[1]) Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ былъ поднятъ необдуманно и долго обсуждался гр. Шуваловымъ и лордомъ Дерби. Русскій посолъ въ Лондонѣ повидимому хотѣлъ, чтобы и я принялъ на себя долю отвѣтственности за это, и расчитывалъ, застигнувъ меня врасплохъ, не встрѣтить съ моей стороны слишкомъ большого противодѣйствія къ тому, чтобы дать таковыя обѣщанія англійскому кабинету; поэтому во время нашего свиданія онъ самъ повелъ разговоръ о разоруженіи.

[2]) Маркизъ Салисбюри прямо сказалъ это во время нашей бесѣды въ Гатфильдѣ, удивленный повидимому тѣмъ, что я не раздѣлялъ взгляда, который онъ считалъ взглядомъ петербургскаго кабинета. *Прим. авт.*

Между тѣмъ я считалъ весьма важнымъ „избѣжать всякихъ „недоразумѣній по этому поводу и предупредить обвиненія, по„добныя тѣмъ, какія были выставлены противъ насъ Англіей „послѣ взятія Хивы“ [1]). Поэтому обсудивъ вопросъ довольно поверхностно въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ присутствіи моего коллеги, я воспользовался въ тотъ же день случаемъ на обѣдѣ и на вечерѣ у Дерби и поѣздкой съ нимъ въ вагонѣ въ Виндзоръ во вторникъ 8 числа, чтобы коснуться откровенно этого вопроса и постараться разсѣять заблужденіе, будто протоколъ обязываетъ насъ „покончить съ Восточнымъ вопросомъ“ [2]).

„Для насъ, сказалъ я, онъ будетъ оконченъ лишь съ дѣй„ствительнымъ улучшеніемъ участи христіанъ. Но весьма мало „вѣроятія, чтобы онъ существенно измѣнился съ подписаніемъ „протокола, который является для насъ не болѣе какъ логи„ческимъ исходомъ конференціи, коль скоро не хотятъ при„бѣгнуть къ немедленному коллективному выступленію. Я обрисо„валъ лорду Дерби истинное положеніе дѣлъ въ Константинополѣ: „отсутствіе настоящихъ государственныхъ людей, слабость цен„тральнаго правительства и невозможность расчитывать при подоб„ныхъ условіяхъ на серьезныя реформы. Кромѣ того, такъ какъ „наша армія представляла могучую охрану христіанъ, то ее „нельзя было отозвать съ границы до тѣхъ поръ, пока орды баши„бузуковъ будутъ вооружены, угрожая жизни и имуществу „этихъ несчастныхъ народовъ. Одна надежда на нашу демоби„лизацію, если бы мы согласились на нее въ Лондонѣ, сильно „увеличила бы хвастливость турокъ и повергла бы въ отчаяніе „христіанъ, положеніе которыхъ сдѣлалось бы еще болѣе не„обезпеченнымъ [3]). Англія“, говорилъ я лорду Дерби, „имѣетъ

[1]) Англичане утверждаютъ, будто Шуваловъ обѣщалъ въ свое время что наши войска не вступятъ въ Хиву. Между тѣмъ онъ былъ уполномоченъ объявить одно — что мы не помышляемъ о завоеваніи города Хивы.

[2]) Подобный взглядъ могъ возникнуть только въ умѣ людей, не имѣющихъ никакого понятія о дѣлахъ Востока вообще и судящихъ очень поверхностно объ историческихъ событіяхъ и объ интересахъ отдѣльныхъ народовъ. Къ несчастью, гр. Шуваловъ также смотрѣлъ на Восточный вопросъ какъ на предметъ роскоши, очень скучный для тѣхъ которые имъ не увлекаются и который могъ бы не тревожить болѣе европейскія державы, если бы такіе страстные „поборники славянства“, какъ я, перестали имъ заниматься. Онъ не скрывалъ своего взгляда отъ англичанъ. *Прим. авт.*

[3]) Событія доказали, что я былъ правъ, такъ какъ Муссурусъ-паша поспѣшилъ сообщить изъ Лондона, что Англія хочетъ добиться отъ

„только два средства произвести на турокъ давленіе съ цѣлью „добиться, чтобы турки дѣйствительно приступили къ осущест- „вленію реформъ, и обезпечить безопасность христіанъ. Эти „средства суть: англійскій флотъ, къ содѣйствію котораго импе- „раторское правительство, съ полнымъ безкорыстіемъ, предла- „гало прибѣгнуть еще осенью, во время миссіи гр. Сумарокова- „Эльстона въ Вѣну. И русская армія, сосредоточенная на турец- „кой границѣ. Эта армія представляетъ значительный капи- „талъ, проценты съ коего Россія имѣетъ право требовать. Я „спросилъ, наконецъ, своего собесѣдника, какими гарантіями „онъ расчитываетъ замѣнить русскія войска, если бы они, „какъ ему хотѣлось, возвратились къ своимъ очагамъ; и заявилъ, „что, не касаясь вопроса о нашемъ достоинствѣ, которымъ мы „не можемъ поступиться, нелогично было бы измѣнить роли „и потребовать гарантій отъ насъ прежде, нежели отъ Турціи. „Кромѣ того, такъ какъ миръ съ Черногоріей еще не подпи- „санъ, то намъ приходится по неволѣ стоять подъ ружьемъ, „соотвѣтственно съ декларацією, сдѣланной на конференціи съ „согласія маркиза Салисбюри. Мы не могли приступить къ „демобилизаціи, не имѣя достаточнаго повода для столь важ- „наго шага, который затѣмъ уже не могъ бы быть измѣненъ. „Наконецъ, что касается общественнаго мнѣнія и требованій „парламентарнаго строя, на которыя всегда ссылаются въ Англіи, „желая доказать намъ крайнюю необходимость для англійскаго „кабинета одержать дипломатическій успѣхъ, хотя бы на нашъ „счетъ, то и у насъ, въ Россіи, надобно считаться съ обще- „ственнымъ мнѣніемъ, которое въ данный моментъ очень воз- „буждено и хотя высказывается не такъ шумно, но требуетъ, „чтобы съ нимъ считались. Въ Россіи никогда не поймутъ, „чтобы войска могли быть распущены въ силу обязательства, при- „нятаго по отношенію къ иностранной державѣ, и увидятъ въ „этомъ вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла. Наконецъ, я „высказалъ графу Дерби надежду, что онъ найдетъ удовлетво- „рительными тѣ искреннія и исчерпывающія объясненія, кото- „рыя я ему далъ съ цѣлью установить между нами полное „согласіе, безъ всякихъ недоразумѣній и безъ той подозри-

---

Россіи демобилизаціи ея арміи и находитъ справедливымъ сохранить въ этомъ дѣлѣ полное равенство; это поощрило Эдхемъ-пашу и Порту упорствовать въ своемъ сопротивленіи волѣ державъ и даже отвергнуть протоколъ, что и было подтверждено мнѣ во время переговоровъ въ Санъ-Стефано нѣсколькими турецкими сановниками.

Прим. авт.

„тельности, съ какою къ намъ отнеслись въ среднеазіатскихъ „дѣлахъ. Мои доводы и все мною сказанное видимо произвелъ „впечатлѣніе на лорда Дерби, признавшаго полную откровен„ность и лойяльность моихъ словъ".

„Онъ готовъ былъ даже признать справедливость большей „части сдѣланныхъ мною замѣчаній, но ссылался на то, что „англійскому министру было бы невозможно оправдать передъ „парламентомъ принятіе протокола, который обязывалъ турокъ „разоружиться, если бы это не имѣло послѣдствіемъ немедлен„ной демобилизаціи русской арміи. Чтобы отвѣтить что-нибудь „на это возраженіе, я предложилъ ему, оговорившись, что это „было мое личное мнѣніе, исключить изъ протокола то мѣсто, „гдѣ говорилось о разоруженіи Турціи; при этомъ я замѣтилъ, „что мы будемъ вынуждены уладить вопросъ о разоруженіи „непосредственно съ самой Портой, съ глаза на глазъ, что, „быть можетъ, покажется не совсѣмъ удобнымъ съ точки зрѣнія „западныхъ державъ".

„Къ сожалѣнію, робкій и нерѣшительный лордъ Дерби не могъ дѣйствовать твердо и энергично, какъ подсказывалъ ему его ясный умъ, и онъ подчинялся вліянію министерскихъ бюро, проникнутыхъ руссофобскими тенденціями.

„Довольно продолжительная бесѣда, которую я имѣлъ въ „Гатфильдѣ, у маркиза Салисбюри, съ лордомъ Тендертономъ, „вторымъ секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ, имѣв„шимъ огромное вліяніе на дѣла, показала мнѣ какъ нельзя „лучше, какія почти непреодолимыя трудности приходилось „побѣдить англійскому министру съ характеромъ лорда Дерби, „чтобы подписать протоколъ въ духѣ нашихъ идей. Надобно „было только удивляться упорству, съ какимъ лордъ Тендер„тонъ настаивалъ на томъ, что Англія не можетъ подписать „протокола *до* того, какъ мы обязуемся демобилизовать армію. „Онъ настаивалъ на томъ, что великобританскій кабинетъ „*согласился, съ самаго начала, обсуждать этотъ актъ* лишь при „условіи: 1-е, что державы будутъ дѣйствовать согласно, 2-е, если „этотъ дипломатическій актъ не потребуетъ немедленнаго при„нятія понудительныхъ мѣръ противъ турокъ и 3-е, если Россія „согласится разоружиться. Напрасно старался я доказать моему „собесѣднику, что эти вопросы не находятся ни въ какой зави„симости между собой [1]). Признавая всю силу моихъ доводовъ

[1]) Это недоразумѣніе показываетъ, что вопросъ *съ самаго начала* былъ поставленъ въ Лондонѣ неправильно, и что гр. Шуваловъ, привыкнувъ издавна относиться почтительно къ мнѣнію англичанъ и ино-

„съ русской точки зрѣнія, лордъ Тендертонъ заявилъ, что въ „*основѣ англійской политики отнюдь не лежатъ требованія простой „логики*, а исключительно интересы Англіи и требованія парла„ментарнаго строя. Желаніе оказать помощь христіанамъ также „не могло повліять на рѣшенія англійскаго кабинета. По его „словамъ, англійская политика столь же мало заботится о „пустомъ вопросѣ объ ея достоинствѣ, какъ и о дипломатиче„скихъ успѣхахъ подобныхъ подписанію Лондонскаго прото„кола“ [1]).

„Почти то же самое, хотя въ нѣсколько болѣе приличной „и любезной формѣ, я услыхалъ изъ устъ лорда Дерби, когда „я пріѣхалъ къ нему съ гр. Шуваловымъ, чтобы сообщить объ „измѣненіяхъ, сдѣланныхъ вашимъ сіятельствомъ въ предпола„гаемомъ текстѣ протокола, присланномъ изъ Лондона. Заранѣе „предвидя большую часть этихъ поправокъ, я уже и самъ „пытался сдѣлать ихъ, но гр. Дерби уклонился отъ подробнаго „обсужденія редакціи протокола, отговариваясь тѣмъ, что на „засѣданіи совѣта министровъ, состоявшемся въ то утро, было „рѣшено, что соглашеніе о демобилизаціи должно *предшество„вать* подписанію протокола“.

Это вызвало довольно оживленную бесѣду, въ которой принялъ горячее участіе гр. Шуваловъ; ему повидимому было очень досадно, что дѣло приняло оборотъ, который онъ старался скрыть какъ отъ императорскаго кабинета, такъ и отъ своего константинопольскаго коллеги, очевидно съ цѣлью облегчить соглашеніе съ англійскимъ министерствомъ. Я рѣшительно отказался отъ обсужденія вопроса о русской демобилизаціи и заявилъ какъ гр. Дерби, такъ и гр. Шувалову, что я уѣзжаю въ Вѣну, такъ какъ при этихъ условіяхъ мнѣ нечего дѣлать въ Лондонѣ и что я никогда не подпишу протокола, измѣненнаго

странцевъ вообще, и совершенно не уважать мнѣній Россіи, не высказалъ опредѣленно нашей точки зрѣнія и не поддерживалъ ее, точно также какъ онъ поступалъ во время переговоровъ о Хивѣ и въ періодъ, протекшій между заключеніемъ Санъ-Стефанскаго мира и Берлинскимъ конгрессомъ. *Прим. авт.*

[1]) Я попытался тронуть англійскихъ дипломатовъ тѣмъ, что достоинство державъ и въ особенности Англіи, по почину которой была созвана конференція, не позволяетъ примириться съ отказомъ Порты послѣ торжественнаго заявленія, сдѣланнаго на послѣднемъ засѣданіи конференціи, и что торійское министерство могло бы гордиться тѣмъ, что оно перенесло центръ тяжести переговоровъ въ Лондонъ и завершило ихъ подписаніемъ протокола. *Прим. авт.*

столь страннымъ образомъ. Я вынесъ изъ этой бесѣды впечатлѣніе, что „протоколъ не будетъ подписанъ статсъ-секретаремъ, „если не будетъ найдена такая редакція, которая удовлетворила „бы до извѣстной степени требованія гр. Дерби относительно „демобилизаціи". Сообщая объ этомъ канцлеру изъ Вѣны, я „присовокупилъ: „Вашъ отвѣтъ могъ бы быть переданъ по „телеграфу нашему посланнику въ Лондонѣ, который сообщилъ „бы его министру иностранныхъ дѣлъ. Послѣдній, со своей „стороны, могъ бы дать обязательство предъявить это сообщеніе „палатамъ только тогда, когда демобилизація совершится въ „срокъ, назначенный нашимъ августѣйшимъ монархомъ, сооб„разно съ его собственными видами". Это была мысль гр. Шувалова, которая мнѣ не нравилась, но которую я передалъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ канцлеру, исполняя просьбу гр. Шувалова, на которой онъ очень настаивалъ, заѣхавъ въ Claridge Hôtel во второмъ часу ночи проститься со мною передъ моимъ отъѣздомъ въ Парижъ; онъ просилъ меня остаться въ Лондонѣ еще нѣсколько дней, чтобы помочь ему въ переговорахъ съ англійскими министрами.

Я былъ увѣренъ въ томъ, что было бы гораздо лучше познакомить англійское правительство нѣсколько раньше, — какъ это было рѣшено въ Петербургѣ, когда на меня возложили извѣстную миссію — съ нашимъ первоначальнымъ проектомъ, когда онъ еще не былъ искаженъ поправками, которыя были сдѣланы въ немъ, чтобы облегчить соглашеніе съ Англіей и категорически устранить съ самаго начала всякія пренія по вопросу о демобилизаціи, какъ это было въ Берлинѣ и въ Парижѣ. Сдѣланные нами шаги привели бы въ такомъ случаѣ къ болѣе удовлетворительному результату, и мысль о двухъ противорѣчивыхъ декларацiяхъ не могла бы возникнуть.

Бесѣдуя съ видными англійскими дѣятелями, съ которыми я встрѣчался въ Гатфильдѣ и въ Лондонѣ, всякій разъ какъ заходила рѣчь о Восточномъ вопросѣ и о протоколѣ, я говорилъ съ ними въ томъ же духѣ, какъ съ лордомъ Дерби и съ маркизомъ Салисбюри. Разумѣется, этотъ тонъ и эти аргументы не могли нравиться людямъ, стоящимъ у власти, которые предпочитали покладистый космополитизмъ Шувалова, тѣмъ болѣе, что онъ отнюдь не скрывалъ своего отвращенія къ Восточнымъ дѣламъ вообще и къ болгарамъ, сербамъ и черногорцамъ въ особенности. Гр. Шуваловъ хотѣлъ, чтобы я былъ одного мнѣнія съ нимъ, и былъ очень разсерженъ, читая мои

письма, коварно посланныя ему княземъ Горчаковымъ [1]), которыя, невольно для ихъ автора, заключали косвенно самую жестокую критику его взглядовъ, его образа мыслей и его руководства нашими дѣлами въ Англіи.

Гр. Шуваловъ не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы заставить меня быть солидарнымъ съ нимъ въ переговорахъ съ англійскими министрами, дабы исторгнуть у императора уступки, что дало бы ему возможность подписать международный актъ, и объявить себя впослѣдствіи спасителемъ европейскаго мира, который „генералъ Игнатьевъ едва не погубилъ своимъ панславянскимъ усердіемъ“ и „отсутствіемъ европейскаго такта“. Для доказательства этого достаточно будетъ привести нижеслѣдующую телеграмму, посланную гр. Шуваловымъ канцлеру 6 марта, въ то время какъ я былъ въ Гатфильдѣ [2]), въ отвѣтъ на вопросъ канцлера, который колебался и хотѣлъ имѣть характеристику бывшаго русскаго посланника въ Константинополѣ:

„Мой коллега вернется изъ Гатфильда завтра утромъ; пере-
„дамъ ему телеграмму, на которую онъ отвѣтитъ лично. Изъ
„нашихъ бесѣдъ заключаю, что онъ раздѣляетъ мое мнѣніе.
„(Шифровано). Вчера мы, втроемъ съ Дерби, вновь обсуждали
„протоколъ. Игнатьевъ возражалъ энергично только противъ
„перечисленія реформъ, ибо это уничтожило бы въ глазахъ
„турокъ обязательный характеръ другихъ обѣщаній, данныхъ ими
„на конференціи. Игнатьевъ видимо убѣжденъ, что здѣсь нельзя
„добиться ничего больше. (Конецъ шифра). Мой курьеръ будетъ
„у васъ въ субботу вечеромъ“ [3]).

25/29.

Въ виду такихъ поступковъ моего коллеги, я рѣшилъ ничего не писать канцлеру изъ Англіи. Впрочемъ, я не имѣлъ даже къ тому и физической возможности; мнѣ приходилось дѣлать и принимать множество визитовъ, а остальное время я проводилъ въ обществѣ супруговъ Салисбюри. Но, поставленный въ затруднительное положеніе безцеремонностью Шувалова и боясь, что кн. Горчаковъ съ восторгомъ пойметъ телеграмму посла

[1]) Начиная съ 1876 г. канцлеръ держался такой тактики: онъ возбуждалъ насъ съ гр. Шуваловымъ другъ противъ друга, поддерживая между нами соперничество, потому, что онъ считалъ насъ обоихъ кандидатами на свой постъ и старался насъ унизить. Точно также онъ дѣйствовалъ въ отношеніи гр. Киселева, бар. Бруннова и бар. Будберга. Словомъ, онъ хотѣлъ устранить отъ дѣлъ и парализовать всѣхъ посланниковъ, имѣвшихъ опредѣленную физіономію и отличавшихся независимымъ характеромъ.

[2]) Гр. Шуваловъ старательно избѣгалъ бывать въ Гатфильдѣ въ то время, какъ я жилъ тамъ, боясь скомпрометтировать себя въ глазахъ англичанъ или своихъ соотечественниковъ.

[3]) Курьеръ, котораго онъ послалъ, такъ сказать, украдкой отъ своего коллеги, не познакомивъ его съ посланными имъ донесеніями. *Прим. автора.*

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

буквально и не потрудится обсудить дѣло по существу, я послалъ ему слѣдующую телеграмму, какъ только узналъ о депешѣ, отправленной Шуваловымъ (т. е. черезъ день послѣ ея посылки): „8/20 марта, Лондонъ. Ознакомившись съ отвѣ-„томъ моего коллеги на Вашу телеграмму, (шифромъ) я считаю „необходимымъ, въ текстѣ протокола, „послѣ фразы: „реформы „въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи", прибавить: „которыя „были намѣчены конференціей", чтобы этимъ хоть *нѣсколько* „*возстановить* текстъ протокола и указать на его связь съ „конференціей". Изъ моихъ бесѣдъ съ людьми разныхъ партій „вытекаетъ, что есть основаніе опасаться, какъ бы Англія „послѣ подписанія протокола не сочла всякое осложненіе „на Востокѣ результатомъ коварства съ нашей стороны. „Зная, что протоколъ нисколько не измѣнитъ положеніе дѣлъ „въ Турціи, я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, что нашъ отвѣтъ „*требуетъ зрѣлаго обсужденія*. Такъ какъ мы не допускаемъ „мысли о какихъ-либо формальныхъ обязательствахъ относи-„тельно демобилизаціи, въ особенности до тѣхъ поръ, пока не „будетъ обезпеченъ миръ съ Черногоріей и пока не будетъ „гарантирована безопасность христіанъ, пожалуй лучше было бы „совершенно исключить изъ протокола параграфъ, касающійся де-„мобилизаціи турецкой арміи. (Конецъ шифра). „Ѣду въ Вѣну, въ „четвергъ расчитываю вернуться (въ Петербургъ) черезъ „недѣлю".

Этой телеграммой я какъ бы опровергалъ, въ приличной формѣ, солидарность, которую гр. Шуваловъ старался установить въ глазахъ императорскаго кабинета между его взглядами и моими, и давалъ понять канцлеру, что протоколъ потерялъ всякое значеніе и могъ сдѣлаться для христіанъ опаснымъ орудіемъ въ рукахъ нашихъ враговъ; не затрогивая его честолюбія и обидчивости, я какъ бы совѣтовалъ ему *зрѣло обдумать* вопросъ прежде, нежели согласиться на лондонскія предложенія, тѣмъ болѣе, что время терпѣло и, вернувшись черезъ недѣлю, я могъ бы изложить ему свои впечатлѣнія лично, т. е. набросать картину настроеній, господствующихъ при различныхъ дворахъ, которыя слѣдовало тщательно изучить прежде, нежели сдѣлать рѣшительный шагъ, который могъ насъ компрометтировать. Но это ни къ чему не повело. Канцлеръ принялъ предложенія гр. Шувалова *до* моего возвращенія, не дожидаясь объясненій, которыя я могъ ему представить.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія иностранцевъ о пребываніи Императора Николая I за границей.

I.

Со временъ знаменательныхъ историческихъ поѣздокъ великаго преобразователя Московскаго государства въ европейскія страны, путешествіе державныхъ повелителей Россійской имперіи за предѣлы отечества, съ цѣлью личнаго ознакомленія съ порядками иноземныхъ государствъ и поддержанія дружественныхъ отношеній съ ихъ коронованными правителями, вошло очень скоро въ обычай, ставшій затѣмъ какъ-бы обязательнымъ для вѣнценосныхъ главъ величайшей славянской монархіи. Исключеніе дѣлали только четыре императрицы, царствовавшія въ XVIII-томъ столѣтіи, и императоръ *Павелъ I*, но послѣдній не успѣлъ по восшествіи на престолъ завершить начатое имъ еще наслѣдникомъ путешествіе по Европѣ посѣщеніемъ вновь всѣхъ иностранныхъ государствъ, но уже въ качествѣ самодержца Россіи.

Ничего удивительнаго или непонятнаго въ этомъ проявляемомъ впослѣдствіи пристрастіи русскихъ императоровъ къ заграничнымъ поѣздкамъ не было. Они имѣли не мало вѣскихъ и побудительныхъ причинъ, изъ коихъ географическое положеніе Россіи и ея столицы играли первенствующую роль. Петербургъ, Москва, какъ и вся наша имперія, находились далеко въ сторонѣ отъ обычныхъ и стародавнихъ путей, по которымъ шло съ незапамятныхъ временъ сообщеніе между народами. Громадныя разстоянія, отдѣляющія насъ отъ Европы и большинства культурныхъ ея центровъ, отражались крайне неблагопріятно на многихъ государственныхъ дѣлахъ. Если при-

мѣрно важное политическое извѣстіе, посланное спеціальнымъ курьеромъ изъ Парижа доходило до Лондона въ 3 дня, до Берлина въ 6 дней и до Вѣны 7 дней,—то для доставленія того же извѣстія въ Петербургъ требовалось болѣе двухъ недѣль, другими словами, въ Лондонъ, Берлинъ, Вѣну, Римъ и Мадридъ всѣ парижскія свѣдѣнія приходили на 10—14 дней раньше, нежели въ Петербургъ.

Чтобы быть—какъ французы говорятъ—болѣе „au courant" относительно важнѣйшихъ политическихъ событій и коньюнктуръ, русскіе самодержцы вынуждены были чаще другихъ государей посѣщать чужія страны, дабы посредствомъ личныхъ наблюденій и сношеній удостовѣриться въ безошибочности донесеній, получаемыхъ ими отъ спеціальныхъ уполномоченныхъ и пословъ.

Насколько положеніе русскихъ царей, обусловленное главнымъ образомъ дальностью разстояній, разнилось отъ положенія другихъ монарховъ въ смыслѣ необходимости періодическаго посѣщенія иностранныхъ дворовъ, видно изъ сопоставленія многочисленныхъ поѣздокъ русскихъ государей за истекшее столѣтіе съ тѣми рѣдчайшими посѣщеніями петербургскаго двора иностранными монархами, которыя отмѣчены въ хроникѣ политическихъ событій.

Императоръ *Александръ I* былъ за все время своего царствованія разъ 7 въ Берлинѣ, раза 4 въ Вѣнѣ, 2 раза въ Парижѣ и 1 разъ въ Лондонѣ. Изъ всѣхъ 4-хъ чужестранныхъ монарховъ, принимавшихъ русскаго императора въ стѣнахъ своей столицы одинъ только прусскій король *Фридрихъ Вильгельмъ III* посѣтилъ *Александра I* въ 1809 году въ Петербургѣ и то только послѣ перенесенныхъ имъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ неслыханныхъ униженій.

Особенную страсть къ заграничнымъ путешествіямъ проявилъ императоръ Николай I. Несмотря на неудобства и томительно долгое время, съ которыми связано было въ ту пору странствованіе не только по Россіи, но и по Европѣ, русскій государь любилъ самолично испытаніе впечатлѣній, происходившихъ отъ перемѣны мѣста жительства, климата и прочихъ условій повседневнаго быта. Не въ примѣръ всѣмъ царствовавшимъ одновременно съ нимъ европейскимъ монархамъ, императоръ *Николай I* былъ, судя по отзывамъ весьма компетентныхъ въ своихъ сужденіяхъ иностранцевъ, очень любознательнымъ и наблюдательнымъ человѣкомъ. Лица, имѣвшія за

границей случай войти въ непосредственное сношеніе съ *Николаемъ Павловичемъ* и удостоиться чести бесѣдовать съ нимъ, приходили въ неописуемый восторгъ отъ обаятельной личности русскаго императора. Онъ поражалъ всѣхъ быстротой соображеній и мѣткостью своихъ критическихъ сужденій, соблюдая однако чисто рыцарскую вѣжливость и деликатность при разногласіи съ чужимъ мнѣніемъ.

Начиная съ 1814 г. вплоть до начала севастопольской кампаніи, т. е. въ продолженіе 40 лѣтъ гегемонія въ Европѣ принадлежала неоспоримо Россіи. Принимая въ соображеніе абсолютно-самодержавный, ультра-монархическій строй русскаго государства и выдающіяся интеллектуальныя качества императора *Николая I*, послѣдній могъ съ гораздо большей логической убѣдительностью и юридической послѣдовательностью, нежели Людовикъ XIV, сказать про себя: „L'état c'st moi", между тѣмъ *Николай Павловичъ* никогда и нигдѣ за границей не подчеркивалъ своего исключительно высокаго положенія и грозную мощь русскаго государства. Всюду, гдѣ онъ появлялся неоффиціально, или полу-инкогнито, въ его манерахъ сквозило, при всей ихъ простотѣ и непринужденности, изысканное, врожденное благородство, съ оттѣнкомъ царскаго величія.

Еще въ царствованіе Екатерины II русскимъ посланникамъ вмѣнялось въ обязанность касаться въ своихъ донесеніяхъ не однихъ только политическихъ событій, но и сообщать о всѣхъ новыхъ явленіяхъ въ области литературы, науки и искусства. Императоръ *Николай I*, живо интересовавшійся всѣми произведеніями на художественномъ поприщѣ, напомнилъ при случаѣ объ этомъ высочайшемъ повелѣніи и сталъ получать періодическія извѣщенія о современномъ положеніи наиболѣе интересовавшихъ его отраслей европейскаго искусства.

Благодаря, должно-быть, донесенію русскаго посланника при королевскомъ саксонскомъ дворѣ, императоръ *Николай Павловичъ* возымѣлъ желаніе побывать въ Дрезденѣ, гдѣ находилась одна изъ лучшихъ и богатѣйшихъ картинныхъ галлерей въ Европѣ и гдѣ недавно отстроенъ былъ новый великолѣпный придворный театръ, о художественной красотѣ котораго въ нѣмецкихъ газетахъ отзывались съ восторженной похвалой. Имя архитектора *Готфрида Семпера* стало сразу знаменитымъ во всей средней Европѣ. Пріѣздъ императора *Николая I* состоялся лѣтомъ 1845 года. Въ своемъ предварительномъ извѣщеніи русскій царь просилъ саксонскаго короля, симпатичнѣйшаго изъ всѣхъ когда-

либо царствовавшихъ въ Германіи королей, *Фридрихъ Августа II*[1]) не устраивать никакихъ парадныхъ и торжественныхъ встрѣчъ. *Императору Николаю* хотѣлось побывать запросто и безъ всякихъ оффиціальныхъ стѣсненій въ Дрезденѣ. Условились, что русскій государь пріѣдетъ въ Пильницъ (лѣтнюю резиденцію саксонскаго двора, находящуюся въ разстояніи двухчасовой ѣзды отъ Дрездена на правомъ берегу Эльбы). Тамъ состоится оффиціальный пріемъ, и оттуда знатный русскій гость будетъ навѣщать саксонскую столицу, для обозрѣнія музеевъ, картинной галлереи и прочихъ достопримѣчательностей.

II.

О прибытіи русскаго императора въ Пильницъ жители Дрездена не были извѣщены. Газетамъ приказано было хранить до поры до времени молчаніе. Саксонское правительство было сильно озабочено появленіемъ *Николая I* въ Дрезденѣ и его окрестностяхъ.

Въ Германіи жило не мало русскихъ эмигрантовъ, родственниковъ декабристовъ. Въ самомъ Дрезденѣ находились кружки польскихъ революціонеровъ, поселившихся тамъ послѣ подавленія кроваваго возстанія 1831 года и мечтавшихъ лишь о скоромъ возмездіи и возрожденіи Польши. Не удивительно, если дрезденская полиція, стараясь незамѣтно принять всевозможныя предосторожности для охраны и личной безопасности русскаго государя, проявляла порою излишнюю нервность и чрезмѣрное усердіе въ преслѣдованіи своей благой цѣли. Тайные агенты стали ходить по пятамъ императора, возбуждая столь примитивнымъ способомъ охраны сильное неудовольствіе въ немъ. Тогда мѣра эта была тотчасъ же отмѣнена и агентамъ было строго на строго запрещено показываться на глазахъ царя.

Въ 1876 году авторъ этого очерка познакомился съ знаменитымъ художникомъ-скульпторомъ и профессоромъ дрезденской академіи художествъ Генелемъ (Hänel), создавшимъ из-

[1]) Трагическая кончина этого любезнѣйшаго и добрѣйшаго монарха опечалила въ 1854 году всю Германію. Страстный любитель природы, въ особенности, ботаники, король Фридрихъ Августъ II путешествовалъ лѣтомъ 1854 года въ Тиролѣ. Отправляясь изъ Боццена въ сопровожденіи адъютанта въ почтовой каретѣ въ окрестности, лошади, испугавшіяся упавшей съ горы каменной глыбы, понесли; король, желая выпрыгнуть изъ экипажа, упалъ, при чемъ лошадь ударила его копытомъ въ високъ, отъ чего послѣдовала моментальная смерть. *М. С.*

вѣстныя четыре аллегорическія группы, „*Утро*“, „*День*“, „*Вечеръ*“ и „*Ночь*“, украшающія лѣстницу, ведущую на Брюльскую террасу. Профессоръ *Генель*, пользовавшійся уже въ 1845 году славой выдающагося скульптора, разсказалъ мнѣ слѣдующее про его случайную встрѣчу и знакомство съ императоромъ Николаемъ I въ Дрезденѣ: „Это было въ первой половинѣ іюня мѣсяца 1845 года“ началъ *Генель* свой разсказъ.—„Около одиннадцати часовъ утра я выхожу изъ главнаго почтамта, куда зашелъ для отправки писемъ, и становлюсь въ нерѣшительности, куда мнѣ идти, у самаго угла почтамской площади и Вальштрассе. Говоря откровенно, меня тянуло въ винный погребокъ, находившійся въ ста шагахъ отъ меня, куда я изрѣдка захаживалъ, чтобы позавтракать и выпить стаканчикъ хорошаго рейнвейну. Но съ другой стороны мнѣ необходимо было зайти по дѣламъ въ академію художествъ. Наконецъ „лукавый“ побѣдилъ, и я свернулъ въ Вальштрассе по направленію къ винному погребку. Не прошелъ я еще и 20 шаговъ, какъ вижу идущаго мнѣ навстрѣчу необычайно рослаго господина съ поразительно характерными чертами лица, большимъ прямымъ носомъ и громадными голубыми глазами, смотрѣвшими какъ-то спокойно величественно на все окружающее. Пораженный появленіемъ столь импозантной, мужественной фигуры, я сталъ разсматривать незнакомца, въ которомъ сразу можно было узнать знатнаго чужестранца. Безъ всякаго признака тучности шедшій господинъ былъ тѣмъ не менѣе атлетическаго сложенія, легкая походка свидѣтельствовала о громадномъ запасѣ жизненныхъ силъ, хотя по лицу можно было незнакомцу дать лѣтъ подъ 50. Одѣтъ былъ господинъ съ изысканной элегантностью, но безъ малѣйшаго намека на франтовство. На немъ былъ синій, открытый спереди, короткій сюртукъ, темно-коричневый шелковый жилетъ съ вышитыми на немъ цвѣточками и сѣрыя брюки; на головѣ имѣлъ онъ цилиндръ, что увеличивало и безъ того высокій его ростъ. Въ правой рукѣ держалъ незнакомецъ тоненькую тросточку съ серебряной ручкой, а лѣвая, одѣтая въ перчатку, сжимала снятую съ правой руки. Поровнявшись съ незнакомцемъ, я только тутъ убѣдился, какъ высокъ былъ онъ ростомъ, я человѣкъ въ всякомъ случаѣ не маленькій, доходилъ ему какъ разъ только до ушей. Проходя мимо меня, господинъ этотъ взглянулъ пристально мнѣ въ лицо, точно всматриваясь своими большими выразительными глазами въ мои черты. Остановившись какъ-то невольно, я сталъ смотрѣть удалявшемуся незнакомцу въ слѣдъ, мнѣ казалось, что я это лицо

гдѣ-то уже видѣлъ, но не могъ припомнить, вѣдь тогда еще не было фотографій.

Тутъ я только замѣтилъ, что былъ не единственнымъ лицомъ, наблюдавшимъ съ любопытнымъ недоумѣніемъ за величественной фигурой незнакомца. Ко мнѣ подошло нѣсколько мужчинъ, знавшихъ меня очевидно по моей спеціальности съ вопросомъ: „профессоръ, скажите пожалуйста, кто этотъ господинъ?“ Я могъ только отвѣтить пожатіемъ плечъ, при чемъ рѣшился узнать во что бы то ни стало настоящую фамилію и званіе загадочной личности. Меня подзадоривалъ къ этому еще и художественный инстинктъ, мнѣ хотѣлось сдѣлать набросъ фигуры и лица незнакомаго господина, ибо такихъ типичныхъ во всѣхъ отношеніяхъ личностей встрѣчаешь очень рѣдко въ своей жизни, нужно пользоваться случаемъ.

Съ этими мыслями я пошелъ за удалившимся незнакомцемъ.

Стараясь не попадать ему вновь на глаза, я плелся незамѣтно по другой сторонѣ улицы. Особое удовлетвореніе испытывалъ я, когда видѣлъ, какъ прохожіе останавливались и съ нескрываемымъ удивленіемъ провожали глазами громаднаго господина. Такъ дошли мы до Брюльской террасы. Незнакомецъ вошелъ быстрыми эластичными шагами на лѣстницу и, только добравшись до верхней ступеньки, снялъ шляпу, вытеръ шелковымъ платкомъ лобъ и перевелъ духъ. Погода стояла чудесная, было тепло, но не томительно жарко, какъ бываетъ въ концѣ іюля и въ августѣ. Оглянувшись немного, господинъ направился прямо къ кондитерской и кофейной Торніаменти, существовавшей уже въ ту пору около 100 лѣтъ. Небольшіе столики, разставленные подъ каштановыми деревьями, были совершенно еще пусты, у одного изъ нихъ и усѣлся незнакомецъ. Кондитерская Торніаменти прилегала одной стороной къ выставочному зданію академіи художествъ, я немедленно забѣжалъ туда и пробрался черными ходами въ самый домикъ кондитерской и расположился какъ разъ у окна, изъ котораго мнѣ хорошо были видны столикъ и вся фигура незнакомца. Только-что я вынулъ записную мою книжку и карандашъ, чтобы начать рисовать, какъ изъ-за буфета вышелъ въ сопровожденіи самого хозяина, мнѣ хорошо извѣстный инспекторъ тайной полиціи, криминальный совѣтникъ *Беме*, сѣвшій противъ меня у другого окна и внимательно слѣдившій за господиномъ у столика. Тутъ меня сразу осѣнила мысль, что въ лицѣ незнакомца скрывается кто-нибудь изъ коронованныхъ особъ. Я сталъ быстро перебирать въ своей памяти

всѣхъ монарховъ и остановился наконецъ на императорѣ Николаѣ I. Конечно, говорилъ я самъ себѣ, это никто иной, какъ русскій царь.

Придя къ этому заключенію, я всталъ, подошелъ къ инспектору Беме и спросилъ шепотомъ: это императоръ Николай?— Испуганный начальникъ тайной полиціи приложилъ только съ умоляющимъ выраженіемъ лица палецъ къ губамъ, произнося лишь протяжное междометіе ш....тъ. Тѣмъ временемъ *Николай Павловичъ* заказалъ себѣ у пожилого кельнера холодный завтракъ изъ разныхъ сортовъ жаркого и полъ-бутылки краснаго вина. Въ ожиданіи заказаннаго онъ попросилъ принести ему нѣмецкихъ и французскихъ газетъ и углубился въ ихъ чтеніе. Этимъ моментомъ я воспользовался и набросалъ въ своей книжкѣ портретъ его. Когда старый кельнеръ входилъ въ зданіе кондитерской и получалъ у буфета требуемыя гостемъ яства, инспекторъ *Беме* шепнулъ ему, чтобы онъ слѣдилъ какъ можно внимательнѣе за господиномъ. До святости глупый и наивный кельнеръ понялъ предостереженіе хорошо знакомаго ему начальника тайной полиціи по-своему и когда императоръ *Николай Павловичъ* вынулъ русскій полуимперіалъ — весь завтракъ стоитъ около двухъ талеровъ — и бросилъ его на столъ съ намѣреніемъ удалиться, кельнеръ запротестовалъ вдругъ словами: „Nee gutester Herr Spielmarken als Bezahlung nehmen wir nicht an“. (Нѣтъ, милѣйшій господинъ, игральныя марки мы въ уплату не принимаемъ). Императоръ разсмѣялся и замѣтилъ, что у него другихъ денегъ нѣтъ. На это кельнеръ отвѣтилъ сухо: Na da muss ich den Herrn Polizeiinspector holen“ (ну, тогда я долженъ позвать господина полицейскаго инспектора) и направился къ зданію кондитерской; войдя въ него, онъ обратился къ совѣтнику *Беме* съ просьбой заставить гостя платить настоящими деньгами, а не игральными марками, показавъ при этомъ полуимперіалъ. Услыхавъ подобную ахинею, несчастный инспекторъ, схватившись за голову, прошипѣлъ только озадаченному кельнеру: Halten sie ihr ungewaschenes Maul, sie Esel“ (заткните вашу не мытую глотку, оселъ!) и убѣжалъ стремглавъ черезъ задній ходъ изъ кондитерской. При такихъ обстоятельствахъ я счелъ нужнымъ подойти къ императору (хозяинъ кондитерской куда-то ушелъ), такъ какъ онъ все еще чего-то ждалъ, стоя у столика, и объяснить ему, что недоразумѣніе съ полуимперіаломъ улажено. Пристально вглядываясь въ меня, государь спросилъ, кто я такой; когда я назвалъ свою фамилію и званіе, черты лица его

замѣтно прояснились, онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ: „очень радъ познакомиться съ вами, дорогой профессоръ, я давно уже слышалъ про васъ; ну теперь я понимаю, почему вы меня сидя тамъ за окномъ срисовывали“. При послѣднемъ замѣчаніи императора я чувствовалъ, какъ разлилась краска стыда по моему лицу. „Простите, Ваше Величество, промолвилъ я, профессіональное званіе художника подзадоривало меня“. — Да не безпокойтесь пожалуйста, я ни малѣйшей претензіи не заявляю, а прошу только дозволенія взглянуть на свой портретъ. Сконфуженно вынулъ я свою книжку и показалъ набросокъ императору. Внимательно разсмотрѣвъ его, держа книжку на разныхъ отъ себя разстояніяхъ, онъ отдалъ мнѣ ее со словами: „да, вы крупный талантъ, вы владѣете безукоризненно техникой рисованія“. Взглянувъ на часы, императоръ спросилъ меня, не согласенъ ли я сопровождать его при посѣщеніи картинной галлереи.

На мой поклонъ и замѣчаніе, что я къ услугамъ его величества, онъ какъ-то боязливо окликнулся и сказалъ въ полголоса: не называйте меня величествомъ, я здѣсь инкогнито и не желалъ бы, чтобы меня публика узнала. Сегодня утромъ я отпросился у милѣйшаго короля Фридриха Августа на полдня „со двора“, прибавилъ онъ съ очаровательной улыбкой; къ 6-ти часамъ я долженъ вернуться къ обѣду въ Пильницъ и этимъ временемъ хочу воспользоваться для осмотра картинной галлереи. Въ 4 часа меня ждетъ у Брюльской террасы спеціальный пароходъ, чтобы черезъ 2 часа доставить въ Пильницъ“. Такъ какъ оказался платный день, то въ картинной галлереѣ было очень мало публики, и императоръ чувствовалъ себя безъ всякаго стѣсненія. Я былъ удивленъ мѣткими замѣчаніями, сдѣланными русскимъ государемъ по поводу стиля, колорита и самаго сюжета многихъ первоклассныхъ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Между прочимъ онъ относился очень скептически къ исторической живописи, находя ее въ большинствѣ случаевъ декоративной, ходульной, вымышленной или подкрашенной на подобіе продажной женщины. Дойдя подъ конецъ къ знаменитой Сикстинской мадоннѣ Рафаэля, онъ, глядя восторженно на картину, произнесъ послѣ минутнаго молчанія: „Это единственная картина, возбуждающая во мнѣ чувство зависти относительно ее обладанія“. Находившійся, во время посѣщенія галлереи публикой, неотлучно около картины сторожъ, не подозрѣвая, кто передъ нимъ, обратился къ императору Николаю съ словами: Jm Jahre 1813 wollten die Russen die Madonna mausen, wir haben

sie aber so gut versteckt, dass die Kosaken sie nicht haben finden Können". (Въ 1813 году русскіе хотѣли Мадону *стибрить*, но мы ее такъ хорошо спрятали, что казаки не могли ее найти). Я готовъ былъ провалиться сквозь землю, услыхавъ эту дикую чепуху, но императоръ, не удостоивъ сторожа отвѣта, обратился ко мнѣ со словами: „скажите пожалуйста этому служителю, чтобы онъ заученную имъ наизусть глупѣйшую выдумку не подносилъ посѣтителямъ въ качествѣ исторической правды; если русскіе хотѣли въ 1813 году взять этотъ безсмертный шедевръ Рафаэля, то они могли сдѣлать это открыто на основаніи права побѣдителей, какъ напримѣръ французы брали произведенія искусства изъ покоренныхъ ими областей, слѣдовательно, никакая хитрость или уловка не могли спасти отъ казаковъ Сикстинскую Мадонну, если бъ Императоръ Александръ I желалъ взять ее, какъ военную добычу". Выходя изъ галлереи, императоръ, видимо разстроенный безтактной выходкой глупаго сторожа, промолвилъ: „и кому какая выгода отъ подобныхъ пошлыхъ выдумокъ". Проводивъ государя до парохода, стоявшаго наготовѣ у Брюльской террасы, я откланился его величеству, при чемъ получилъ приглашеніе явиться черезъ два дня во дворецъ для частной аудіенціи".

III.

Передавая вышеизложенное со словъ профессора *Генеля* о его личной встрѣчѣ съ Императоромъ *Николаемъ I*, я долженъ прибавить кое-что изъ воспоминаній другихъ очевидцевъ пребыванія русскаго государя въ Дрезденѣ въ 1845 году. На другой день послѣ эпизодовъ въ кондитерской у Торніаменти и въ картинной галлереѣ, Императоръ Николай Павловичъ и саксонскій король Фридрихъ Августъ II прибыли на богато разукрашенномъ пароходѣ оффиціально и въ сопровожденіи большой свиты въ Дрезденъ. Послѣ обѣда во дворцѣ весь дворъ съ августѣйшимъ царскимъ гостемъ отправились въ королевскую оперу слушать „*Фенеллу*" Обера съ знаменитымъ тенеромъ *Іосифомъ Тихачекомъ* въ роли *Массаніелло*. Интересно отмѣтить, что оперой дирижировалъ недавно приглашенный (всего за $1^1/_2$ года до этого) новый молодой капельмейстеръ, *Рихардъ Вагнеръ*, начавшій въ ту пору дѣлать свою блестящую карьеру. Императоръ *Николай* выражалъ, по свидѣтельству многихъ очевидцевъ, свой восторгъ по поводу всего видѣннаго и слышаннаго; онъ откровенно признался королю, что ничего подобнаго не ожидалъ встрѣтить въ небольшой резиденціи крошечнаго саксонскаго государства. Зданіе театра, фойэ, и въ особенности зрительный залъ,

съ великолѣпно разрисованнымъ парижскимъ художникомъ *Десплешеномъ* занавѣсомъ произвели на государя неизгладимое впечатлѣніе. Обращаясь послѣ окончанія спектакля къ королю и выражая ему благодарность за доставленное высоко-эстетическое наслажденіе, императоръ прибавилъ; „много я бы заплатилъ, если бы въ Петербургѣ мнѣ удалось построить такой же театръ и завести столь образцовую оперу". Въ этой похвалѣ государя не было ничего преувеличеннаго; дрезденская опера славилась въ ту пору во всей Европѣ. Пѣвицы *Зонтагъ*, *Шредеръ-Девріенъ*, теноръ *Тихачекъ* составляли гордость ея. Что же касалось оркестра придворной оперы, то онъ не имѣлъ себѣ равнаго во всемъ мірѣ. Профессоръ *Генель*, бывшій, конечно, на этомъ парадномъ спектаклѣ, передаетъ еще маленькую деталь, замѣченную немногими посѣтителями. Въ 3-емъ дѣйствіи „Фенеллы", когда сцена изображаетъ скромную хижину рыбака Массаніелло, король *Фридрихъ Августъ*, послѣ восхитительно спѣтаго *Тихачекомъ* berceuse a (Schlummerlied), нагнулся къ уху императора и сталъ что-то нашептывать ему. Государь, слушая внимательно, что-то переспросилъ, улыбнулся и кивнулъ слегка головой. Скоро профессоръ *Генель* догадался, о чемъ бесѣдовали оба монарха. Когда *Массаніелло—Тихачекъ* въ речитативѣ, обращенномъ къ принцу Альфонсу, произнесъ фразу: und besser als dein Schwert, schützt dich das Gastrecht hier (и лучше твоего меча служитъ защитой тебѣ гостепріимство), *Николай Павловичъ* прыснулъ незамѣтно со смѣху въ платокъ. Дѣло заключалось въ томъ, что *Тихачекъ*, какъ кровный чехъ, выговаривалъ нѣмецкій текстъ съ сильнымъ акцентомъ; изъ слова Schwert (мечъ), имѣющаго только одинъ слогъ, онъ ухитрялся дѣлать ровно пять и пѣлъ: „E-sche-we-re-te". Но помимо этого *Тихачекъ* былъ пѣвецъ съ феноменально-красивымъ, могучимъ голосомъ, съ безукоризненной вокальной техникой, однимъ словомъ художникъ—артистъ съ головы до ногъ. Императоръ *Николай Павловичъ* приглашалъ его лично на рядъ гастролей въ петербургскую итальянскую оперу съ условіемъ пѣть по-итальянски. Но знаменитый оперный пѣвецъ, будучи не въ примѣръ другимъ тенорамъ, человѣкомъ далеко не глупымъ, но весьма остроумнымъ, отвѣтилъ уклончиво, ибо не надѣялся переучить наилучшія партіи своего репертуара по-итальянски. Отвѣсивъ низкій поклонъ государю и поблагодаривъ его за лестное приглашеніе, *Тихачекъ* сказалъ: „Ваше величество слышали *Тихачека*, поющаго на плохомъ, но все же привычномъ ему нѣмецкомъ діалектѣ, я боюсь, что, когда вы

услышите поющаго его на невозможно-скверномъ итальянскомъ языкѣ, то разочаруетесь". Послѣ такой аргументаціи Императоръ *Николай* уже не настаивалъ болѣе на своемъ приглашеніи. Прослушавъ спустя нѣсколько дней еще Вагнеровскаго „Ріенци", который, какъ и слѣдовало ожидать, совсѣмъ не понравился государю, хотя дивное исполненіе заглавной роли *Тихачекомъ* вызвало искреннее удивленіе *Николая Павловича*, царь покинулъ Дрезденъ, о которомъ, какъ увѣрялъ онъ при прощаніи съ королемъ Фридрихомъ Августомъ II, останутся у него навсегда самыя лучшія, пріятныя и неизгладимыя воспоминанія. Остается еще добавить, что въ частной аудіенціи, которой удостоился профессоръ *Генель*, государь вспомнилъ о злополучномъ глупомъ кельнерѣ у *Торніаменти* и просилъ *Генеля*, въ случаѣ надобности, позаботиться, чтобы бѣдный труженикъ не подвергался бы взысканіямъ со стороны хозяина или властей. Вручивъ профессору *Генелю* орденъ Станислава второй степени, Императоръ милостиво распростился съ осчастливленнымъ художникомъ. *Іосифъ Тихачекъ* получилъ изъ кабинета его величества великолѣпную булавку, украшенную чуднымъ изумрудомъ и крупными брилліантами. Въ 1881 году мнѣ доводилось неоднократно встрѣчаться и бесѣдовать съ *Тихачекомъ*, мирно доживавшимъ на хорошей пенсіи свой вѣкъ въ Дрезденѣ. Престарѣлый артистъ—ему шелъ уже 75-тый годъ—иначе какъ со слезами на глазахъ не вспоминалъ о времени пребыванія Императора *Николая I* въ саксонской столицѣ. Сидя въ кругу хорошихъ друзей и знакомыхъ за стаканомъ вина, въ ресторанѣ гостиницы „Stadt Gotha", *Тихачекъ*, отличавшійся рѣдкимъ добродушіемъ и чисто-славянской сердечностью, показывалъ зачастую подарокъ русскаго самодержца, говоря при этомъ: „много разъ приходилось мнѣ закладывать всѣ мои цѣнныя вещи, но съ этой булавкой я никогда не разставался, такъ какъ боялся потерять ее". На разспросы о личности Императора Николая I онъ отвѣчалъ обыкновенно фразой: *„могу сказать вамъ, господа, только одно — это былъ настоящій Императоръ, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова или, какъ говоритъ Шекспиръ, царь съ головы до пятокъ, такого мы никогда больше не увидимъ"!*

М. В. Станиславскій.

Подонки родины.

(Быль).

I.

Три русскихъ крейсера тихо входили въ Нагасакскую бухту.

Передъ глазами моряковъ впервые послѣ войны зеленѣли куполообразные острова, скалистые обрывистые берега южной стороны залива и сравнительно пологіе сѣверные. Тамъ и сямъ бѣлѣли извилистыми лентами дороги, а по склонамъ прилегающихъ горъ правильными террасами пестрѣли цвѣтущія поля. Кой-гдѣ въ листвѣ микановыхъ деревьевъ мелькали маленькіе, точно игрушечные, японскіе домики. Въ глубинѣ бухты виднѣлись строенія города, когда-то желаннаго.

И теперь, казалось бы, послѣ мрачнаго Сахалина съ унылымъ Александровскимъ Постомъ, послѣ всегда пустыннаго залива де-Кастри, этотъ веселый городъ долженъ былъ бы радовать глазъ моряковъ, но... это былъ японскій портъ.

Причина, казалось бы, неумѣстнаго захода русскихъ военныхъ судовъ въ портъ недавняго врага, лежала въ томъ, что крейсерскій отрядъ былъ неожиданно посланъ изъ Владивостока въ Александровскъ, чтобы доставить туда лицъ администраціи и баталіонъ пѣхоты.

Въ де-Кастри же адмираломъ было получено приказаніе слѣдовать, не заходя во Владивостокъ, въ Европейскую Россію: въ нашей Дальневосточной крѣпости были только-что подавлены безпорядки, грозившіе вспыхнуть вновь, и неувѣренность въ судовыхъ командахъ, среди которыхъ существовало броженіе, заставила высшее начальство принять такое рѣшеніе.

Неожиданно отозванный отрядъ не успѣлъ принять въ един-

ственномъ русскомъ порту полныхъ запасовъ угля и иныхъ матеріаловъ и дабы онъ не оказался въ затруднительномъ положеніи, адмиралу было приказано зайти въ Нагасаки, издавна привыкшій къ посѣщенію русскихъ судовъ и, какъ портъ, наиболѣе отвѣчавшій предъявляемымъ въ данномъ случаѣ требованіямъ.

Но ни яркая зелень, ни лазуревое небо, ни оживленіе на рейдѣ не радовали офицеровъ и большинство команды: на душѣ каждаго бойца лежало тяжелое чувство обиды и съ болью думалось, какъ будутъ смотрѣть на нихъ тѣ японцы, которые недавно въ долгіе дни мира такъ униженно, такъ заискивающе относились къ русскимъ морякамъ.

Правда, Владивостокскій отрядъ причинилъ много вреда Японіи, но не чувство личной досады, а чувство оскорбленной любви къ родинѣ невольно топило эти маленькіе лучи удачъ въ морѣ горестей арміи и флота.

Однако это чувство, хотя и не прошло совсѣмъ, но почти изгладилось, когда отрядъ простоялъ три дня на рейдѣ: съ каждымъ днемъ всѣ невольно убѣждались, что Нагасаки это не тотъ „японскій“ городъ, какими казались „японскіе“ офицеры, матросы и солдаты, а все тотъ же, какимъ онъ считался въ былое время увлекательныхъ заграничныхъ плаваній—городомъ скорѣе международнымъ.

Дѣйствительно, едва были закончены оффиціальныя посѣщенія отряда портовыми врачами и полиціей, едва японскій катеръ, передавъ портовыя правила, пошелъ къ берегу, отъ набережной къ трапамъ русскихъ судовъ помчались фунэжки, длинныя, въ видѣ венеціанскихъ гондолъ, мѣстныя лодки.

На нихъ, улыбаясь и кланяясь, весело покрикивая по-русски, старые знакомцы портные, сапожники, прачки и торговцы. Всѣ они издали махали аттестатами съ традиціонными судовыми печатями. Въ первый день ихъ не пустили, но уже на второй день пребыванія владѣтели этихъ порыжѣвшихъ отъ грязи документовъ сюсюкали и присѣдали на палубахъ крейсеровъ.

Офицеры, отправившіеся по дѣламъ на берегъ, съ удивленіемъ разсказали, что отношеніе со стороны нагасакцевъ они встрѣтили самое радушное, гораздо лучшее, чѣмъ передъ войной, и все это вмѣстѣ и облегчило тяжесть гнета, который лежалъ на сердцѣ, когда отрядъ входилъ въ японскія воды.

А причина такой добродушной встрѣчи заключалась въ томъ, что населеніе Нагасаки представляетъ какъ бы особое племя.

Само японское правительство весьма скептически относилось къ подданнымъ микадо, живущимъ въ этой области: во время войны, несмотря на то, что изъ-за большихъ потерь на поляхъ сраженій, въ армію шли юноши и даже старики, изъ Нагасаки и прилежащихъ мѣстечекъ было взято исключительно мало запасныхъ. Но не въ отсутствіи патріотизма можно было упрекнуть нагасакцевъ: и грандіозными манифестаціями при объявленіи войны, и крупными пожертвованіями прогремѣлъ этотъ городъ на всю Японію—правительство просто знало, что не могло быть у нагасакцевъ ни той ненависти къ русскимъ, ни той выносливости для боя, какія вырабатывались постепенно въ горныхъ округахъ и мѣстностяхъ близъ портовъ, закрытыхъ для иностранной торговли.

Когда-то XVI вѣкѣ, колыбель христіанства въ Японіи, съ тѣхъ поръ Нагасаки постоянно принималъ участіе въ международномъ товаро-обмѣнѣ; понемногу проникали въ него и корни европейской культуры, но также незамѣтно вѣками подтачивались и нѣкоторые устои строгой японской семьи: воинственность, дисциплина, нетребовательность и самопожертвованіе во имя принципа.

Однако правительство все-же использовало пріобрѣтенное нагасакцами умѣніе приспособливаться и знаніе большинствомъ изъ нихъ иностранныхъ языковъ — нагасакцы подъ видомъ мелкихъ ремесленниковъ густой сѣтью добровольныхъ шпіоновъ оплели сосѣднія съ Японіей государства.

По заключенію Портсмутскаго договора, когда въ душѣ девяти-десятыхъ японскаго населенія еще не остыла ненависть къ Россіи, еще не утихла печаль по убитымъ родичамъ и не прошла досада на недостаточно выгодный миръ, коренной житель Нагасаки быстро сдѣлался прежнимъ юркимъ коммерсантомъ, интересы котораго будто постолько удовлетворены, посколько часто его родной портъ будутъ посѣщать иностранцы, а тароватые русскіе въ особенности.

II.

Былъ часъ отдыха. На верхней палубѣ большаго изъ крейсеровъ во всю длину ея расположились торговцы. Семь лѣтъ проплававшая за границей команда успѣла накопить „деньжонокъ для дома“, но прельщенная шелковыми матеріями, цыбиками чая, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что хотѣлось бы привести, какъ „гостинецъ“, почти и не пользовалась часами отдыха, а бродила отъ одного торговца къ другому, пощупывая добротность

матерій и прицѣниваясь. Въ офицерскихъ каютахъ примѣривалось штатское, а у каютъ вѣстовые ругались съ прачками изъ-за плохо выстираннаго бѣлья.

Только-что вступившій вахтенный лейтенантъ, удостовѣрившись, что извнѣ нечего ожидать какихъ-либо случаевъ, нарушающихъ мирную жизнь корабля, также началъ прохаживаться по рядамъ торговцевъ. И ему захотѣлось привезти что-нибудь роднымъ и, колеблясь, купить ли дорогую шелковую ширму или дешевый бумажный зонтикъ, онъ остановился въ самой оживленной части палубы.

— Ваше Высокоблагородіе, дозвольте доложить!—вывелъ его изъ задумчивости басистый голосъ, и онъ обернулся.

Передъ нимъ стоялъ приземистый, бородатый матросъ. Сосредоточенное лицо, серіозный, нѣсколько исподлобья, взглядъ, сразу дали понять лейтенанту, что ему хотятъ сказать что-то важное, и онъ быстро отвѣтилъ:—Говори, что нужно?

— Дозвольте, Ваше Высокоблагородіе, въ сторонку—понизивъ голосъ, въ которомъ слышалась нотка настойчивой просьбы, продолжалъ матросъ.

Удивленный лейтенантъ хотѣлъ было сказать:—какіе тамъ секреты! — но потомъ, зная матроса, какъ хорошаго служаку, раздумалъ и прошелъ съ нимъ въ штурманскую рубку.

— Такъ что, Ваше Высокоблагородіе, наши у японцевъ воруютъ — прерывающимся отъ волненія голосомъ доложилъ матросъ, когда оказался съ офицеромъ глазъ на глазъ.

Краска гнѣва бросилась въ лицо лейтенанта и первымъ движеніемъ его было выйти на палубу, чтобы прекратить вопіющее безобразіе, но матросъ торопливо проговорилъ:—„Ваше Высокоблагородіе, дозвольте накрыть ихъ съ поличнымъ, они сейчасъ опять налаживаются“.

Зная по опыту, какъ трудно доказать кражу на кораблѣ, полномъ укромными уголками и механизмами, за которыми обыкновенно прячется на первыхъ порахъ краденое, лейтенантъ рѣшилъ, что жалѣть подобныхъ „типовъ“ нечего и будетъ полезно поймать ихъ на мѣстѣ преступленія.

— Ты одинъ видѣлъ?—спросилъ онъ и получивъ отвѣтъ:—никакъ нѣтъ, двое еще за ними смотрятъ!—сказалъ:—ну съ Богомъ, только безъ особеннаго скандала, да позови ко мнѣ вахтеннаго!

Явившемуся квартирмейстеру были даны надлежащія инструкціи, и не прошло и двухъ минутъ, какъ передъ офицеромъ

съ поникнувшими головами стояло два уличенныхъ въ кражѣ матроса.

Лейтенантъ прямо оторопѣлъ отъ смѣшаннаго съ негодованіемъ удивленія, когда на одномъ изъ воровъ, державшемъ въ рукѣ альбомъ съ черепаховой крышкой, замѣтилъ унтеръ-офицерскія нашивки.

— Ты укралъ этотъ альбомъ?—впившись въ унтеръ-офицера пытливымъ взглядомъ, почти крикнулъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе, это напраслина, я только примѣрялся купить — заискивающимъ тономъ началъ оправдываться тотъ, но одинъ изъ стоявшихъ сзади свидѣтелей не вытерпѣлъ этой наглости и заявилъ:—Вы спросите его, Ваше Высокоблагородіе, а шкатулочку, что за вентиляторной трубой „схоронена“, онъ тоже купилъ?!.

Лейтенантъ потребовалъ фельдфебеля, и черезъ нѣсколько минутъ на столѣ каюты лежало нѣсколько вещественныхъ доказательствъ.

— Тогда я спрошу у японцевъ, покупалъ ли ты эти вещи?— проговорилъ лейтенантъ и направился было къ выходу, но его остановилъ взглядъ другого уличеннаго.

— Не спрашивайте, Ваше Высокоблагородіе, мы украли!

Вещи подъ благовиднымъ предлогомъ были возвращены владѣтелю, молодому неопытному японцу, повидимому замѣтившему пропажу, такъ какъ онъ проявлялъ уже явные признаки безпокойства, а получивъ альбомъ, началъ усиленно благодарить.

Вполнѣ ясно, насколько было бы тяжелѣе, если бы японецъ заявилъ о кражѣ, раньше ея обнаруженія: обыскать девятьсотъ человѣкъ, да заглянуть во всѣ уголки стальной громады было дѣломъ нелегкимъ и въ лучшемъ случаѣ были бы найдены только вещи, а не виновники.

Дознаніе выяснило наличіе третьяго участника, проносившаго вещи въ укромныя мѣста, пока двое дѣлали видъ, что прицѣниваются. Судъ примѣнилъ высшее наказаніе, и тюремное заключеніе они должны были отбывать въ Россіи.

Какъ бы ни былъ позоренъ этотъ случай, однако и онъ имѣлъ свою хорошую сторону, которая состояла въ слѣдующемъ.

Послѣ боя перваго августа вмѣсто убитыхъ и тяжело раненыхъ, которыхъ было свыше двухсотъ, на крейсеръ были назначены изъ береговыхъ командъ молодые матросы, въ сильной степени развращенные революціонной пропагандой. Когда же миръ былъ заключенъ, то уволили въ запасъ еще человѣкъ двѣсти изъ старой команды и вмѣсто этихъ, привыкшихъ и

любившихъ крейсеръ людей, назначили матросовъ призыва 1905 года, т. е. людей, взятыхъ на службу въ разгаръ политическихъ и аграрныхъ безпорядковъ.

Къ приходу въ Японію образовались двѣ группы команды, державшихся особнякомъ: одна старослужащихъ, бывшихъ въ бою и смѣлыхъ походахъ къ непріятельскимъ берегамъ, и другая—молодыхъ матросовъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ боевымъ, да и просто морскимъ дѣломъ, но уже воспитанныхъ на утопическихъ идеяхъ подпольныхъ изданій.

Между ними чувствовался нѣкоторый антагонизмъ, но „молочныя рѣки и кисельные берега, воля и земля“, рисуемые яркими красками особенно замѣтными краснобаями, имѣли свое дѣйствіе и на старую команду, и она, хотя и говорила про вновь прибывшихъ съ презрѣніемъ: „говорить мастеръ, а выблиночнаго узла связать не съумѣетъ“, все же прислушивалась къ рѣчамъ наиболѣе опасныхъ краснобаевъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ изъ уличенныхъ.

Въ описанномъ случаѣ трое слѣдившихъ были старослужащіе, а трое участниковъ кражи изъ молодой команды, и оскорбленные за доброе имя крейсера, стяжавшаго почетную боевую славу, за своихъ товарищей, погибшихъ въ бою, они довели свой добровольный сыскъ до конца.

Естественно тотчасъ же подорвалось довѣріе и къ другимъ, говорившимъ, какъ по-писанному о землѣ, волѣ, республикѣ, и несмотря на повышенное по тому времени въ судовыхъ командахъ настроеніе, старослужащіе остались надежнымъ элементомъ, на который можно было смѣло опереться.

Не безынтересна судьба двухъ изъ уличенныхъ; очутившись въ арестныхъ камерахъ въ Кронштадтѣ, они, какъ бывшіе во Владивостокѣ и за границей, явились какъ бы вожаками подобныхъ имъ матросовъ, и силой освобожденные во время безпорядковъ 1906 года въ Кронштадтѣ, участвовали въ нихъ и впослѣдствіи были приговорены за свои дѣянія къ смертной казни. Судьба третьяго, признавшагося доподлинно неизвѣстна.

П. Владиславлевъ.

Памяти Николая Николаевича Обручева.

Со временъ Петра Великаго не было по организаціи военныхъ силъ Россіи человѣка, который бы такъ много сдѣлалъ въ этомъ направленіи для родины, какъ Николай Николаевичъ Обручевъ.

Къ дню десятилѣтія (25 іюня 1914) со дня кончины этого необыкновеннаго человѣка помѣщаемъ въ память его три прилагаемыя статьи.

Николай Николаевичъ Обручевъ [1]).

Есть имена, которыя, выдѣляясь изъ общей массы, ярко выступаютъ на первый планъ, оставляютъ по себѣ глубокій слѣдъ, составляютъ эпоху въ жизни цѣлаго учрежденія. Такимъ является для насъ имя Николая Николаевича Обручева въ исторіи русскаго генеральнаго штаба.

Какъ профессоръ онъ создалъ цѣлую школу, подготовилъ много талантливыхъ офицеровъ, которые всѣ гордились тѣмъ, что они ученики Обручева. Какъ администраторъ, онъ работалъ надъ реорганизаціей нашихъ вооруженныхъ силъ на новыхъ началахъ: развитіе системы резервовъ и государственнаго ополченія, устройство военно-конской повинности, мобилизація арміи, проведеніе стратегическихъ путей, возведеніе крѣпостей, сосредоточеніе войскъ, подготовка вѣроятныхъ театровъ военныхъ дѣйствій и вообще всѣ вопросы, обнимающіе систему обороны государства, разработаны у насъ Обручевымъ. Какъ

[1]) Статья эта уже была воспроизведена въ январьской кн. Военнаго Сборника за 1911 г., но въ виду ея особаго значенія къ памяти почившаго, воспроизводимъ ее для и нашихъ читателей. *Ред.*

государственный дѣятель онъ принималъ непосредственное участіе въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ первостепенной важности какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ государства; имъ, между прочимъ, подготовлены главныя основанія франко-русскаго союза. Наконецъ, какъ боевой генералъ, онъ принялъ видное участіе въ войнѣ 1877—78 гг. въ Азіатской Турціи: по его плану, армія наша одержала блестящую побѣду подъ Авліаромъ, приведшую къ уничтоженію арміи Мухтара-паши, паденію Карса и къ славному завершенію кампаніи въ Азіатской Турціи. Таковъ, въ общихъ чертахъ, эскизный набросокъ этого большого человѣка. Только теперь, когда его уже нѣтъ, но память о немъ еще жива среди насъ, мы можемъ, отойдя на разстояніе, составить себѣ ясное представленіе объ истинной величинѣ Обручева, какъ выдающагося дѣятеля.

Николай Николаевичъ Обручевъ родился 21-го ноября 1830 г.; отецъ его, Николай Аѳанасьевичъ, былъ въ то время капитаномъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, квартировавшаго въ Варшавѣ; мать его, Марія Лукинишна, рожденная Колотова. Дѣдъ, Аѳанасій Ѳедоровичъ, служилъ въ инженерныхъ войскахъ; прадѣдъ началъ службу въ артиллеріи. Такимъ образомъ всѣ Обручевы, изъ поколѣнія въ поколѣніе, были на военной службѣ. Въ 1838 году отецъ Николая Николаевича, уже командовавшій тогда въ чинѣ полковника Самогитскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Бронницахъ, недалеко отъ Новгорода, внезапно умеръ, оставивъ вдову съ семью малолѣтними дѣтьми (два сына и пять дочерей) почти безъ всякихъ средствъ къ жизни. Добрые люди приняли участіе въ положеніи вдовы; по ходатайству Пущина и Ростовцева передъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, по Высочайшему повелѣнію ей была назначена пенсія въ 428 руб. (что по тогдашнему времени составляло 1.500 руб. ассигнаціями), и два ея сына, Аѳанасій и Николай, приняты были въ Александровскій сиротскій корпусъ. Это благодѣтельное въ свое время учрежденіе имѣло цѣлью дать воспитаніе малолѣтнимъ сиротамъ неимущихъ офицеровъ арміи и флота, убитыхъ или умершихъ на военной службѣ. Надзоръ за дѣтьми былъ ввѣренъ класснымъ дамамъ, также вдовамъ или дочерямъ военныхъ. Корпусъ помѣщался въ Царскомъ Селѣ, противъ парка, въ домѣ, занятомъ нынѣ л.-гв. 4-мъ стрѣлковымъ Императорской фамиліи полкомъ. Императоръ Николай I и Императрица часто посѣщали Александровскій малолѣтній корпусъ, близко интересуясь участью дѣтей; по достиженіи опредѣленнаго возраста, сироты опредѣля-

лись на казенный счетъ въ одинъ изъ сухопутныхъ или морской—кадетскіе корпуса. Марія Лукинишна Обручева сама свезла мальчиковъ въ Царское Село и сдала ихъ въ корпусъ въ августѣ 1838 года; дочери же ея были опредѣлены въ Смольный институтъ. Сама Марія Лукинишна поселилась въ Петербургѣ и вся отдалась воспитанію дѣтей, обучая и обшивая всю свою семью. Черезъ два года, въ 1840 году, по достиженіи десятилѣтняго возраста, Николай Николаевичъ Обручевъ былъ переведенъ въ 1-й кадетскій корпусъ.

Съ этого времени десятилѣтній сирота, безъ средствъ, безъ связей, безъ поддержки, одинъ пробиваетъ себѣ дорогу. Богато одаренный отъ природы, онъ быстро сталъ расти и крѣпнуть. Соединяя блестящія способности съ неутомимымъ трудомъ, онъ сразу выдвинулся, пошелъ впередъ и такъ продолжалъ, съ неутомимой энергіей, съ неослабленными силами, все время идти во главѣ всѣхъ. Дитя арміи, принадлежа ей почти съ колыбели, воспитанный на счетъ правительства, Н. Н. Обручевъ не остался въ долгу и сторицей вернулъ все на него потраченное, отдавъ горячо любимой родинѣ и арміи всю свою жизнь, всѣ лучшія свои силы, весь свой умъ, всю свою душу.

Первымъ окончивъ курсъ, 13-го іюня 1848 года, Н. Н. Обручевъ былъ произведенъ въ прапорщики л.-гв. Измайловскаго полка, и имя его занесено на мраморную доску 1-го кадетскаго корпуса. Сойдя со школьной скамьи, онъ тотчасъ принялся за работу и уже въ 1850 году, будучи еще подпоручикомъ, представилъ первый ученый трудъ: „Опытъ исторіи военной литературы въ Россіи“, который былъ поднесенъ Его Величеству въ день 50-ти-лѣтняго юбилея со времени назначенія Государя Императора Николая I шефомъ л.-гв. Измайловскаго полка. Въ это же время три сестры Н. Н. Обручева послѣдовательно оканчивали Смольный институтъ, также первыми ученицами съ шифромъ. Такіе блестящіе результаты даннаго дѣтямъ воспитанія обратили вниманіе на Марію Лукинишну Обручеву, и въ 1851 году она была назначена инспектриссой Смольнаго института, гдѣ двѣ младшія ея дочери тогда еще оканчивали курсъ; съ этого времени дальнѣйшая участь ея уже была вполнѣ обезпечена.

Прослуживъ четыре года въ полку и совершивъ съ полкомъ походъ въ 1849 году въ составѣ гвардіи, двинутой къ западнымъ предѣламъ имперіи, Николай Николаевичъ Обручевъ, въ чинѣ поручика, въ 1852 году поступилъ въ Императорскую военную академію и въ 1854 году первымъ, съ медалью, окон-

чилъ въ ней курсъ, съ производствомъ за отличіе въ штабсъ-капитаны, при чемъ имя его вторично занесено на мраморную доску. Въ томъ же году появилось первое капитальное сочиненіе Обручева: „Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 годъ", положившее основаніе дальнѣйшимъ архивнымъ изслѣдованіямъ и изученію отечественной военной исторіи по подлиннымъ документамъ. По выпускѣ изъ академіи штабсъ-капитанъ Обручевъ былъ причисленъ къ генеральному штабу, съ назначеніемъ на службу въ штабъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами. Переведенный на слѣдующій годъ въ гвардейскій генеральный штабъ, Николай Николаевичъ былъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 2-й гвардейской резервной пѣхотной дивизіи. Въ 1857 году, въ чинѣ капитана, назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Въ 1859 году произведенъ въ полковники и назначенъ начальникомъ штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи; должность эту занималъ четыре года, послѣ чего, покинувъ строевую службу при гвардейскихъ войскахъ, онъ въ 1863 году былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ и членомъ совѣщательнаго комитета Главнаго управленія генеральнаго штаба.

Черезъ два года по выпускѣ изъ академіи, Н. Н. Обручевъ уже *занялъ каѳедру Дмитрія Алексѣевича Милютина и вскорѣ* сталъ однимъ изъ самыхъ выдающихся профессоровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, *занимая эту должность въ теченіе 20-ти лѣтъ*. Весною 1856 года *профессоръ военной статистики*, Д. А. Милютинъ, покинулъ академію, а осенью того же года на каѳедру этого предмета были назначены генеральнаго штаба капитаны Макшеевъ и Обручевъ. Въ виду значительнаго расширенія программы военной статистики, оказалось необходимымъ распредѣлить курсъ на два самостоятельныхъ отдѣла: 1) обзоръ Россіи, и 2) обзоръ иностранныхъ государствъ, которымъ предшествовалъ особый, какъ бы вступительный отдѣлъ. Вотъ этотъ вступительный отдѣлъ, въ которомъ излагалась литература предмета, значеніе статистики какъ науки и какъ необходимаго пособія для административной практики, а затѣмъ военно-статистическій обзоръ европейскихъ государствъ Австріи, Пруссіи, Швеціи, Великобританіи и Турціи, разрабатывался Н. Н. Обручевымъ и талантливо излагался имъ въ блестящихъ лекціяхъ. Имъ же были установлены практическія занятія по военной статистикѣ, заключавшіяся въ составленіи

статистическихъ картъ и таблицъ съ объясненіями и выводами. Кромѣ назначенныхъ по расписанію лекцій, Обручевъ, въ началѣ своей профессуры, установилъ въ академіи вечернія сообщенія по субботамъ для желающихъ, и эти увлекательныя субботнія чтенія посѣщались почти всѣми слушателями обоихъ курсовъ академіи. Въ свое время онъ обратилъ на себя вниманіе блестящимъ разборомъ книги Д. А. Милютина и А. И. Михайловскаго-Данилевскаго: „Исторія войны между Россіею и Франціею", появившимся въ „Отечественныхъ Запискахъ" въ 1852 и 1853 годахъ.

Въ 1858 году Н. Н. Обручевъ основалъ первый ежемѣсячный военный журналъ „Военный Сборникъ" и состоялъ его редакторомъ. Въ своихъ лекціяхъ и въ издаваемомъ подъ его редакціей журналѣ, Обручевъ проводилъ свои взгляды, вліялъ на нашъ генеральный штабъ и способствовалъ научной разработкѣ многихъ военныхъ вопросовъ. Въ „Военномъ Сборникѣ" появился за это время цѣлый рядъ статей, написанныхъ Обручевымъ:

„*О вооруженной силѣ и ея устройствѣ*" (1858 г.).

„*Изнанка Крымской войны*" (1858 г.).

„*Записки о снаряженіи пѣхоты пяти первостепенныхъ европейскихъ армій: русской, французской, англійской, австрійской и прусской*" (1862 г.).

„*Изслѣдованіе причинъ смертности населенія и опыты составленія санитарной карты*" (1863 г.).

„*Спѣтъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Участіе въ нихъ земства и войскъ*" (1864 г.).

„*Обзоръ дѣятельности военнаго министерства въ послѣднее пятилѣтіе, финансовыхъ его средствъ и нуждъ арміи*" (1865 г.).

Въ томъ же году при „Военномъ Сборникѣ" была издана генеральная карта Кавказскаго края.

Въ 1860 году, профессоръ военной статистики, полковникъ Обручевъ, былъ командированъ за границу на $1^1/_2$ года, съ научной цѣлью, примѣняясь къ потребностямъ академическаго курса. Эта первая поѣздка за границу имѣла большое вліяніе на всю послѣдующую жизнь Николая Николаевича. Проводя зиму въ Парижѣ для своихъ научныхъ работъ, онъ познакомился тамъ съ прелестной молодой дѣвушкой,—M-lle Marie Millet, въ почтенной семьѣ коей онъ жилъ. Лѣто они обыкновенно проводили въ своемъ небольшомъ родовомъ имѣніи, въ замкѣ Жоръ, на югѣ Франціи, въ Дордонѣ, недалеко отъ Бордо. Николай Николаевичъ, по окончаніи своей командировки, послѣдовалъ за ними, и тамъ, въ Жорѣ, сдѣлалъ свое предло-

женіе. Свадьба же состоялась только на слѣдующій годъ 30-го августа въ Парижѣ, послѣ чего, 26-го сентября 1862 года, Николай Николаевичъ вернулся въ Петербургъ съ своей молодой женой, Маріей Николаевной Обручевой. Съ этого времени и до конца жизни, онъ почти ежегодно, осенью проводилъ одинъ или два мѣсяца въ Жорѣ въ имѣніи жены на югѣ Франціи; здѣсь онъ пользовался полнымъ отдыхомъ, занимаясь садоводствомъ и винодѣліемъ. Во время частыхъ посѣщеній Парижа, Н. Н. Обручевъ познакомился съ лучшими въ то время представителями французской арміи и немало способствовалъ франко-русскому сближенію и установленію дружескихъ отношеній между арміями двухъ союзныхъ государствъ.

Въ 1866 году Н. Н. Обручевъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, а черезъ годъ, въ 1867 году, назначенъ членомъ и управляющимъ дѣлами военно-ученаго комитета Главнаго Штаба. Оставаясь на этомъ мѣстѣ 14 лѣтъ, до 1881 г., онъ все свое время могъ посвятить научнымъ трудамъ, а также разработкѣ многихъ вопросовъ военно-административнаго и политическаго характера. Въ это время, съ 1867 по 68-ой годъ, подъ редакціей Обручева, появились первые три выпуска „Военно-Статистическаго Сборника“—обширнаго труда, обнявшаго съ большею или меньшею полнотою всѣ государства западной Европы, Турцію, сопредѣльныя съ нами страны Азіи и въ короткомъ очеркѣ—государства Америки [1]). Черезъ три года, съ 1871 году, появился послѣдній 4-й выпускъ, посвященный Россіи. Этотъ капитальный трудъ, въ 72 печатныхъ листа съ атласомъ, состоящій изъ 2-хъ отдѣловъ, имѣлъ цѣлью дать возможно цѣльное систематическое представленіе о нашемъ отечествѣ. Отдѣлъ 1-й заключаетъ слѣдующія статьи: 1) государственное устройство Имперіи; 2) территорія и народонаселеніе; 3) землевладѣніе; 4) сельское хозяйство; 5) горный промыселъ; 6) мануфактурная промышленность; 7) пути сообщенія; 8) торговля; 9) финансы и кредитъ; 10) народное образованіе; 11) нравственность. Отдѣлъ II—вооруженныя силы: 1) комплектованіе; 2) составъ, численность и организація арміи; 3) уст-

[1]) *Выпускъ 1-й.* Великобританія, Франція, Австрія, Пруссія и пр. государства Германіи 1867 г. *Выпускъ 2-й.* Италія, Испанія, Португалія, Швейцарія, Бельгія, Голландія, Данія, Швеція, Норвегія, Греція, Турція и Восточныя владѣнія (1868 г.). *Выпускъ 3-й.* Персія, Афганистанъ, Белуджистанъ, Среднеазіатскія влад. Китай, Японія, Сѣв.-Американск. Соед. Штаты, Мексика, Бразилія и республики Средней и Южной Америки (1868 г.).

ройство военныхъ управленій; 4) содержаніе арміи; 5) крѣпости и 6) флотъ [1]). Въ предисловіи къ этой книгѣ Н. Н. Обручевъ говоритъ: „статистическій трудъ старится болѣе тамъ, гдѣ жизнь государства идетъ быстрѣе, менѣе—тамъ, гдѣ жизнь его вмѣсто развитія представляетъ застой, и поэтому глубоко желаю, чтобы трудъ нашъ о Россіи быстро состарился, чтобы онъ былъ своевременъ только для нѣсколькихъ настоящихъ минутъ...“ Сборникъ этотъ въ свое время служилъ главнымъ источникомъ, изъ котораго черпались всѣ необходимыя о Россіи свѣдѣнія. Всѣ эти ученые труды обратили на себя вниманіе Государя Императора, и въ 1871 году генералъ-маіоръ Обручевъ былъ назначенъ въ Свиту Его Императорскаго Величества.

Пользуясь особымъ довѣріемъ Военнаго Министра, Д. А. Милютина, и начальника Главнаго Штаба гр. Гейдена, Н. Н. Обручевъ, уплавляя дѣлами военно-ученаго комитета, въ то же время былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ всѣхъ важнѣйшихъ реформъ царствованія Императора Александра II. Обще-обязательная воинская повинность и организація нашихъ вооруженныхъ силъ на новыхъ основаніяхъ, равно какъ и основныя начала для подготовки вѣроятныхъ театровъ военныхъ дѣйствій были разработаны при ближайшемъ содѣйствіи Н. Н. Обручева.

Въ 1873 г. Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Обручевъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и командированъ въ Турцію, Германію и Австрію для собиранія свѣдѣній по составу и организаціи ихъ военныхъ силъ. Съ 1874 года онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ руководилъ комиссіею изъ офицеровъ генеральнаго штаба, военныхъ инженеровъ и артиллеристовъ, по проектированію укрѣпленій Варшавы, Новогеоргіевска и Зегржа и нѣсколько разъ, во главѣ полевой поѣздки, ѣздилъ для осмотра этихъ пунктовъ на мѣстѣ. Въ 1876 году генералъ-лейтенантъ Обручевъ былъ назначенъ членомъ международнаго конгресса въ Брюсселѣ и представителемъ русскаго отдѣла на международной выставкѣ. Въ концѣ того же года, незадолго до войны, командированъ съ особымъ секретнымъ порученіемъ за границу, для заключенія конвенціи съ Румыніей и съ Австріей. Но не одними только учеными и кабинетными работами исчерпывается выдающаяся дѣятельность Н. Н. Об-

[1]) Въ составленіи сборника принимали участіе офицеры генеральнаго штаба: Де-Ливронъ, баронъ Вревскій, Мосоловъ Фельдманъ, Лобко, Гельмерсенъ, Быховецъ, Бобриковъ и Боголюбовъ.

ручева; не менѣе блистательно проявилась она и во время войны.

Въ апрѣлѣ 1877 г. послѣдовалъ разрывъ съ Турціей. Военныя дѣйствія начались тотчасъ въ Азіатской Турціи и нѣсколько позднѣе на Дунаѣ. Н. Н. Обручевъ не получилъ назначенія въ Дѣйствующую армію, равно какъ и Тотлебенъ, и оставался въ Петербургѣ. Однажды, когда Тотлебенъ встрѣтилъ Обручева въ Лѣтнемъ саду, онъ сказалъ ему: „Николай Николаевичъ, а насъ забыли, насъ оставили здѣсь!“ Такова вначалѣ была участь двухъ лицъ, которыя вскорѣ стали главными дѣятелями войны, одинъ въ Азіатской Турціи, другой на Дунаѣ, подъ Плевной, куда они были вызваны почти одновременно. Блистательно начавшіяся военныя дѣйствія стали принимать неблагопріятный для насъ оборотъ. На Дунаѣ неожиданно выросла Плевна; въ Азіатской Турціи послѣ неудачнаго дѣла подъ Зевинымъ, войска наши отступили, и кампанія на этомъ театрѣ войны казалась проигранной. Тогда по распоряженію военнаго министра на Кавказъ отправлены были двѣ дивизіи пѣхоты и по Высочайшему повелѣнію 25-го іюля въ распоряженіе Великаго Князя Михаила Николаевича командированъ генералъ-лейтенантъ Обручевъ съ особыми полномочіями. Прибывъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, Николай Николаевичъ и здѣсь, среди лучшихъ боевыхъ генераловъ доблестной Кавказской арміи, занялъ подобающее мѣсто и принялъ дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ высшаго командnаго персонала. Дальнѣйшій планъ дѣйствій былъ разработанъ Обручевымъ еще въ Петербургѣ въ кабинетѣ военно-ученаго комитета и приведенъ въ исполненіе на мѣстѣ. Послѣ 3-хъдневнаго боя (20—22-го сентября) при Большихъ и Малыхъ Ягнахъ, войска наши атаковали турокъ съ фронта, на Аладжинскихъ высотахъ у Авліара, а дивизія Лазарева въ обходъ праваго крыла съ тыла на Аладжи; въ результатѣ—армія Мухтара-Шажи была разбита и разсѣяна. 3-го октября Великій Князь Михаилъ Николаевичъ телеграфировалъ:

„Счастливъ, что могу донести Вашему Императорскому Величеству о полномъ пораженіи арміи Мухтара-Паши“. Войска подъ начальствомъ Лорисъ-Меликова, при обходномъ движеніи генерала Лазарева, окружили турецкую армію, которая сдалась почти безъ пролитія крови. За Аладжей слѣдовало паденіе Карса; планъ его осады также былъ разработанъ Обручевымъ, но при взятіи Карса онъ не присутствовалъ, такъ какъ былъ вызванъ въ Дѣйствующую армію на Балканскомъ полуостровѣ.

Бой на Аладжинскихъ высотахъ, приведшій къ славному завершенію кампаніи въ Азіатской Турціи, одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ въ жизни Н. Н. Обручева. 30-го октября онъ прибылъ въ Императорскую главную квартиру въ Порадимѣ, гдѣ Государь самъ возложилъ на него орденъ Св. Георгія 3-й степени. Такимъ образомъ, имя Н. Н. Обручева въ третій разъ было занесено на мраморную доску. Въ главной квартирѣ въ Порадимѣ, Обручевъ оставался до 3-го декабря, принимая участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ по важнѣйшимъ военнымъ и политическимъ вопросамъ того времени. Вскорѣ послѣ паденія Плевны, 28-го ноября, Государь Императоръ, въ сопровожденіи своей свиты и Н. Н. Обручева, вернулся въ Петербургъ, 10-го декабря. Тотчасъ послѣ войны, Н. Н. снова былъ командированъ за границу съ особымъ порученіемъ Государя къ султану и прокламаціями Его Величества къ болгарскому народу.

Въ воздаяніе особыхъ услугъ, оказанныхъ генералъ-лейтенантомъ Обручевымъ во время турецкой войны, Государь Императоръ Александръ II, въ день своего рожденія, 17-го апрѣля 1878 года, возвелъ его въ званіе генералъ-адъютанта. 8-го іюня того же года по Высочайшему повелѣнію, Н. Н. Обручевъ былъ назначенъ въ распоряженіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, на должность начальника полевого штаба предполагавшейся къ сформированію юго-западной арміи и вслѣдствіе этого отчисленъ отъ должности профессора, съ назначеніемъ почетнымъ членомъ конференціи Николаевской академіи Генеральнаго Штаба и съ оставленіемъ во всѣхъ остальныхъ должностяхъ и званіяхъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра III, постъ Военнаго Министра занялъ генералъ-адъютантъ Ванновскій, бывшій во время войны начальникомъ штаба Наслѣдника Цесаревича въ Рущукскомъ отрядѣ. Въ томъ же 1881 году, по представленію П. С. Ванновскаго, Н. Н. Обручевъ былъ назначенъ Начальникомъ Главнаго Штаба и исполнялъ эти обязанности 16 лѣтъ. Въ теченіе всего этого времени, состоя во главѣ самаго обширнаго и сложнаго отдѣла управленія Военнаго Министерства, Н. Н. Обручевъ съ неослабной энергіей принималъ ближайшее и ревностное участіе въ разработкѣ всѣхъ государственныхъ вопросовъ первостепенной важности, относящихся до развитія нашей вооруженной силы.

Ежедневно, съ ранняго утра и до позняго вечера, онъ работалъ въ своемъ служебномъ кабинетѣ, окруженный картами, бумагами, секретными дѣлами. Всѣ близко къ нему стоявшіе,

за время управленія имъ Главнымъ Штабомъ, могутъ засвидѣтельствовать, что онъ не только лучше, но и больше всѣхъ работалъ и при этомъ всегда съ полнымъ вниманіемъ и сердечнымъ участіемъ относился къ своимъ подчиненнымъ. Ежегодно, въ декабрѣ начальники окружныхъ штабовъ вызывались въ Главный Штабъ, гдѣ въ особыхъ совѣщаніяхъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ и по указаніямъ Н. Н. Обручева, разрабатывались вопросы мобилизаціи и сосредоточенія нашей арміи на разныхъ театрахъ дѣйствій и при различныхъ военныхъ и политическихъ комбинаціяхъ. Сообразно этому рѣшались вопросы дислокаціи, расквартированія нашей арміи, проведеніе стратегическихъ путей, укрѣпленіе извѣстныхъ пунктовъ и вообще все относящееся до обороны государства. На основаніи этихъ данныхъ начальники штабовъ, по возвращеніи къ себѣ, на мѣстѣ, въ своихъ округахъ, составляли подробные планы военныхъ дѣйствій, которые каждый годъ повѣрялись и исправлялись въ Главномъ Штабѣ. Вся эта обширная работа, которая исполняется и понынѣ, въ свое время была создана Обручевымъ. Послѣ этихъ засѣданій въ Главномъ Штабѣ, пріѣзжіе начальники штабовъ, высшіе войсковые начальники въ округахъ и многіе изъ чиновъ Главнаго Штаба часто приглашались на обѣдъ къ Николаю Николаевичу Обручеву, который являлся у себя дома самымъ гостепріимнымъ и радушнымъ хозяиномъ.

Когда Н. Н. Обручевъ состоялъ во главѣ Главнаго Штаба, всѣ важнѣйшія военныя реформы проводились по его иниціативѣ и по его указаніямъ. За это время у насъ вновь сформировано было 3 армейскихъ корпуса и сведены въ корпуса Кавказскія и Туркестанскія войска. Введена новая обширная система резервныхъ войскъ, для чего были сформированы пѣхотныя резервныя бригады, которыя въ военное время развертывались въ дивизіи первой и второй очереди; при этихъ частяхъ хранились всѣ запасы обмундированія, снаряженія и вооруженія по штатамъ военнаго времени, что̀ давало возможность, при малыхъ кадрахъ мирнаго времени, съ объявленіемъ мобилизаціи быстро развертывать пѣхотныя резервныя бригады въ армейскіе корпуса. Соотвѣтственно этой организаціи сформированы были резервныя артиллерійскія бригады и резервные саперные баталіоны. Пѣхотныя резервныя бригады введены были также и въ Туркестанѣ и въ трехъ Сибирскихъ округахъ, гдѣ впослѣдствіи онѣ были переформированы въ стрѣлковыя бригады и дивизіи. Кавалерія усилена сформированіемъ новыхъ

драгунскихъ полковъ, при чемъ всѣмъ полкамъ армейской кавалеріи дано однообразное обмундированіе и вооруженіе по драгунскому образцу. Въ полевой артиллеріи сформированы стрѣлковые артиллерійскіе дивизіоны и мортирные полки; въ инженерныхъ войскахъ — желѣзно-дорожные, телеграфные и воздухоплавательные баталіоны и роты, и введены крѣпостныя инженерныя части. Въ Петербургскомъ, Виленскомъ, Варшавскомъ, Одесскомъ, Казанскомъ и Приамурскомъ военныхъ округахъ сформированы крѣпостные полки и баталіоны; введены обозныя войска.

Съ 1881 по 1898 годъ, т. е. за время пребыванія въ должности начальника Главнаго Штаба генералъ-адъютанта Обручева, благодаря его усиліямъ, армія наша увеличилась:

	По мирному составу [1].	По военному составу.
1)	Пѣхота на 151 баталіонъ	на 395 баталіоновъ.
	Кавалерія на 96 эскадроновъ	на 164 эскадрона.
2)	Артиллерія на 149 батарей (343 орудія)	на 169 батарей (1822 орудія).
	Парки на 21	на 92.
3)	Инженерныя войска на 10 сап. и 3 жел. д. роты	на 15 ротъ.
	Казачьи войска на 19 конныхъ и 13 пѣш. частей	на 79 конныхъ и 23 пѣш. ч.

Рядомъ съ увеличеніемъ боевой силы постепенно сокращались всѣ небоевые элементы арміи: мѣстные баталіоны совсѣмъ упразднены, а мѣстныя команды съ 595 доведены до 158, т. е. сокращены на 437 командъ.

За указанный выше періодъ, армія наша, по штатамъ мирнаго времени, увеличилась почти на 6.000 офицеровъ и на 150.000 нижнихъ чиновъ, а по военному времени,—на 10.000 офицеровъ и на 500.000 нижнихъ чиновъ; вся же вооруженная сила наша возросла въ мирное время до милліона, а въ военное—почти до трехъ милліоновъ людей. Но такъ какъ не одной числительностью и матеріальною силою, а духомъ крѣпка армія, то для возстановленія боевыхъ традицій славнаго боевого прошлаго нашей арміи и для воспитанія молодыхъ поколѣній въ

[1]) 1) Въ томъ числѣ сформировано 30 крѣпостныхъ полковъ и 14 второочередныхъ резервныхъ дивизій. 2) Въ томъ числѣ 7 мортирныхъ полковъ въ 24 батареи и 14 горныхъ батарей. 3) Въ томъ числѣ крѣпостныя инженерныя части,—саперныя, минныя, телеграфныя, рѣчныя роты и воздухоплавательное отдѣленіе.

любви къ своей войсковой части и въ гордомъ сознаніи ея силы, многимъ пѣхотнымъ и кавалерійскимъ полкамъ даны имена доблестныхъ начальниковъ, связавшихъ свое имя съ боевымъ прошлымъ той или другой войсковой части. Такимъ образомъ, по мысли Обручева, и съ Высочайшаго Государя Императора одобренія, названіемъ полковъ, по именамъ славныхъ защитниковъ отечества, возстановлена боевая лѣтопись русской вооруженной силы. Какъ горячій патріотъ, какъ истинно русскій человѣкъ и большой знатокъ русской старины, Николай Николаевичъ Обручевъ настоялъ также на замѣнѣ искаженныхъ нѣмецкихъ именъ нѣкоторыхъ городовъ на нашей западной окраинѣ ихъ настоящими изстари русскими именами.

Одновременно съ увеличеніемъ арміи и съ перемѣною ея дислокаціи, при сосредоточеніи большихъ силъ на западной границѣ, особыми войсковыми комиссіями на мѣстѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Главной Казарменной Комиссіи, образованной при Военномъ Совѣтѣ и созданной также по идеѣ Обручева, построены были казармы съ офицерскими флигелями для 170 войсковыхъ частей и проложены стратегическія шоссе на протяженіи 1.650 верстъ. Наконецъ усилены укрѣпленія и вооруженія Кронштадта, Ковно, Варшавы, Новогеоргіевска, Брестъ-Литовска, Зегржа, Осовца и Владивостока.

При такой обширной и разнообразной дѣятельности, при массѣ текущихъ дѣлъ и разныхъ служебныхъ обязанностей, Н. Н. Обручевъ находилъ еще время для самостоятельной разработки многихъ военно-политическихъ, стратегическихъ и административныхъ вопросовъ, изложенныхъ въ цѣломъ рядѣ секретныхъ записокъ, представленныхъ Военному Министру и Государю Императору. Многія изъ этихъ записокъ и по нынѣ еще не устарѣли и находятся въ разныхъ отдѣлахъ Главнаго и Генеральнаго Штаба, гдѣ ими пользуются какъ руководящими указаніями при разработкѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ.

Вспоминая теперь мощную фигуру Николая Николаевича Обручева и проявленную имъ творческую силу, нельзя не замѣтить много общаго между нимъ и его знаменитымъ современникомъ, начальникомъ Прусскаго Генеральнаго Штаба, графомъ Мольтке. Молчаливые, суровые на видъ, неутомимые труженики, до фанатизма преданные своему дѣлу,—оба руководили работами высшихъ войсковыхъ штабовъ, создали, каждый въ своей странѣ, цѣлую школу талантливыхъ офицеровъ,

ихъ послѣдователей, и еще долго въ обѣихъ сосѣднихъ арміяхъ будетъ жива память объ этихъ двухъ выдающихся представителяхъ современнаго генеральнаго штаба. Даже въ ихъ интимной, внѣ-служебной жизни, находимъ мы общія черты. По свидѣтельству одного изъ нашихъ офицеровъ, состоявшихъ при Прусской главной квартирѣ во время Франко-Прусской войны 1870—71 гг., Мольтке, съ приближенными ему чинами штаба, каждый вечеръ игралъ въ вистъ, по очень маленькому кушу и съ очень сложнымъ разсчетомъ. За этой игрой всѣ успокаивались, и мысль, весь день напряженно работавшая все въ одномъ и томъ же направленіи, отдыхала. Даже наканунѣ и въ самый день такого крупнаго историческаго событія, какъ Седанъ, великій молчальникъ сыгралъ свои обычные три робера въ вистъ. Также и для Николая Николаевича Обручева единственнымъ и любимымъ развлеченіемъ была партія въ винтъ въ средѣ близкихъ ему людей; тутъ онъ дѣйствительно отдыхалъ послѣ тяжелыхъ трудовъ, но какъ человѣкъ долга, онъ не жертвовалъ для своего удовольствія ни однимъ часомъ работы.

Богато одаренный отъ природы и всесторонне образованный, Николай Николаевичъ Обручевъ всѣмъ интересовался, ничто ему не было чуждо. Онъ не замуравилъ себя въ узкихъ рамкахъ своей спеціальности, не ходилъ въ шорахъ, а широко смотрѣлъ по сторонамъ, внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ области науки и искусства. Особенно любилъ онъ живопись, ваяніе и зодчество и часто поражалъ знатоковъ своей критикой и тонкостью своихъ наблюденій. Онъ не пропускалъ ни одной большой выставки и ежегодно посѣщалъ обычныя выставки академистовъ и передвижниковъ. Изъ современныхъ художниковъ онъ предпочиталъ Полѣнова и его картины изъ жизни Христа; когда появилась его большая картина „Грѣшница“, которая теперь въ музеѣ Императора Александра III, Николай Николаевичъ особенно ею восхищался и часто любилъ о ней говорить.

По мысли Н. Н. Обручева, и подъ непосредственнымъ его руководствомъ, въ зданіи Главнаго Штаба исполненъ цѣлый рядъ художественныхъ работъ. Начались онѣ съ обновленія церкви Главнаго Штаба. Церковь эта, во имя св. великомученика и побѣдоносца Георгія, основана при Императорѣ Александрѣ I, въ началѣ 1820-хъ годовъ, заботами и попеченіями князя Волконскаго, бывшаго тогда начальникомъ Главнаго Штаба Его Величества, а впослѣдствіи фельдмаршаломъ. Со-

стоя во главѣ квартирмейстерской части, имъ созданной, князь Волконскій избралъ для церкви мѣсто въ томъ домѣ, который былъ занятъ квартирмейстерскою частью или генеральнымъ штабомъ. Простоявъ затѣмъ почти 70 лѣтъ, церковь стала требовать значительнаго ремонта и обновленія. Но прежде чѣмъ приступить къ работамъ, свершилось чудесное событіе 17 октября 1888 г. Тогда чины Главнаго Штаба, съ генералъ-адъютантомъ Обручевымъ во главѣ, желая увѣковѣчить въ памяти своихъ преемниковъ чудесное спасеніе Царя и Августѣйшей Семьи, остановились на мысли украсить достойнымъ образомъ свою церковь. Средства для осуществленія этой благой мысли не замедлили явиться. Работы по возобновленію церкви начались въ маѣ 1889 г. и окончились въ февралѣ 1890 года. Проектъ былъ составленъ академикомъ архитектуры М. Л. Ивановымъ, по общее руководство работами исходило отъ Н. Н. Обручева, который входилъ во всѣ мельчайшія подробности художественнаго убранства церкви. Особенный интересъ въ этомъ храмѣ представляетъ: большой парусный сводъ надъ кораблемъ церкви, замѣняющій собой куполъ, съ изображеніемъ части неба, покрытаго звѣздами изъ граненаго хрусталя различныхъ величинъ, при чемъ на сводѣ астрономически точно изображена та часть неба, которая усматривалась со станціи Борокъ въ 12 часовъ 14 минутъ 17 октября 1888 года, когда, въ моментъ крушенія, остановились часы въ вагонѣ-столовой Императорскаго поѣзда. На южной стѣнѣ храма, противъ входныхъ дверей, большая картина-образъ, съ изображеніемъ „Проповѣдывающаго Христа“, окруженнаго народомъ; всѣ дѣйствующія лица—портреты Царской Семьи. Картина эта принадлежитъ кисти извѣстнаго по духовной живописи академика И. К. Макарова, вдохновившагося этимъ событіемъ. На противоположной сѣверной стѣнѣ, по обѣимъ сторонамъ двери, укрѣплены, въ два ряда, доски бѣлаго мрамора, съ черной мраморной же каймой. На этихъ доскахъ начертаны имена офицеровъ генеральнаго штаба и корпуса военныхъ топографовъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ за время съ 1807 года.

Вслѣдъ за обновленіемъ церкви приступлено было къ отдѣлкѣ парадной лѣстницы Главнаго Штаба, строго выдержанной въ стилѣ Имперіи. Внизу, въ круглой прихожей, очищены отъ многолѣтней штукатурки и окраски чудныя колонны изъ итальянскаго розоваго мрамора. На средней площадкѣ, въ особой нишѣ, поставлена большая бронзовая статуя Петра, работы

извѣстнаго академика скульптуры Антокольскаго. Эта лучшая у насъ статуя Петра была заказана Императоромъ Александромъ III-мъ Антокольскому для Петергофа, и, съ разрѣшенія Его Величества, копія съ нея, исполненная тѣмъ же художникомъ, поставлена на лѣстницѣ Главнаго Штаба. Подъ статуей, на мраморной доскѣ заключительныя слова приказа, отданнаго Петромъ передъ Полтавскимъ боемъ:

„*А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россія въ славѣ и благоденствіи*".

На балюстрадѣ лѣстницы поставлены четыре бронзовыхъ бюста противъ статуи Петра,—его фельдмаршалы,—Шереметевъ и Меншиковъ; надъ ними, Екатерининскіе фельдмаршалы: Румянцевъ и Потемкинъ. На верхней площадкѣ, по обѣимъ сторонамъ входной двери, въ особыхъ нишахъ, двѣ бронзовыя статуи: Суворова и Кутузова—подъ статуей Суворова надпись—„*Измаилъ у ногъ Вашего Величества*"; подъ статуей Кутузова: „*Теперь ни шагу далѣе*". Статуи и бюсты эти художественно исполнены академикомъ скульптуры И. Н. Шредеромъ по особому заказу Обручева для Главнаго Штаба, при чемъ Николай Николаевичъ часто ѣздилъ въ мастерскую Шредера, въ академію художествъ, и лично руководилъ его работами.

Наконецъ, ротонда средняго этажа Главнаго Штаба, передъ входомъ въ церковь, обращена въ Георгіевскій залъ; на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, вдѣланныхъ въ стѣны, начертаны имена офицеровъ-колонновожатыхъ, Свиты Его Величества по квартирмейстерской части и Генеральнаго Штаба, награжденныхъ орденомъ св. Георгія. Устройствомъ этихъ досокъ, въ церкви и въ Георгіевскомъ залѣ Главнаго Штаба, осуществилось давнишнее желаніе офицеровъ Генеральнаго Штаба и получилась какъ бы боевая лѣтопись этого корпуса офицеровъ.

Въ 1887 году Н. Н. Обручевъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Въ 1888 году назначенъ почетнымъ членомъ Императорской академіи наукъ.

Въ 1893-мъ году послѣдовало назначеніе генералъ-адъютанта Обручева членовъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ должности начальника Главнаго Штаба. Въ 1896 г. онъ былъ удостоенъ награжденія орденомъ св. апостола Андрея Первозваннаго. Эта высокая награда сопровождалась Высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ Государемъ Императоромъ были начертаны слѣдующія знаменательныя выраженія.

„... Во всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ, когда Мнѣ иириходилось имѣть личныя къ вамъ отношенія,

какъ при научныхъ занятіяхъ въ годы моей юности, такъ и при обсужденіи дѣлъ государственныхъ, Я неизмѣнно выносилъ убѣжденіе въ вашемъ умѣ, отличномъ знаніи дѣла, прямомъ и откровенномъ характерѣ и неизмѣнной преданности Государю и Отечеству. Выражая вамъ сегодня искреннюю Мою признательность за ваши многолѣтніе неутомимые труды, Я, въ изъявленіе особаго Моего благоволенія, жалую васъ кавалеромъ ордена Святого Андрея Первозваннаго, знаки коего при семъ препровождая, пребываю къ вамъ навсегда благосклонный и благодарный".

„*НИКОЛАЙ*".

Въ 1897 году бывшій Военный Министръ, генералъ-адъютантъ Ванновскій покинулъ свой постъ; одновременно съ нимъ удалился отъ дѣлъ и Н. Н. Обручевъ. Высочайшимъ приказомъ 31 декабря 1897 года генералъ-адъютантъ Обручевъ былъ уволенъ, согласно прошенію, отъ должности начальника Главнаго Штаба, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта, въ званіи генералъ-адъютанта и въ генеральномъ штабѣ; при этомъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя Николая Николаевича Обручева, въ заключеніи было сказано:

„... Оставляя васъ въ званіи и при обязанностяхъ члена Государственнаго Совѣта, Я вполнѣ увѣренъ, что ваше широкое образованіе, патріотическія ваши убѣжденія и испытанныя способности къ дѣламъ Государственнаго Управленія принесутъ несомнѣнную пользу при обсужденіи вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію сего высшаго государственнаго установленія".

На подлинномъ собственной Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*Глубокоуважающій васъ и сердечно вамъ благодарный*"

„*НИКОЛАЙ*".

1897-мъ годомъ кончается самостоятельная служебная дѣятельность Н. Н. Обручева, посвятившаго всю жизнь, всѣ помыслы ревностному, безкорыстному, неуклонному и чистому служенію на благо горячо любимой имъ родины.

Оставленіе Обручевымъ должности начальника Главнаго Штаба почти совпало съ полувѣковой его службой. 13-го іюня 1898 года исполнилось 50 лѣтъ службы его въ офицерскихъ чинахъ. Въ ознаменованіе этого, среди почитателей военной, административной и ученой дѣятельности Н. Н. Обручева на пользу Русской арміи, возникло предположеніе собрать нѣко-

торую сумму, дабы связать его имя съ благотворительною цѣлью. По представленіи объ этомъ Военнаго Министра, 21-го октября 1897 года послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе открыть добровольную подписку среди чиновъ, служащихъ въ Главномъ Штабѣ, въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, въ военно-топографическомъ училищѣ и въ фельдъегерскомъ корпусѣ, а также состоящихъ или состоявшихъ въ генеральномъ штабѣ и въ корпусѣ военныхъ топографовъ. 13-го іюня 1898 года юбиляру была поднесена сумма свыше 12.000 рублей, часть которой предназначалась для выдачи пособій наиболѣе нуждающимся чинамъ Главнаго Штаба, другая часть въ видѣ научной преміи имени Николая Николаевича Обручева въ Академіи Генеральнаго Штаба. Въ это же время послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе помѣстить портретъ Н. Н. Обручева въ одной изъ залъ Главнаго Штаба. Портретъ этотъ, прекрасно исполненный извѣстнымъ художникомъ Ярошенко, изображаетъ Николая Николаевича въ его служебномъ кабинетѣ Главнаго Штаба такъ, какъ мы привыкли ежедневно видѣть его за работой. Поразительный по сходству портретъ и мастерски написанная картина эта—одно изъ лучшихъ произведеній нашего талантливаго художника. Наконецъ въ тотъ же день, 13-го іюня 1898 года, въ приказѣ по военному вѣдомству за № 149 было объявлено, что Государь Императоръ во вниманіе къ обширной и плодотворной дѣятельности бывшаго начальника Главнаго Штаба по организаціи обороны Государства вообще и обороны морскихъ подступовъ къ столицѣ Имперіи въ особенности, приказалъ одинъ изъ фортовъ крѣпости Кронштадта наименовать фортомъ *„Генералъ-Адъютанта Обручева“*.

Покинувъ Главный Штабъ, Н. Н. Обручевъ не порвалъ съ нимъ связь; бывшіе подчиненные и сослуживцы часто его навѣщали, и онъ продолжалъ по-прежнему близко принимать къ сердцу и живо интересоваться всѣмъ, что дѣлалось въ военномъ мірѣ. Еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ дѣятельно занимался дѣлами Государственнаго Совѣта и, при обсужденіи наиболѣе важныхъ вопросовъ, съ прежней силой и талантомъ высказывалъ свое мнѣніе. Но усиленныя работы подточили его крѣпкую натуру, онъ замѣтно сталъ хилѣть и въ послѣдніе годы часто похварывалъ. Особенно удручающе подѣйствовали на него наши первыя неудачи въ войнѣ съ Японіей, которую онъ не пережилъ.

25-го іюня 1904 года телеграфъ принесъ извѣстіе, что на югѣ Франціи, въ своемъ имѣніи Жоръ, скончался членъ Госу-

дарственнаго Совѣта, почетный членъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба и Императорской Академіи Наукъ, числящійся по генеральному штабу генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Николай Николаевичъ Обручевъ [1]).

Тѣло его было перевезено въ Петербургъ 9-го іюля 1904 г. и было предано землѣ на кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ чинами Главнаго и Генеральнаго Штаба на могилѣ его воздвигнутъ памятникъ-часовня, а однимъ изъ близкихъ его друзей и товарищей пожертвованъ капиталъ на неугасимую лампаду въ часовнѣ. При входѣ же въ церковь Главнаго и Генеральнаго Штаба помѣщена икона Св. Николая Чудотворца, сооруженная сослуживцами Николая Николаевича Обручева и окруженная вѣнками, возложенными на его могилу. Подъ иконой на особой доскѣ надпись:

„Обновителю Св. Храма
Генералъ-Адъютанту Николаю Николаевичу Обручеву.
Вѣчная память.
Ревность дому Твоего снѣде меня“.

Современники три раза занесли имя Николая Николаевича Обручева на мраморныя доски въ числѣ наиболѣе отличившихся. Грядущее поколѣніе, вѣроятно, еще болѣе оцѣнить это имя и занесетъ его на страницы отечественной исторіи на-ряду съ наиболѣе выдающимися русскими дѣятелями нашего времени.

А. Бильдерлингъ.

Адресъ, поднесенный г.-ад. Обручеву въ день 50-лѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ.

Копія.

Ваше Высокопревосходительство

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ!

Его Высокопревосходительству
Н. Н. Обручеву.

Гордость Русской арміи, Вы почти съ колыбели принадлежите ей. Сиротой по смерти отца Васъ опредѣлили въ бывшій

---

[1]) Наши союзники и наши противники учитывали военные таланты Н. Н. Обручева такимъ образомъ: когда онъ пріѣзжалъ во Францію, то его тамъ встрѣчали самымъ сердечнымъ образомъ и во французскомъ генеральномъ штабѣ не было для него никакихъ тайнъ, а когда въ Берлинѣ и Вѣнѣ было получено извѣстіе о смерти Н. Н., то тамъ, въ извѣстныхъ сферахъ, происходило ликованіе. *Ред.*

Александровскій малолѣтній корпусъ, въ Царскомъ Селѣ; оттуда перевели въ 1-й кадетскій корпусъ, гдѣ, по окончаніи курса, 50 лѣтъ тому назадъ, 13-го іюня 1848 года, Вы были произведены въ прапорщики лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Пройдя затѣмъ послѣдовательно всю служебную лѣстницу до самыхъ высокихъ ея ступеней, Вы заняли почетное мѣсто въ высшемъ правительственномъ учрежденіи — членомъ Государственнаго Совѣта. За это время имя Ваше стало извѣстно во всей Россіи и пользуется достойною извѣстностью и за границей.

Воспитанный на счетъ правительства, Вы не остались въ долгу и сторицей вернули все на Васъ потраченное, отдавъ горячо любимой родинѣ всю Вашу жизнь, всѣ лучшія Ваши силы, весь Вашъ умъ, всю Вашу душу. И только теперь, на разстояніи 50 лѣтъ, мы можемъ составить себѣ ясное представленіе объ истинной величинѣ Вашей, какъ выдающагося дѣятеля.

Богато одаренные отъ природы, Вы быстро стали расти и крѣпнуть, пустили глубокіе корни, широко раскинули свою дѣятельность. Соединяя блестящія способности съ неутомимымъ трудомъ, Вы сразу выдвинулись, пошли впередъ и такъ продолжали, съ неутомимой энергіей, съ неослабными силами, все время идти во главѣ всѣхъ. Корпусъ Вы окончили первымъ, и въ 1848 году имя Ваше занесено было на мраморную доску 1-го кадетскаго корпуса. Сойдя со школьной скамьи, Вы тотчасъ принялись за работу и уже въ 1850 году, будучи еще подпоручикомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, представили первый ученый трудъ Вашъ: „Опытъ исторіи военной литературы въ Россіи“, который былъ поднесенъ Его Императорскому Величеству въ день 50-ти лѣтняго юбилея со времени назначенія Государя Императора Николая I-го Шефомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Шесть лѣтъ спустя, Вы первымъ, съ большой серебряной медалью, окончили Академію, и въ 1854 году имя Ваше вторично занесено на мраморную доску— Императорской Военной Академіи. Въ томъ же году появилось первое капитальное сочиненіе Ваше: „Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 годъ“, положившее основаніе дальнѣйшимъ архивнымъ изслѣдованіямъ и изученію отечественной военной исторіи по подлиннымъ документамъ. Черезъ два года, въ 1856 году, Вы заняли кафедру Дмитрія Алексѣевича Милютина и вскорѣ стали однимъ изъ самыхъ выдающихся профессоровъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба.

Какъ управляющій дѣлами Военно-ученаго Комитета и какъ

профессоръ Академіи, Вы въ теченіе 20 лѣтъ создали цѣлую школу, подготовили много талантливыхъ офицеровъ, которые всѣ гордились тѣмъ, что они „ученики Обручева". За это время Вы основали первый ежемѣсячный военный журналъ — „Военный Сборникъ"; издали первый полный общій и военный статистическій обзоръ Россіи, имѣвшій въ свое время громадный успѣхъ и обширное примѣненіе. Подъ Вашей редакціей изданъ также цѣлый рядъ статистическихъ изслѣдованій иностранныхъ государствъ. Въ то же время Вы были однимъ изъ главныхъ участниковъ всѣхъ важнѣйшихъ военныхъ реформъ царствованія Императора Александра II. Обще-обязательная воинская повинность и организація нашихъ вооруженныхъ силъ на новыхъ основаніяхъ, равно какъ и основныя начала для подготовки вѣроятныхъ театровъ военныхъ дѣйствій были разработаны при Вашемъ ближайшемъ содѣйствіи подъ высшимъ руководствомъ Генералъ-Адъютанта Графа Милютина.

Но не однѣми только учеными и кабинетными работами исчерпывается выдающаяся дѣятельность Ваша. Пользуясь особымъ довѣріемъ Государя Императора Александра II-го, Вы въ концѣ 1876 года, незадолго до войны, были командированы съ особымъ секретнымъ порученіемъ за границу, для заключенія конвенціи съ Румыніей и съ Австріей. Въ минувшую войну Вы по Высочайшему повелѣнію были отправлены на театръ военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи. И здѣсь, среди лучшихъ боевыхъ генераловъ доблестной Кавказской арміи, Вы также заняли подобающее мѣсто. При непосредственномъ участіи Вашемъ, армія одержала блестящую, и столь богатую по своимъ послѣдствіямъ, побѣду подъ Авліаромъ, приведшую къ уничтоженію арміи Мухтара-Паши, паденію Карса и къ славному завершенію кампаніи въ Азіатской Турціи. Изъ-подъ Карса Вы по Высочайшему повелѣнію отправились въ дѣйствующую армію на Дунаѣ и, состоя при Императорской Главной Квартирѣ въ Порадимѣ, принимали участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ по важнѣйшимъ военнымъ и политическимъ вопросамъ того времени. Тотчасъ послѣ войны Вы снова были командированы за границу съ особымъ порученіемъ Государя къ Султану и прокламаціями Его Величества къ Болгарскому народу.

За бой на Аладжинскихъ высотахъ Вы были награждены орденомъ Св. Георгія, и имя Ваше въ третій разъ занесено на мраморную доску—Георгіевскихъ кавалеровъ. Въ воздаяніе же особыхъ услугъ, оказанныхъ Вами русской арміи въ эпоху

минувшей войны, Государь Императоръ Александръ II-й, въ день Своего рожденія 17-го апрѣля 1878 года, возвелъ Васъ въ званіе Генералъ-Адъютанта.

Въ 1881 году Вы были назначены Начальникомъ Главнаго Штаба и, исполняя эти обязанности 16-ть лѣтъ, стояли во главѣ всего корпуса офицеровъ Генеральнаго Штаба, составляя его гордость, его силу и его славу.

Въ теченіе этого времени Вы были ближайшимъ и ревностнымъ сотрудникомъ Военнаго Министра Генералъ-Адъютанта Ванновскаго въ разработкѣ государственныхъ вопросовъ первостепенной важности, относящихся къ развитію системы резервовъ и государственнаго ополченія, къ устройству военно-конской повинности, къ мобилизаціи арміи, проведенію стратегическихъ путей, возведенію крѣпостей, сосредоточенію войскъ на случай войны и вообще во всѣхъ вопросахъ, обнимающихъ систему обороны государства.

Управляя одной изъ самыхъ обширныхъ и сложныхъ отраслей Военнаго Министерства, Вы во всѣхъ дѣлахъ являлись первымъ мастеромъ, первымъ работникомъ, служа всѣмъ примѣромъ самаго честнаго и добросовѣстнаго исполненія долга. Всѣ близко къ Вамъ стоявшіе, за все время Вашего управленія, могутъ засвидѣтельствовать, что Вы не только лучше, но и больше всѣхъ работали и при этомъ всегда съ полнымъ вниманіемъ и съ сердечнымъ участіемъ относились къ Вашимъ подчиненнымъ. Извѣстно, что для правителей нужны два условія: первое—умѣніе выбирать людей и второе,—не менѣе важное условіе, — умѣніе съ ними обращаться. Этому-то второму условію въ особенности удовлетворяли Вы какъ начальникъ и потому всегда пользовались не только заслуженнымъ уваженіемъ, но и общею любовью всѣхъ Вашихъ подчиненныхъ.

Современники три раза занесли имя Николая Николаевича Обручева на мраморныя доски въ числѣ наиболѣе отличившихся. Грядущее поколѣніе вѣроятно еще болѣе оцѣнитъ это имя и занесетъ его на страницы отечественной исторіи на-ряду съ наиболѣе выдающимися русскими дѣятелями нашего времени.

Въ ознаменованіе 50-ти-лѣтней службы Вашей въ офицерскихъ чинахъ, среди почитателей Вашей военной, административной и ученой дѣятельности на пользу Русской арміи, возникло предположеніе собрать нѣкоторую сумму, дабы связать имя Ваше съ благотворительною цѣлью по ближайшему Вашему усмотрѣнію.

По представленію бывшаго Военнаго Министра, Генералъ-

Адъютанта Ванновскаго, въ 21-й день октября 1897 года послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе открыть добровольную подписку среди чиновъ, служащихъ въ Главномъ Штабѣ, въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, въ Военно-Топографическомъ училищѣ и въ Фельдъегерскомъ Корпусѣ, а также состоящихъ или состоявшихъ въ Корпусахъ Генеральнаго Штаба и Военныхъ Топографовъ.

Нынѣ названные чины, собравъ свыше 12.000 рублей, просятъ Васъ принять ихъ на учрежденіе благотворительнаго капитала Вашего имени, съ горячими пожеланіями и задушевными поздравленіями по поводу исполнившагося 13-го сего іюня 50-ти-лѣтія службы Вашей въ офицерскихъ чинахъ.

Генералъ-Лейтенантъ Куропаткинъ.
Генералъ-отъ-Инфантеріи Павловъ.
Генералъ-отъ-Инфантеріи Дандевиль.
Генералъ-отъ-Инфантеріи Анненковъ.
Генералъ-Адъютантъ Графъ Пратасовъ-Бахметевъ.
Генералъ-отъ-Инфантеріи Величко.
Генералъ-отъ-Инфантеріи Лееръ.
Генералъ-Лейтенантъ Сахаровъ.
Генералъ-Лейтенантъ Зайцовъ.
Генералъ-Лейтенантъ Лобко.
Генералъ-Лейтенантъ Дубровинъ.
Генералъ-Лейтенантъ Зыковъ.
Генералъ-Лейтенантъ Штубендорфъ.
Генералъ-Лейтенантъ Фельдманъ.
Генералъ-Лейтенантъ Ореусъ.
Генералъ-Лейтенантъ Стрѣльбицкій.
Генералъ-Лейтенантъ Жилинскій.
Генералъ-Лейтенантъ Глуховской.
Генералъ-Лейтенантъ А. Проценко.
Генералъ-Лейтенантъ Бильдерлингъ.
Генералъ-Лейтенантъ Лобко 2-й.
Генералъ-Лейтенантъ А. Боголюбовъ.
Генералъ-Лейтенантъ Беневскій.
Генералъ-Лейтенантъ Лачиновъ.
Генералъ-Лейтенантъ Головинъ.
Генералъ-Лейтенантъ Артамоновъ.
Генералъ-Лейтенантъ Цингеръ.
Генералъ-Лейтенантъ Шарнгорстъ.
Генералъ-Лейтенантъ Щербовъ-Нефедовичъ.

Генералъ-Лейтенантъ Соллогубъ.
Генералъ-Маіоръ Петровъ.
Генералъ-Маіоръ Кублицкій.
Генералъ-Маіоръ Уссаковскій.
Генералъ-Маіоръ Редигеръ.
Генералъ-Маіоръ Фроловъ.
Генералъ-Маіоръ Афанасьевъ.
Генералъ-Маіоръ Фонъ-Виттъ.
Генералъ-Маіоръ Путята.
Протоіерей Григорій Словцовъ.
Полковникъ Михневичъ.
Полковникъ Манцеевъ.
Полковникъ Золотаревъ.
Статскій Совѣтникъ Перетерскій.

13 Іюня 1898 года.
С.-Петербургъ.

Письмо графа Д. А. Милютина Н. Н. Обручеву.

Симеисъ. 20 іюня 1881 года.

Съ истиннымъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ газетахъ назначеніе Ваше на должность Начальника Главнаго Штаба, достойнѣйшій и глубокоуважаемый Николай Николаевичъ.

Меня радуетъ, что это важное мѣсто [1]) будетъ занято человѣкомъ вполнѣ достойнымъ и способнымъ, который доказалъ на дѣлѣ, что ставитъ интересы службы выше всякихъ личныхъ интересовъ.

Радъ сердечно, что Вамъ отдали должную справедливость, вопреки очевидной противъ Васъ подпольной работы. Отъ всей души желаю Вамъ и впредь успѣховъ какъ въ служебной дѣятельности, такъ и въ жизни.

Если могутъ Васъ интересовать свѣдѣнія о моемъ житьѣ-бытьѣ,—то могу Вамъ сказать, что я вполнѣ наслаждаюсь своимъ настоящимъ положеніемъ.

Послѣ довольно утомительнаго путешествія съ большой семьей, съ грудным ребенкомъ [2]) и нѣсколькими собаками,

---

[1]) Тогда еще не было раздѣленія Генеральнаго Штаба и Главнаго Штаба, и начальникъ Главнаго Штаба вѣдалъ обоими Штабами. *Ред.*

[2]) Д. А. Милютинъ былъ дѣдушкой. *Ред.*

мы добрались 15-го числа до своего тихаго пріюта и теперь благоденствуемъ въ полной мѣрѣ. Погода пока не важная, повременамъ перепадаютъ дожди, а потому растительность роскошная, невольно вспоминаю съ состраданіемъ о тѣхъ близкихъ сердцу людяхъ, которые лишены возможности пользоваться такой прелестной погодой и такимъ душевнымъ спокойствіемъ. Пока мы все еще заняты первоначальными работами по водворенію, что продлится еще долго, въ ожиданіи прибытія отправленнаго изъ Петербурга разными путями имущества. Съ прибытіемъ транспортовъ начнется новая усиленная работа по домашнему устройству. Такимъ образомъ о какихъ-нибудь умственныхъ занятіяхъ не можетъ быть и рѣчи; даже на чтеніе остается мало времени. При многочисленномъ и разнородномъ составѣ семьи и не рѣдкихъ посѣтителяхъ — день проходитъ незамѣтно. Мы часто вспоминаемъ о радушныхъ проводахъ нашихъ петербургскихъ друзей и сердечно благодарны имъ за высказанное ими сочувствіе. Жена моя и дочери, узнавъ, что я пишу Вамъ, многоуважаемый Николай Николаевичъ, поручаютъ мнѣ передать Вамъ ихъ искренній, дружескій привѣтъ. При встрѣчѣ другихъ нашихъ воскресныхъ посѣтителей, пожалуйста, передайте также имъ нашу общую, сердечную благодарность за всѣ ихъ любезности и вниманіе.

Очень обязали бы насъ, еслибъ когда-нибудь улучили свободную минуту, чтобъ сообщить намъ извѣстіе о себѣ и другихъ общихъ нашихъ пріятеляхъ, хотя знаю вполнѣ, какъ трудно Вамъ найти такую свободную минуту. Новое назначеніе Ваше не будетъ ли препятствіемъ къ необходимому для Васъ отдохновенію за границей?

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобъ препроводить къ Вамъ на усмотрѣніе и распоряженіе полученное мною здѣсь письмо полковника Генеральнаго Штаба Маціевскаго. Генералъ Махотинъ [1]) доложитъ Вамъ подробности его дѣла. Сколько мнѣ помнится, мы съ графомъ Ѳедоромъ Логгиновичемъ [2]) дѣйствительно считали возможнымъ возстановить пошатнувшуюся репутацію этого офицера, предоставленіемъ ему снова должности

---

[1]) Главный Начальникъ Военно-учебныхъ заведеній.

Ред.

[2]) Гр. Ѳед. Лог. Гейденъ былъ Начальникомъ Главнаго Штаба.

Ред.

полковаго командира [1]). Рѣшеніе этого вопроса будетъ зависѣть отъ Вашего взгляда на обстоятельства его дѣла.

Будьте здоровы и счастливы, дорогой Николай Николаевичъ, сохраните навсегда ваше дружеское расположеніе и вѣрьте неизмѣннымъ чувствамъ душевно Вамъ преданнаго

Д. Милютина.

[1]) Полковникъ Маціевскій, будучи въ штабѣ 9-го корпуса и исправляя по временамъ должность начальника штаба корпуса, сильно неладилъ съ командиромъ корпуса Генераломъ барономъ Криднеромъ. Впослѣдствіи полковникъ Маціевскій былъ назначенъ командиромъ Самогитскаго полка и закончилъ свою службу помощникомъ команд. войска туркестан. воен. окр.

Ред.

Лирика Е. А. Боратынскаго [1]).

Второй періодъ дѣятельности Боратынскаго-лирика тѣсно связанъ съ первымъ не только общностью нѣкоторыхъ основныхъ мотивовъ и преемственностью, но и тѣмъ, что второй циклъ творчества охватываетъ собою и первый, подвергая его переработкѣ въ отношеніи какъ формы, такъ и содержанія. Сравнительно небольшое количество стихотвореній, относящихся къ періоду 1827 — 1835 гг., далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ размѣрамъ поэтической работы Боратынскаго, очень продуктивной въ это время: поэтъ замыкался въ себя и творилъ для немногочисленнаго кружка людей, „какъ онъ уединенныхъ въ свѣтѣ“, и многое изъ написаннаго имъ въ этотъ періодъ осталось для насъ неизвѣстнымъ и, повидимому, безслѣдно пропало; еще большая часть поэтической работы уходила на исправленіе старыхъ стихотвореній, и это исправленіе указываетъ на характерныя особенности Боратынскаго во второмъ періодѣ его литературной дѣятельности. Указанныя особенности второго періода значительно осложняютъ задачу изслѣдователя, создавая трудности въ опредѣленіи объема поэтической мысли и ея выраженій въ 1827 — 1835 гг., но облегчаютъ работу въ выясненіи рѣзкихъ индивидуальныхъ чертъ въ лирикѣ Боратынскаго за данный періодъ.

Въ 30-хъ годахъ Боратынскому казалось, что „время индивидуальной поэзіи прошло, другой еще не созрѣло“, но въ дѣйствительности индивидуальная поэзія только-только вступала въ настоящую фазу своего развитія, и однимъ изъ наиболѣе яркихъ поэтовъ-индивидуалистовъ является именно въ это время (а также и въ третій періодъ—въ 1835—1842 гг.) самъ

[1]) См. „Русская Старина“, май 1914 г.

Боратынскій. Поэтъ особенно часто задумывается о поэзіи, ея назначеніи и средствахъ выраженія, и приходитъ къ выводу, что „на свѣтѣ нѣтъ ничего дѣльнѣе поэзіи“; въ разрѣзъ съ этимъ положеніемъ шло слагавшееся въ немъ убѣжденіе объ индивидуальной поэзіи, время которой прошло, и онъ порой готовъ былъ отказаться отъ своей поэзіи и говорилъ:

Все проходитъ. Остываю
Я и къ гармоніи стиховъ:
И какъ дубровъ не окликаю,
Такъ не ищу созвучныхъ словъ.

Но не переставалъ поэтъ искать созвучныхъ словъ и новыхъ формъ, и въ это время, въ началѣ 30-хъ годовъ, его муза окончательно принимаетъ черты „необщаго выраженья“, отказываясь и освобождаясь отъ всѣхъ условностей, подъ вліяніемъ которыхъ образовался поэтическій обликъ Боратынскаго въ 20-хъ годахъ.

Поэтическія условности способствовали развитію техники и учили поэтическимъ формамъ Боратынскаго, но въ то же время сковывали поэта застывшими рамками и стѣсняли выраженіе и развитіе индивидуальной, своей особенной лирической мысли. Въ 30-хъ годахъ работа Боратынскаго надъ старыми стихотвореніями идетъ въ новомъ направленіи: въ отрѣшеніи отъ условностей, въ исключеніи цѣлыхъ отдѣловъ съ слишкомъ „общимъ выраженьемъ“.

Въ связи съ новыми пріемами и требованіями, предъявлявшимися имъ къ стихотвореніямъ, Боратынскій стилизуетъ также и форму, доводя ее въ лаконизмѣ до послѣдней степени сжатости, порою даже въ ущербъ ясности.

Разъ, въ частномъ разговорѣ, на вопросъ: что такое поэзія,— Боратынскій, любившій выражаться афоризмами (какъ о томъ свидѣтельствуетъ князь П. А. Вяземскій), отвѣчалъ: поэзія есть полное ощущеніе данной минуты.

Такое опредѣленіе поэзіи какъ нельзя болѣе подходитъ къ стихотвореніямъ Боратынскаго второго періода, сильнымъ лиризмомъ и какою-то особенной сосредоточенностью и выпуклостью изображенія. Трудно классифицировать лирическія произведенія 1827—1835 гг., представляющія выраженія лирической мысли въ свободной формѣ; можно, пожалуй, выдѣлить особый видъ небольшихъ стихотвореній, извѣстныхъ подъ названіемъ антологическихъ (такъ называлъ ихъ самъ поэтъ), какъ особенно часто встрѣчающійся въ это время и наиболѣе

любимый поэтомъ. Къ такимъ антологическимъ стихотвореніямъ относятся, напримѣръ, „Муза“, „Мой даръ убогъ, и голосъ мой не громокъ“, „Не подражай: своеобразенъ геній“, „Чудный градъ порой сольется“, „Небо Италіи, небо Торквата“ и т. д. Выписываемъ одно изъ такихъ стихотвореній, какъ образецъ выраженія въ сжатой формѣ глубокой и своеобразной мысли:

Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ,
Старательно людей мы наблюдаемъ
И чудеса постигнуть уповаемъ:
Какой же плодъ науки долгихъ лѣтъ?
Что, наконецъ, подсмотрятъ очи зорки?
Что, наконецъ, пойметъ надменный умъ
На высотѣ всѣхъ опытовъ и думъ?
Что?—точный смыслъ народной поговорки.

Въ антологическихъ стихотвореніяхъ Боратынскаго афористическій стиль достигаетъ своего высшаго развитія и яркой выразительности: въ десяткѣ—другомъ стихотвореній заключено столько мыслей, выраженныхъ художественными афоризмами, что ими пріобрѣтаетъ Боратынскій право на имя поэта-мыслителя, поэта мысли.

Постоянныя заботы о возможной сжатости, художественно-афористическій стиль являются одними изъ наиболѣе яркихъ особенностей „необщаго выраженій музы поэта, выработавшаго свой особый, поразительно мѣткій языкъ, въ которомъ порой экономія словъ затемняетъ ясность смысла и заставляетъ разгадывать загадку, заданную поэтомъ сжатою фразой съ неестественной разстановкой словъ“ [1]).

На-ряду съ небольшими по размѣрамъ стихотвореніями—передачи полнаго ощущенія извѣстной минуты — мы находимъ во второмъ періодѣ и большія стихотворенія, въ которыхъ поэтъ развиваетъ свободно и широко свою мысль въ художественно значительныхъ и законченныхъ картинахъ. Изъ такихъ стихотвореній обращаютъ на себя особенное вниманіе „Послѣдняя Смерть“, торжественный гимнъ своей родинѣ—„Мара“, ода къ

[1]) Валерій Брюсовъ справедливо, какъ намъ кажется, указалъ на причудливое расположеніе словъ, какъ на излюбленную Боратынскимъ особенность его стиля, и приводилъ примѣръ такого стиля: „Предразсудокъ—онъ обломокъ древней правды, храмъ упалъ, но руинъ его потомокъ языка не разгадалъ“. Такихъ примѣровъ съ запутанной разстановкой словъ изъ стихотвореній Боратынскаго можно привести какое угодно количество.

„Смерти“, ода „На смерть Гёте“ и элегія „Запустѣніе“ (такія стихотворенія, какъ „Смерть Багговута“, стоятъ настолько особнякомъ въ творчествѣ поэта, что возбуждаютъ сомнѣнія въ авторствѣ Боратынскаго). Всѣ указанныя стихотворенія отличаются, помимо глубины и значительности мысли, поразительной точностью и отчетливостью рисунка, богатствомъ красокъ, смѣлостью образовъ и необыкновенной энергіей стиха. Такова, напримѣръ, торжественно-мрачная картина въ „Послѣдней Смерти“:

Прошли вѣка, и тутъ моимъ очамъ
Явилася ужасная картина:
Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущаго судьбина.
Гдѣ люди? гдѣ?... Сокрылися въ гробахъ.
Какъ древніе столпы на рубежахъ,
Послѣднія семейства истлѣвали;
Въ развалинахъ стояли города;
По пажитямъ заглохнувшимъ блуждали
Безъ пастырей безумныя стада;
Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье,—
Мнѣ слышалось ихъ гладное блеянье.
И тишина глубокая вослѣдъ
Задумчиво повсюду воцарилась,
И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
Державная природа облачилась:
Величественъ и грустенъ былъ позоръ
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
По-прежнему животворя природу,
На небосклонъ свѣтило дня взошло;
Но на землѣ ничто его восходу
Произнести привѣта не могло...
Одинъ туманъ надъ ней, синѣя, вился
И жертвою чистительной дымился.

(„Послѣдняя Смерть“, 1827).

Особенно художественно - символической значительности достигаетъ картинность Боратынскаго въ его одѣ „На смерть Гёте“ (1832). Отличительной особенностью, лично Боратынскому принадлежащей, является въ такихъ стихотвореніяхъ его, какъ напримѣръ, „На смерть Гёте“ или „Смерть“ (1828), художественная ясность, *конкретность* и яркость образовъ, которыми поэтъ передаетъ порой самыя отвлеченныя понятія. Этотъ

смѣлый символизмъ образовъ, посредствомъ конкретнаго передающій отвлеченное, проступаетъ вполнѣ ясно въ самомъ началѣ второго періода, и въ 1828 году мы находимъ такой ясный, смѣлый образъ смерти:

Непонимаемая свѣтомъ,
Рисуешься въ его глазахъ
Ты отвратительнымъ скелетомъ
Съ косой уродливой въ рукахъ.

Ты дочь верховнаго Эѳира,
Ты свѣтозарная краса:
Въ рукѣ твоей оливы мира,
А не губящая коса...

И ты летаешь надъ созданьемъ,
Забвенье бѣдъ вездѣ лія
И прохлаждающимъ дыханьемъ
Смиряя буйство бытія...

Ты предстаешь, святая дѣва!
И съ остывающихъ ланитъ
Бѣгутъ мгновенно пятна гнѣва,
Жаръ любострастія бѣжитъ.

И краски жизни безпокойной,
Съ ихъ невоздержной пестротой,
Вдругъ замѣняются пристойной,
Однообразной бѣлизной.

Дружится кроткою тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоумѣнье, принужденье,
Условье смутныхъ нашихъ дней:
Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей.

Такою же пластичностью и конкретностью отличается и „непонятное“ божество—Камена Языкова, у которой:

Во взорахъ пламень вдохновенья,
Огонь восторга на щекахъ,
Былъ жаръ хмѣльной въ ея глазахъ

Или румянецъ вожделѣнья...
Она высоко рождена,
Ей много славы подобаетъ:
Лишь для любовника она
Нарядъ Мэнады надѣваетъ...
(„Языкову“, 1831).

Въ числѣ особенностей техники Боратынскаго, характерныхъ для всего творчества, но, быть можетъ, наиболѣе ярко выразившихся во второмъ періодѣ его литературной дѣятельности, отмѣтимъ частое смежное повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ или словъ съ одинаковыми корнями,—пріемъ, которымъ поэтъ усиливаетъ, подчеркиваетъ какой-нибудь штрихъ въ образѣ и тѣмъ достигаетъ большей выразительности и особенной гармоніи, напримѣръ:

И кто не довѣрится
Сіянью ихъ чистому,
Эѳирной ихъ прелести,
Небесной души ея
Небесному знаменью?..
Одѣлася тьмой она,
Вспылала причудою,
Закралося въ сердце къ ней
Лукавство лукаваго! („Лазурныя очи“, 1830).
Звучитъ *лирическая* младость
Въ твоихъ *лирическихъ* грѣхахъ. („М. М. Языкову“ 1831).
На все отозвался онъ *сердцемъ* своимъ,
Что проситъ у *сердца* отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ *безпредѣльномъ* нашелъ ей *предѣлъ*...
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
Все *дольное долу* отдавшій... („На смерть Гете“, 1832).
Что жъ? пусть *минувшее минуло* сномъ летучимъ!
(„Запустѣніе“, 1833—1834).

Въ первомъ періодѣ Боратынскій рѣдко пользуется разнообразными размѣрами, предпочитая столь распространенный четырехстопный ямбъ, изрѣдка соединяя его съ двухстопнымъ или трехстопнымъ; рѣдко вводитъ Боратынскій другіе размѣры (хорей и амфибрахій — больше какъ исключенія) и только для

посланій пользуется „извилистымъ, проворнымъ, длиннымъ, склизкимъ“ александрійскимъ стихомъ, который, кстати сказать, звучитъ у поэта далеко непроворнымъ и отличается нѣкоторою тяжеловѣсностью.

Въ 1830 году Пушкину надоѣлъ четырехстопный ямбъ, и онъ находилъ, что его пора оставить „мальчикамъ въ забаву“; приблизительно въ это же время начинаетъ и Боратынскій разнообразить свою ритмическую рѣчь новыми размѣрами и новою сложною строфичностью, и даже александрійскій стихъ, пріобрѣтя живость, становится неузнаваемымъ. Слѣдуетъ отмѣтить довольно частое употребленіе пятистопнаго ямба, а также граціозное движеніе и живость короткихъ стиховъ, въ которыхъ Боратынскій какъ бы играетъ пэонами.

Таковы, напримѣръ, ямбическіе пэоны въ стихотвореніи „Гдѣ сладкій шопотъ“, въ которомъ они способствуютъ передачѣ шопота лѣсовъ:

Гдѣ сладкій шопотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы,
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы...

Вспомнимъ также двухстопные амфибрахіи въ „Лазурныхъ очахъ“ съ наклонностью къ пэонамъ, что придаетъ особенную плавность стиху и оттѣняетъ мысль поэта:

Люблю я красавицу
Съ очами лазурными:
О, въ нихъ не обманчиво
Душа ея свѣтится!
И если прекрасная
Съ любовію томною
На миломъ поконтъ ихъ,
Онъ мирно блаженствуетъ;
Вовѣкъ не смутитъ его
Сомнѣнье мятежное.
И кто не довѣрится
Сіянью ихъ чистому,
Эѳирной ихъ прелести,

Небесной души ея
Небесному знаменью?..

Силу, значительность ритма, какъ могучаго орудія поэта, Боратынскій прекрасно сознавалъ и въ этомъ отношеніи не переставалъ работать, совершенствуя музыкальную форму своихъ произведеній и доводя ритмическую выразительность до такой степени силы, какую она имѣетъ въ его „Послѣднемъ Поэтѣ“— въ чередованіи строфъ пятистопныхъ ямбовъ со строфами четырехстопныхъ хореевъ:

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ;
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи младенческіе сны,
И не о ней хлопочутъ поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.
Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
Въ ней опять цвѣтутъ науки,
Дышитъ роскошь, блещетъ вкусъ;
Но не слышны лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ музъ!

Языкъ и тонъ стихотвореній Боратынскаго значительно отличается отъ поэтическаго языка Пушкина и современной ему эпохи какъ употребленіемъ церковно-славянизмовъ, къ которымъ Боратынскій прибѣгаетъ довольно часто, такъ и нѣкоторой экзотичностью словъ и выраженій, экзотичностью, особенно правившейся поэту.

И въ языкѣ Боратынскій мало слѣдовалъ „за свой вѣкъ увлекающимъ геніемъ“ и, какъ бы въ противовѣсъ ему, создалъ свой собственный, оригинальный своей изысканностью, но часто непонятный въ морфологическихъ и синтаксическихъ образованіяхъ. Особенно любилъ поэтъ малоупотребительныя слова въ риѳмахъ, что придавало какъ будто особенный оттѣнокъ его риѳмѣ неожиданнымъ поворотомъ:

Имъ безсмертье я привѣчу...
И душѣ моей навстрѣчу („Своенравное прозванье“, 1833—1834).

Не въ дни веселыя живительнаго мая,
Когда, зелеными вѣтвями помавая... („Запустѣніе“, 1833—1834) и т. д.
На измѣнчивой землѣ...
Одинакія крилѣ.

На-ряду съ церковно-славянизмами, Боратынскій такъ же широко пользуется и архаизмами, или же неологизмами, болѣе похожими на архаизмы по своему образованію. И этотъ изысканный, своеобразный языкъ, имѣющій дѣйствительно „необщее выраженіе“, поэтъ вырабатывалъ сознательно и дорожилъ имъ, какъ своею собственностью: такъ сильна была у Боратынскаго ненависть къ подражанію и къ подражателямъ, что и въ этомъ отношеніи онъ сознательно шелъ своимъ независимымъ путемъ.

Идейное содержаніе стихотвореній Боратынскаго во второмъ періодѣ значительно расширяется, исходя изъ того круга, въ которомъ оно вращалось въ 20-хъ годахъ. Условное, заимствованное отпадаетъ, но остаются въ полной силѣ основныя мысли, и, быть можетъ, ни въ одномъ изъ произведеній Боратынскаго не высказалась такъ ярко и сосредоточенно пессимистическая проповѣдь детерминизма, какъ въ слѣдующемъ стихотвореніи 1834 года:

Къ чему невольнику мечтанія свободы?
Взгляни: безропотно текутъ рѣчныя воды
Въ указанныхъ брегахъ, по склону ихъ русла;
Ель величавая стоитъ, гдѣ возросла,
Невластная сойти; небесныя свѣтила
Назначеннымъ путемъ невѣдомая сила
Влечетъ; бродячій вѣтръ неволенъ, и законъ
Его летучему дыханью положенъ.
Удѣлу своему и мы покорны будемъ,
Мятежныя мечты смиримъ иль позабудемъ;
Рабы разумные, послушно согласимъ
Свои желанія со жребіемъ своимъ,—
И будетъ счастлива, спокойна наша доля.
Безумецъ! не она-ль, не вышняя-ли воля
Даруетъ страсти намъ?..
О, тягостна для насъ...
Жизнь, въ сердцѣ бьющая могучею волною
И въ грани узкія втѣсненная судьбою.

И эта исповѣдь детерминизма принимаетъ въ второмъ періодѣ еще болѣе мрачный характеръ трагическаго разлада разума,

внушающаго „разумнымъ рабамъ“ покорно согласить „свои желанія со жребіемъ своимъ“, и чувства, не могущаго примириться съ узкими гранями, въ которыя судьба втѣснила могучія волны жизни. Въ связи съ такой мрачной теоріей о подчиненности человѣка міру явленій и слѣпому несправедливому року, Боратынскій привѣтствуетъ „разрѣшенье всѣхъ загадокъ и цѣпей“—освободительницу смерть, замѣняющую невоздержную пестроту красокъ безпокойной жизни „однообразной бѣлизной“, и называетъ смерть „дочерью верховнаго Эѳира“ и „свѣтозарною красой“.

Снова поэтъ устремляется за истиной и счастьемъ — и снова не находитъ счастья, а голосъ истины кажется ему тѣмъ могильнымъ голосомъ, который произнесъ бы черепъ, если бы стократно-благой законъ не запечатлѣлъ ему уста молчаньемъ. Въ 30-хъ годахъ Боратынскому иногда казалось, что онъ нашелъ истинное въ прекрасномъ („прекрасное—истинно“—говорилъ поэтъ) и, подобно тому, какъ въ первомъ періодѣ онъ находилъ успокоеніе въ области свободнаго творчества,—развивая эти мысли въ второмъ періодѣ, онъ думаетъ найти и истинное счастье въ области творчества, какъ въ единственной свободной области, не подверженной законамъ слѣпого рока. И поэтъ уходитъ въ этотъ свѣтлый, прекрасный, истинный и свободный міръ и говоритъ:

Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье,
Гармоніи таинственная власть
Тяжелое искупитъ заблужденье
И укротитъ бунтующую страсть.
Душа пѣвца, согласно излитая,
Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;
И чистоту поэзія святая
И миръ отдастъ причастницѣ своей. (1833—1834).

И въ стихотвореніи, обращенномъ къ „А. А. Ф...ой“, поэтъ рисуетъ свободный міръ творчества:

Сей міръ свободнаго мечтанья,
Въ который входитъ лишь поэтъ,
Гдѣ исполненія находятъ всѣ желанья,
Гдѣ сладки самыя страданья,
И гдѣ обмановъ сердцу нѣтъ. (1833—1834).

Освобожденный отъ порывовъ страстей, поэтъ узрѣлъ огромный очеркъ поэтическаго міра

И жизни даровать, о лира!
Твое согласье захотѣлъ. („Въ дни безграничныхъ увлеченій", 1831).

Вслѣдствіе того, что поэтъ нашелъ міръ, въ которомъ „обмановъ сердцу нѣтъ", мрачные и скорбные напѣвы его музы являются не исключительными въ это время. Въ мірѣ явленій царитъ „свобода глупости и зла", но онъ спасается отъ этого міра на чудесномъ коврикѣ-самолетѣ

И коврикъ тотъ въ сады жаръ-птицы,
Въ чертоги дивной Царь-дѣвицы
Меня по воздуху несетъ.
Прощай, владѣнье грустной были,
Меня смущавшее досель:
Я отъ твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель. („Бѣсенокъ", 1828).

Но слишкомъ всевластна „посторонняя суета", и, врываясь въ поэтическій міръ, суета разрушаетъ его:

Чудный градъ порой сольется
Изъ румяныхъ облаковъ;
Но лишь вѣтръ его коснется,
Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ!
Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечты
Исчезаютъ отъ дыханья
Посторонней суеты. (1829).

И снова грусть охватываетъ поэта, вызывая сомнѣнія въ мгновенныхъ созданіяхъ поэтической мечты, и прекрасное, казавшееся ему истиннымъ, свободное творчество въ искусствѣ представляется ему всего на всего „игрой златой", и поэтъ почти отказывается отъ творчества, говоря:

Игра стиховъ, игра златая!
Какъ звуки звукамъ отвѣчая,
Бывало, нѣжили меня!
Но все проходитъ. Остываю
Я и къ гармоніи стиховъ—
И какъ дубровъ не окликаю,
Такъ не ищу созвучныхъ словъ. („Бывало, отрокъ звонкимъ кликомъ", 1831).

Этотъ мотивъ о значеніи искусства въ жизни, о назначеніи искусства и свободнаго міра „свободнаго мечтанья" поэта про-

ходитъ черезъ все творчество Боратынскаго, начинаясь въ первыхъ его лирическихъ произведеніяхъ и пріобрѣтая наибольшую яркость и остроту въ послѣднемъ періодѣ творчества.

Отмѣтимъ во второмъ періодѣ творчества Боратынскаго также нѣкоторые мотивы, только намѣчающіеся, но не получившіе настоящаго, полнаго выраженья.

Къ такимъ мотивамъ относится „омраченье болѣзненной души“ поэта, тщетно порывающагося къ разрѣшенью отъ опутавшихъ его сѣтей:

Когда сей демонъ, наводящій
На умъ мой сонъ его мертвящій,
Отыдетъ, чадный, отъ меня,
И я увижу лучъ блестящій
Всеозаряющаго дня?...
Вотще! Я чувствую: могила
Меня живого приняла,
И, легкій даръ мой удушая,
На грудь мнѣ дума роковая
Гробовой насыпью легла. („Когда исчезнетъ омраченье“, 1833—1834).

Быть можетъ, въ связи съ этой „роковой думой“ находится обращеніе поэта къ дѣтскимъ годамъ („Есть милая страна, есть уголъ на землѣ“, элегія Запустѣніе), къ тому времени, когда онъ не былъ „омраченъ виномъ“ и не приходилось убѣгать отъ „противнаго лица незаконнаго наперсника“. Видимо, какая-то „роковая дума“ тревожитъ поэта, и въ неясной, но живо ощущаемой тревогѣ духа заключается, быть можетъ, причина его обращенія къ религіи. Въ „омраченной душѣ“ нѣтъ покоя, и чадный демонъ своимъ мертвящимъ сномъ разрушаетъ царство истиннаго и прекраснаго:

Вотще-ль мольбы? напрасны-ль пени?
Увижу-ль снова ваши сѣни,
Сады поэзіи святой?
Увижу-ль васъ, ея свѣтила?
Вотще!.. („Когда исчезнетъ омраченье“, 1833—1834).

И поэту начинаетъ брежжить новый путь—путь смиренія передъ оправданнымъ Промысломъ, и въ начатой поэмѣ „Вѣра и Невѣріе“ (1830) онъ говоритъ, что „въ смиреньи сердца надо вѣрить и терпѣливо ждать конца“, и что

Тамъ, за могильнымъ рубежемъ,
Сіяетъ день незаходимый,
И оправдается незримый
Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ.

Эта тревога въ „изслѣдованіи премудрости вышняго Творца“, эта мѣра и оцѣнка земной жизни только намѣчается во второмъ періодѣ: „роковымъ думамъ“ поэта суждено было выразиться наиболѣе законченно въ третьемъ періодѣ, въ періодѣ „Сумерекъ“.

М. Гофманъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава VIII [1]).

Трудно, говоритъ Стэдъ, отдѣлить воспоминанія Ольги Алексѣевны Новиковой отъ моихъ собственныхъ, такъ какъ мы единодушно стремились удалить всѣ недоразумѣнія, мѣшавшія дружескому соглашенію между русскими и англичанами. Это особенно ярко замѣчается въ 1888 году, когда по приглашенію г-жи Новиковой, я пріѣхалъ въ Россію, былъ лично представленъ Государю и государственнымъ дѣятелямъ, политики которыхъ я много лѣтъ былъ адвокатомъ motto progria въ англійской прессѣ. Стэдъ говоритъ: объ этомъ посѣщеніи Россіи у меня съ нею было не мало разговоровъ.

„Со времени подписанія Берлинскаго трактата, я сталъ издавать Пэлъ Мелъ Газетъ, говоритъ Стэдъ и въ особенности послѣ 1885 г., необходимость знакомства съ вершителями русской политики стала мнѣ очевидна. Никто мнѣ не давалъ никакихъ свѣдѣній о Россіи, кромѣ г-жи Новиковой.

„Въ 1885 г. Императорскій домъ сталъ подписываться на Пэлъ Мелъ Газету, *но до 1888 г. я не имѣлъ счастья говорить, съ глазу на глазъ, съ моимъ Царственнымъ подписчикомъ.* И подпиской и *представленіемъ Его Величеству обязанъ былъ я опять таки г-жѣ Новиковой.* Можно себѣ представить ея негодованіе, когда, по пріѣздѣ въ Берлинъ, она увидѣла въ рекомендованной ею газетѣ, что я, съ 6 іюля, печатаю серію статей, *названныхъ мною*

---

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

„*Дань Новому Вавилону*“, которыя подъ именемъ „*Les Scandales de Londres*“ произвели большую сенсацію въ старомъ и новомъ свѣтѣ. Г-жа Новикова ничего не знала объ этихъ публикаціяхъ и пришла въ ужасъ при мысли о впечатлѣніи, которое произведутъ, въ Царскомъ Селѣ, первые номера Пэлъ Мелъ Газеты. Къ счастью, Русская Императорская фамилія согласилась съ королевой Викторіей въ признаніи необходимости изобличать порокъ, и вмѣсто вреда мнѣ эти статьи послужили на пользу.

„Но серіозные переговоры о посѣщеніи Россіи начались только въ 1887 г., говоритъ Стэдъ. Въ это время трудно было сказать, гдѣ будетъ находиться Государь. Существовало, вдобавокъ, общее недоумѣніе, можетъ ли согласиться Монархъ принять журналиста“? Г-жа Новикова сначала не встрѣчала ободряющихъ отвѣтовъ, именно со стороны англійскаго посла.

„*Въ 1888 г.* положеніе Европы стало болѣе угрожающимъ. Появился генералъ Буланже, и распространилось мнѣніе, что годъ не кончится безъ общей войны; неопредѣленнымъ дѣятелемъ была личность русскаго Императора. Трудно повѣрить теперь, но дѣйствительно общее мнѣніе тогда было, что Александръ III представляетъ величайшую опасность для европейскаго мира. Наша печать изливалась въ клеветѣ, продолжаетъ Стэдъ.

„Я писалъ г-жѣ Новиковой, что теперь именно я долженъ бы видѣть Государя, составить мнѣніе о его характерѣ и политикѣ. Но сдѣлать это было не легко. Дѣйствительно: Императоръ никогда не принималъ журналистовъ, и время въ Россіи было не спокойное.

10-го іюня 1887 г. г-жа Новикова мнѣ писала:

„*Невѣроятно трудно, особенно теперь, устроить какое бы то ни было свиданіе для васъ съ Государемъ.* Планы путешествій Императора составляютъ государственную тайну; предполагаются нѣсколько поѣздокъ, но если вы спросите Гирса когда и куда они направятся, онъ корчитъ самую уморительную фигуру; когда я говорю о васъ, указывая на вашу всегдашнюю поддержку Россіи, мнѣ отвѣчаютъ: „Ah oui, c’est très vrai, il a été très courageux et très impartial“ [1]).

Однако г-жа Новикова взялась за невозможное и съ помощью своего брата, генерала Кирѣева, адъютанта В. К. Константина Николаевича, Побѣдоносцева и Рихтера, она добилась разрѣшенія Государя, къ удивленію англійскаго посла, который

[1]) „Ахъ, да, это правда. Онъ былъ очень смѣлъ и безпристрастенъ“.

вообразилъ, что всякое представленіе непремѣнно должно идти дипломатическимъ путемъ.

„Къ чему его вмѣшательство? спрашивалъ удивленный Стэдъ, вовсе не знакомый съ придворнымъ этикетомъ; я помощи у него не просилъ. Почему не дать г-жѣ Новиковой сдѣлать это для меня? Я не знаю, что происходило между Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ и Петербургскимъ посольствомъ, но дня черезъ два я получилъ пріятное извѣстіе, что препятствія устранены и что Государь меня милостиво приметъ. Прежде чѣмъ уѣхать изъ Лондона, я видѣлъ Гладстона и большую часть нашихъ вліятельныхъ государственныхъ людей. Въ Парижѣ интервьюировалъ Буланже, Клемансо, Флоке, Гобле. Въ Бельгіи провелъ день съ Лавелей, въ Берлинѣ Бисмаркъ отказался меня принять, извиняясь передъ своимъ пріятелемъ, давшимъ мнѣ рекомендательное письмо, тѣмъ предлогомъ, что я очень опасный человѣкъ. Я видѣлъ доктора сэра Морель Макензи въ комнатѣ смежной съ той, въ которой умиралъ Императоръ Фридрихъ, и въ Берлинскомъ Русскомъ посольствѣ видѣлъ посланника Муравьева, котораго я встрѣтилъ, черезъ десять лѣтъ, Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ въ Россіи. Я пріѣхалъ въ Петербургъ наканунѣ Пасхи и присутствовалъ на ночномъ богослуженіи въ Исаакіевскомъ соборѣ.

„По пріѣздѣ въ Европейскую гостиницу, я узналъ о вмѣшательствѣ посла въ мои хлопоты о представленіи Государю. Я никогда не видѣлъ сэра Роберта Моріе до этого, но онъ зналъ Пэлъ Мелъ Газету и даже писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ въ 1886 г. слѣд.:

„Очень благодаренъ за Пэлъ Мелъ, я самъ ее получаю какъ необходимый ежедневный показатель температуры сумасшедшаго дома, въ какой обращено мое отечество“.

„Сэръ Робертъ Моріе былъ человѣкъ сильнаго, пылкаго характера, онъ ненавидѣлъ home rule больше даже, чѣмъ ненавидѣлъ Бисмарка.

„Извѣстіе, что издатель органа „Home rule“ будетъ принятъ Императоромъ, было для сэра Роберта Моріе настоящимъ ударомъ.

„Это представленіе не состоится“, восклицалъ самъ Стэдъ. Согласно этикету посолъ не имѣетъ права представить иностранному монарху кого бы то ни было, кто не былъ представленъ своему Государю. Я никогда не былъ при дворѣ и не имѣлъ намѣренія пользоваться услугами сэра Роберта Моріе. Чувствуя, что онъ намѣренъ испортить свиданіе, которому я

придавалъ такое огромное значеніе, я не поѣхалъ къ нему, а только послалъ ему брошюру, которую Лавелей просилъ ему передать. Къ великому моему удивленію, сэръ Робертъ Моріе пригласилъ меня обѣдать у него, и послѣ свиданія всегда я пользовался дружескимъ отношеніемъ ко мнѣ одного изъ способнѣйшихъ, если не величайшаго дипломата Англіи".

„Генералъ Кирѣевъ представилъ меня Гирсу, тогдашнему министру Иностранныхъ Дѣлъ въ Россіи. Г-жа Новикова представила Побѣдоносцеву, генералу Игнатьеву и многимъ другимъ. Было извѣстно, что я буду представленъ Государю, но о днѣ и о часѣ никто ничего сказать не могъ. Моріе, сначала враждебно относившійся къ представленію, сталъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждать, чтобы оно состоялось. О пріемѣ или непріемѣ меня разсуждали такъ живо, какъ будто онъ имѣлъ дипломатическую важность. „Нѣтъ ни одного посла въ Петербургѣ, который не писалъ бы своему Министерству, на этой недѣлѣ, о возможности или невозможности пріема", говорилъ Моріе.

„Но я былъ принятъ Императоромъ, и онъ разсуждалъ со мной объ иностранной политикѣ Россіи, отъ Японіи до Берлина. Я очень былъ гордъ, слыша завистливыя восклицанія:

„Виданное ли это дѣло? Это все г-жа Новикова. О, эти дамы, чего только онѣ не могутъ сдѣлать?" говорили разные дипломаты.

„Свиданіе было въ Гатчинскомъ дворцѣ.

„Генералъ Рихтеръ, представивъ меня, удалился, я остался лицомъ къ лицу съ Императоромъ.

„*Началъ я говорить съ полной искренностью*, что вмѣсто того, чтобы сидѣть въ присутствіи Его Величества, мнѣ слѣдовало бы пасть къ его ногамъ и униженно выразить свой стыдъ и огорченіе, по поводу несчастій, причиненныхъ Англіей Россіи, въ правленіе Биконсфильда. Мнѣ кажется, что пылкая искренность моихъ словъ тронула Александра III. Онъ сталъ говорить, нѣсколько медленно, но такъ чтобы дать мнѣ возможность отвѣчать, чѣмъ я не замедлилъ воспользоваться. *Онъ говорилъ о г-жѣ Новиковой, хвалилъ ея прекрасныя статьи въ Сѣверномъ Эхо* и позднѣе въ Пэлъ Мелъ Газетѣ и отнесся съ большимъ благоволеніемъ къ моему участію въ ея дѣятельности. Я отвѣтилъ, что былъ счастливъ загладить, насколько было это въ силахъ одного человѣка, зло, сдѣланное Биконсфильдомъ Россіи. Я сказалъ, что благодаря моей горячей защитѣ Россіи, на меня стали смотрѣть, какъ на неоффиціальнаго ея представителя

Я имъ не былъ, но такое общественное мнѣніе можетъ мнѣ сдѣлать большой вредъ въ будущемъ. „Какъ?“—спросилъ Государь. „Такимъ образомъ“, отвѣтилъ я. Предположимъ, что возникъ споръ, грозящій добрымъ отношеніямъ двухъ имперій, я думаю, что Англія должна бы сдѣлать нѣкоторыя уступки, которыя удовлетворили бы Россію.

„Императоръ улыбнулся и спросилъ: „Что бы Вы желали знать“?

„Я бы желалъ знать, ежели Ваше Величество *позволитъ мнѣ высказаться, какая политика намѣчена Вами, во всѣхъ вопросахъ, касающихся возможнаго столкновенія между Россіей и Англіей?*

„Безъ всякаго колебанія Императоръ отвѣтилъ:

„Спрашивайте, что именно вамъ нужно знать, и я отвѣчу“.

„*Я началъ съ Дальняго Востока. Каковы отношенія Россіи съ Японіей и Китаемъ?—Государъ отвѣтилъ просто, безъ фразъ и категорически.*

„Затѣмъ я коснулся *Средней Азіи*, Афганиста, Персіи и потомъ *Ближняго Востока*, во всѣхъ его видахъ. Я спрашивалъ особенно о будущности Константинополя и о политическихъ видахъ Болгаріи. *На всѣ мои вопросы я получилъ ясные отвѣты, безъ колебанія.* Онъ какъ будто затруднился при моемъ вопросѣ, согласилась ли бы Россія, *въ случаѣ если возникли бы извѣстныя обстоятельства, на занятіе Галиполи Англичанами?“ Зачѣмъ разсуждать о такой далекой случайности, сказалъ онъ.*

„Потому“, отвѣтилъ я, что случайность можетъ явиться, когда я не буду въ состояніи спросить у Васъ, чего Вы желаете, а теперь, по крайней мѣрѣ, Вы можете мнѣ сказать, что по Вашему возможно, и что очевидно невозможно. Императоръ отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Потомъ говорили о Кобургахъ, о принцѣ Фердинандѣ и о положеніи на Балканахъ.

„Окончивъ вопросы, я смутился, вспомнивъ о часѣ Царскаго завтрака. Я посмотрѣлъ на часы.

„Разговоръ продолжался около трехъ четвертей часа. Я поблагодарилъ Императора за его милостивое вниманіе и сказалъ что не смѣю дольше отнимать у него время. Улыбка и нѣкоторое удивленіе на лицѣ Государя, въ то время, какъ онъ поднялся съ своего мѣста, *далъ мнѣ почувствовать, какой я оселъ.* Не мнѣ было прекращать аудіенцію, а самому Монарху. Продолжай я говорить, я бы могъ воспользоваться еще получасомъ; теперь было поздно. Государь подошелъ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ, чтобы я просилъ Гирса давать мнѣ свѣдѣнія въ

будущемъ. Глядя на мужественныя добрыя черты Александра III, я не удержался ему сказать:

„Когда я вспоминаю всѣ навѣты и дерзости нашей печати, я не могу не чувствовать, что было бы естественно, если бы Ваше Величество потеряли терпѣніе. А если бы Ваше Величество его потеряли, полмилліона людей было бы въ кровавой могилѣ.

„Не бойтесь, отвѣчалъ онъ серьезно, я не потеряю терпѣнія. Войны не будетъ. Я ручаюсь за миръ. Если Англія, Россія и Германія будутъ единодушны, миръ всего свѣта обезпеченъ".

„Я никогда больше не видѣлъ Александра III, но каждое его слово, сказанное мнѣ, при этомъ памятномъ случаѣ, оправдалось на дѣлѣ во все время его царствованія.

„Послѣ моего одинокаго завтрака, генералъ Рихтеръ привезъ меня обратно въ Петербургъ; это былъ самый вѣжливый и любезный компаніонъ; онъ удивлялся небывалой продолжительности пріема, но когда я ему сказалъ случайно, что я разсуждалъ съ Государемъ о Константинополѣ и проливахъ, удивленію его не было конца.

„Тотчасъ по пріѣздѣ къ себѣ въ гостиницу я поѣхалъ къ г-жѣ Новиковой, которая была, конечно, довольна такимъ успѣхомъ. Отъ нея я поспѣшилъ въ Англійское посольство, гдѣ я засталъ сэръ Роберта Моріе, ожидавшаго съ нетерпѣніемъ сообщенія всѣхъ подробностей разговора.

„Сэръ Робертъ Моріе былъ вполнѣ государственный человѣкъ, а не лишь чиновникомъ Министерства иностранныхъ дѣлъ.

„Когда я кончилъ свой разсказъ, онъ сказалъ:

„Вы касались всего міра, за исключеніемъ Египта.

„Я не хотѣлъ касаться этого вопроса, наше положеніе въ Египтѣ должно, я думаю, считаться совершившимся фактомъ.

„Спустя нѣсколько дней сэръ Робертъ Моріе прислалъ за мною. Онъ сказалъ мнѣ, что послалъ въ Министерство полный отчетъ о свиданіи, но желалъ прочитать частное письмо свое королевѣ Викторіи; она любила, чтобы ей сообщали подробно всѣ выдающіяся событія. Онъ прочиталъ мнѣ блестящее описаніе свиданія и точный перечень всего сказаннаго Государемъ. Въ началѣ письма онъ говоритъ, что съ памятнаго свиданія Императора Николая I съ сэромъ Хамильтономъ Сеймуръ, ни одинъ русскій Императоръ не говорилъ такъ откровенно съ англичаниномъ.

„По возвращеніи моемъ въ Лондонъ, говоритъ Стэдъ, я

написалъ книгу, подъ заглавіемъ „Правда о Россіи“, она имѣла несчастье возбудить неудовольствіе г-жи Новиковой.

Три четверти книги ей нравилось, но часть, въ которой порицалась система религіознаго преслѣдованія Побѣдоносцева, навлекла на меня ея бурное негодованіе. Слѣдующее письмо генерала Александра Кирѣева ясно доказываетъ невозможность согласованія взглядовъ англійскаго нонконформиста, какъ я, съ православнымъ русскимъ. Генералъ Кирѣевъ писалъ своей сестрѣ:

„Скажи Стэду, что хотя бы онъ предалъ анаѳемѣ Россію за ея недостатокъ вѣротерпимости, все же я требую, чтобы онъ сказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что нашими чувствами руководятъ два соображенія: 1-ое, наше отечество органически связано со своею церковью, отсюда названіе „Святая Русь“, все, что противъ церкви, противится самой сути народной; и 2-ое, вполнѣ убѣжденные въ обладаніи истины, мы не можемъ терпѣть какое бы то ни было на нее посягательство“.

Г-жа Новикова прибавляла.

Только равнодушіе могло бы допустить антиправославную пропаганду. Если бы двѣнадцать апостоловъ явились, мы бы приняли ихъ съ распростертыми объятіями потому, что они не пошатнули бы нашу вѣру, а только утвердили бы насъ въ ней. Г-жа Новикова глубоко негодовала, она писала:

„Десять лѣтъ вы старались удалять враждебность между Россіей и Англіей. Теперь вы точно желаете заключить въ тюрьму каждаго русскаго, чувствовавшаго симпатію къ вамъ или къ вашей работѣ. Когда вы клевещете на насъ, было бы лучше выразить при этомъ нѣкоторое колебаніе, нѣкоторую неувѣренность и заявить хотя бы небольшое желаніе узнать истину. Въ предисловіи ваша обязанность, просто какъ честнаго человѣка, была сказать: г-жа Новикова просила меня выбросить три четверти этой книги, такъ какъ въ нихъ заключается одна клевета на Россію.

Три четверти книги, надѣюсь, преувеличеніе. Лесаръ читалъ эту книгу и находилъ, что приблизительно восемьдесятъ страницъ, въ которыхъ говорится о религіозныхъ преслѣдованіяхъ, не будутъ пропущены цензурой.

Какъ и слѣдовало ожидать, вся книга была запрещена въ Россіи. Тогда случилась странная вещь, Императоръ Александръ III, какъ мнѣ сказали, приказалъ отмѣнить запрещеніе и „Правда о Россіи“ стала свободно распространяться по всей Россійской имперіи. Я помню удивленіе Лесара, когда я ска-

залъ ему, что запрещеніе снято. „Это невозможно", воскликнулъ онъ, но это было такъ.

Стэдъ упомянулъ въ Пэлъ Мелъ о пріемномъ днѣ г-жи Новиковой. Она пишетъ ему:

„На Васъ и на Ваши ошибки трудно долго сердиться. Право, Вы невмѣняемый человѣкъ. Зачѣмъ, напримѣръ, Вы несноснѣйшій изъ смертныхъ объявляете въ Вашей газетѣ о моихъ пріемахъ? У меня и безъ того больше гостей, чѣмъ я могу ихъ размѣстить. Но теперь Вы сами должны ко мнѣ пріѣхать, хотите или нѣтъ: у меня до Васъ спѣшное дѣло.

Негодующая О. К.

„Я не бывалъ на пріемахъ г-жи Новиковой, говоритъ Стэдъ, по той же причинѣ, на которую Гладстонъ намекаетъ въ одномъ изъ его писемъ къ ней:

„Надѣюсь заѣхать къ Вамъ, съ женою или одинъ, завтра въ 6 ч. или немного позднѣе; но не встрѣчу ли я опять у Васъ громадное общество, которое помѣшаетъ съ Вами переговорить толкомъ?"

Часто такъ бывало. Она писала Стэду объ одномъ ея пріемномъ днѣ:

„У меня перебывало около двадцати восьми человѣкъ, если не больше. Гладстонъ пріѣхалъ рано, въ три,—потомъ Фрудъ, потомъ Леки съ женой, князь и княгиня Гика (румынскій посланникъ съ женой), затѣмъ жена бразильскаго посланника, потомъ португальскаго и сэръ Генри Камибеллъ Баннерманъ съ женой.

Гладстону иногда удавалось не быть въ толпѣ. Г-жа Новикова такъ описываетъ одинъ его пріѣздъ.

„Гладстонъ былъ и былъ особенно интересенъ. Онъ опять повторилъ, что Вы были очень полезны во время восточнаго кризиса и были настоящимъ другомъ мнѣ, на что я отвѣтила, что никогда не забываю оказанныхъ мнѣ одолженій.

„Гладстонъ скоро уѣзжаетъ въ Неаполь. У него очень здоровый видъ и какъ онъ замѣчательно добръ. Онъ писалъ Гирсу поздравленіе съ юбилеемъ и конечно получилъ благодарный отвѣтъ.

Иногда у г-жи Новиковой проявляются довольно ѣдкіе сарказмы, которые она старательно скрываетъ. Такъ, напримѣръ, она пишетъ:

„Иностранцевъ очень забавляетъ, что англійскія дамы, съ

лэди Салсбери во главѣ, подносятъ женѣ американскаго посла великолѣпный брилліантовый браслетъ. Это, несомнѣнно, знакъ большого смиренія въ виду американской анти-британской демонстраціи.

„Не поднесутъ ли онѣ хлыстъ съ брилліантовой ручкой и Герберту Бисмарку за его урокъ Англіи?

Г-жа Новикова мало писала объ общественныхъ увеселеніяхъ. Одно изъ рѣдкихъ исключеній было слѣдующее описаніе живыхъ картинъ въ Михайловскомъ дворцѣ. Сама г-жа Новикова принимала участіе въ такихъ картинахъ, то появляясь какъ Евангелистъ Іоаннъ, то какъ голландская женщина въ картинѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ. Она писала Стэду 5-го апрѣля 1888 года.

„*Семь картинъ были даны въ театральномъ залѣ дворца.* Въ первой картинѣ Великая Княгиня Елисавета была прелестна какъ Пери, Принцесса Елена Мекленбургская изображала первую часть седьмой картины „Слава Россіи". Она какъ нельзя лучше изобразила царскій блескъ и достоинство... Принцесса Елена—прекрасная пѣвица, совершенная артистка. Она управляла женскимъ хоромъ во время тѣхъ картинъ, въ которыхъ она *не принимала участія, и пѣла* первое меццо-сопрано. *Послѣдняя картина, Парнасъ, была необыкновенно* остроумна и хорошо поставлена: на одной изъ галлерей надъ лѣстницей противъ входа. Во время этой картины была исполнена часть девятой симфоніи Бетховена.

Музыкальная программа была исполнена въ такомъ совершенствѣ, что Рубинштейнъ выразилъ свое искреннее одобреніе, хотя обыкновенно онъ рѣдко бываетъ доволенъ музыкальными исполненіями дилеттантовъ.

Наши добрые Государь и Государыня казались довольны и были очаровательно милостивы ко всѣмъ. Правда, они достойны быть такъ любимы, какъ ихъ любитъ Россія.

Отношенія между Россіей и Англіей стали нормальными, такъ, что г-жѣ Новиковой не приходилось такъ пылко предаваться прежней дѣятельности, поэтому Стэдъ опускаетъ 1889, 1890 и 1891 годы, отмѣчая только отрывки изъ ея писемъ и писемъ ея друзей.

Вотъ великокняжеское свѣдѣніе:

16-е марта 1889.

„Завтра будетъ блестящее исполненіе Реквіема Моцарта въ Мраморномъ дворцѣ. Молодой Великій Князь Константинъ —

прекрасный поэтъ и музыкантъ. Все, что должно быть исполнено на роялѣ, будетъ исполнено имъ, онъ все играетъ наизусть". Все же событія въ Славянскомъ мірѣ всегда находили откликъ въ ея сердцѣ, а иногда ее сильно озабочивали.

Когда Миланъ Сербскій отказался отъ престола (мартъ 1889 г.) и развелся съ королевой Наталіей, онъ нашелъ, что митрополитъ Михаилъ ему неудобенъ, и послѣдній предпочелъ оставить свой постъ, чѣмъ содѣйствовать разводу, и король обратился къ митрополиту Ѳеодосію, г-жа Новикова написала статью въ защиту митрополита Михаила въ англійскихъ газетахъ. Впослѣдствіи она его встрѣтила въ Петербургѣ.

Въ письмѣ отъ 5 мая 1889 года она говоритъ:

„У меня былъ сегодня утромъ митрополитъ Михаилъ, пріѣхавшій сюда на короткое время. Я удивилась, увидя его; я ожидала высокаго, сильнаго, воинственнаго вида человѣка, въ дѣйствительности онъ небольшой, худой, спокойный и очень симпатичный человѣкъ. Взглядъ его полонъ жизни и ума, а улыбка полна доброты. Мы говорили о братѣ моемъ Николаѣ, о цвѣтахъ, посланныхъ мною на памятникъ добровольцамъ; должна признаться — это былъ очень трогательный разговоръ.

Королева Наталія, навѣрное, соединится съ сыномъ; откладывается это изъ предосторожности, но Вы увидите, если Миланъ возвратится съ тѣмъ, чтобы Австрія заняла Сербію, это очень будетъ грозить европейскому миру. Я спросила у митрополита, находитъ ли онъ дѣятельность г-жи Эрби (Miss Poline Erbe) въ Сараево очень благородной и полезной? Онъ отвѣчалъ: „Да благословитъ ее Богъ за ея самопожертвованіе. Австрійская пропаганда очень сильна въ Босніи и Герцоговинѣ, и я увѣренъ, что лишь благодаря австрійскому вліянію все молодое поколѣніе въ Сербіи бросило кириллицу. Вы понимаете, что это значитъ?"

Въ 1890 году г-жа Новикова получила отъ Гирса слѣдующую записку, относящуюся къ ея поддержкѣ русской политики въ англійской печати;

9/21 апрѣля 1890.

„Je Vous suis bien reconnaissant pour l'envoi de Votre interessant article, servant de réponse à la presse anglaise qui délecte

tant de calomnies sur notre compte. Il faut espérer qu'il produira l'effet désiré en Angleterre" [1]).

Краткое, но заслуженное признаніе русскаго министра иностранныхъ дѣлъ неутомимыхъ услугъ, оказываемыхъ г-жей Новиковой, какъ даръ любви ея къ Россіи.

По такому же поводу Ольга Алексѣевна получала письма отъ князя Лобанова.

Сообщ. **Е. С. М.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Я очень благодаренъ Вамъ за присланную интересную статью Вашу, въ отвѣтъ англійской печати, которая такъ наслаждается клеветой на нашъ счетъ. Надо надѣяться, что Ваше разъясненіе произведетъ желанное дѣйствіе въ Англіи.

Не дошедшее по адресу письмо.

(Изъ архивныхъ связокъ).

Императрица Екатерина Великая пожаловала въ 1796 г. персидскому владѣльцу, Муртазѣ Калихану, брилліантовые перо и перстень.

Перо, какъ видно изъ произведенной описи, заключало въ себѣ 659 брилліантовъ и розъ, разной величины, отъ камня въ 6 каратовъ до самыхъ мелкихъ, всего вѣсомъ 120 каратовъ, стоимостью въ 8.125 рублей.

Перстень былъ оцѣненъ въ 6.000 р. и заключалъ въ себѣ одинъ брилліантъ *первой воды*, вѣсомъ, примѣрно, 17 каратовъ, стоимостью въ 352 р. 94 1/8 к. каратъ.

Перо Муртаза Кулиханъ заложилъ 1 февраля 1800 г. въ астраханскомъ коммерческомъ банкѣ, подъ вексель, за 6.000 р., срокомъ на годъ, а перстень въ сентябрѣ того же года, срокомъ на 4 мѣсяца 20 дней, за 3.000 р.

Вскорѣ послѣ того Муртаза Кулиханъ умеръ и векселя его были банкомъ протестованы.

Въ 1801 г., на основаніи Высочайшихъ указовъ, послѣдовавшихъ на имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора, государственнаго казначея, главнаго медицинской коллегіи директора и кавалера, барона Алексѣя Ивановича Васильева [1]), означенные перо и перстень были выкуплены за счетъ государственныхъ доходовъ и отправлены въ кабинетъ.

Муртазѣ Кулихану наслѣдовали братъ его, Мустафа Ханъ, и сынъ, Меграли Ханъ, съ семействами. Повѣренный послѣдняго, Керимъ-бекъ, въ 1805 г. обратился къ главноуправляю-

[1]) Впослѣдствіи министръ финансовъ и графъ.

щему Грузіей и въ то же время Астраханскому и Кавказскому военному губернатору, князю Циціанову, съ ходатайствомъ о содѣйствіи къ выкупу пера и перстня, для доставленія ихъ Мустафѣ Хану съ семействомъ *въ знакъ достопамятства всевысочайшаго благоволенія.*

Князь Циціановъ, не освѣдомленный своевременно о судьбѣ означенныхъ вещей, непосредственнаго отвѣта Керимъ-беку не далъ, а переслалъ его Астраханскому гражданскому губернатору, князю Тенишеву, съ предложеніемъ ни подъ какимъ видомъ не позволять выкупа изъ коммерческаго банка просимыхъ пера и перстня по причинамъ, изложеннымъ въ отвѣтѣ на имя Керимъ-бека, что же касается до заложенныхъ вещей, то ихъ онъ предполагалъ выкупить для казны, или снестись по этому поводу съ кабинетомъ.

Присланное на имя Керимъ-бека письмо, написанное порусски, съ персидскимъ переводомъ, слѣдующаго содержанія:

„Почтенный Керимъ-бекъ!

„Получивъ письмо ваше, коимъ просите, чтобы я позволилъ вамъ выкупить изъ коммерческаго банку брилліантовое перо и перстень, Всемилостивѣйше пожалованные покойному Муртазѣ Кулихану, имъ заложенные въ банкъ и которые сынъ его, а вашъ господинъ, Меграли Ханъ, желаетъ имѣть въ домѣ своемъ потомственнымъ знакомъ Высокомонаршаго благоволенія къ Муртазѣ Кулихану,—имѣю сказать вамъ, что ни для персидскаго хана, ни для армянина и ни для кого россійскій законъ не можетъ быть перемѣненъ, и когда уже время закладу просрочено, то по законамъ Россійскимъ выкупить его не можно и оный долженъ оставаться въ банкѣ. Сверхъ того высокостепенный господинъ вашъ, будучи племянникъ Бабахану Сардарю, непріятелю Россіи, при немъ находится и съ нимъ вмѣстѣ ведетъ войну противу высокославныхъ россійскихъ войскъ; то совсѣмъ не свойственно, чтобы непріятелю Россіи отдать тѣ знаки, кои за дознанную въ Муртазѣ Кулиханѣ преданность къ всероссійскому престолу были ему Высочайше пожалованы въ знакъ Высокомонаршаго благоволенія. А потому и отказываю вамъ въ семъ совершенно. Высокостепенный же Меграли Ханъ долженъ удивляться и тому, сколько правосудно и милостиво россійское правленіе, что, не взирая на непріятельскіе его поступки, оно не отказало ему въ выдачѣ и протчаго имѣнія, принадлежащаго отцу его Муртазѣ Кулихану. Въ протчемъ есмь доброжелательный.

Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго Государя моего генералъ-отъ-инфантеріи, кавказской инспекціи по инфантеріи инспекторъ, главноуправляющій Грузіею, Астраханскій и Кавказскій военный губернаторъ, управляющій гражданскою частью и пограничными сего края дѣлами, командующій военною Каспійскою флотиліею, и орденовъ: Св. Александра Невскаго, Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра большого Креста первой степени и Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 3-го класса кавалеръ *К. Циціановъ*".

Елисаветполь
іюня 17 д. 1805 года.

Увѣдомляя князя Циціанова о послѣдовавшихъ еще въ 1801 г. выкупѣ вещей и отсылкѣ ихъ въ кабинетъ, князь Тенишевъ сообщилъ, что объ этомъ былъ извѣщенъ обращавшійся и къ нему съ просьбой о разрѣшеніи выкупа пера и перстня Керимъ-бекъ; послѣ того послѣдній выѣхалъ изъ Астрахани къ князю Циціанову, почему присланный на имя Керимъ-бека пакетъ остался неотданнымъ, при дѣлахъ губернатора.

При этихъ дѣлахъ пакетъ находится и теперь, уже второе столѣтіе.

Сообщ. **Н. Максимовъ.**

Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова [1]).

(Петербургской губерніи, Лужскаго уѣзда).

30-го іюня. Съ утра пріѣхалъ Ал. Ив. Миллеръ и объяснилъ дѣло въ Уторгощахъ, откуда, по настоянію г. Пантелѣева, три крестьянина чрезъ исправника отправляемы въ исправительное заведеніе въ СПБ., что натурально огорчило Ал. Ив., какъ мѣстнаго посредника. Успокоивъ его, какъ могъ, я предварилъ, что прочту на мировомъ съѣздѣ свое заключеніе, на основаніи котораго, вѣроятно, потребуютъ отъ него мнѣнія, и тогда мы эти дѣла еще разъ пересмотримъ вмѣстѣ, съ тѣмъ мы разстались.

Пятый мировой съѣздъ былъ условленъ въ 5-ть часовъ, но начался едва въ $6^1/_2$ часовъ. Всѣ журналы прошедшаго засѣданія были прочитаны. На мое предложеніе о смѣнѣ опекунши въ имѣніи г.г. Ренни, Пантелѣевъ и Лазаревъ старались возражать, но большинство было на моей сторонѣ. По окончаніи чтенія г. Марковичъ предложилъ составить списокъ праздниковъ. Наконецъ я прочиталъ бумагу слѣдующаго содержанія:

„На журналѣ Губернскаго присутствія подъ № 26 написано: *обратить особенное вниманіе на № 3*, въ которомъ подъ заглавіемъ „Общее распоряженіе“ изложенъ циркуляръ г. Управляющаго Министерства Внутреннихъ дѣлъ отъ 24-го мая, № 31, гдѣ сказано: Управляющій Мин. Внутр. Дѣлъ проситъ г. Начальника губерніи обратить особое вниманіе на то, чтобы законныя требованія и постановленія мировыхъ посредни-

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1914 г.

ковъ и съѣздовъ были исполнены *неукоснительно*, какъ крестьянами, такъ и помѣщиками, и чтобы земская полиція и вообще мѣстныя власти оказывали *ревностное* мировымъ учрежденіямъ содѣйствіе. Для избѣжанія дальнѣйшихъ уклоненій отъ закона, попытокъ неповиновенія и прискорбной необходимости возстановлять порядокъ путемъ болѣе или менѣе строгихъ наказаній, необходимо, чтобы убѣжденіе въ окончательной неизбѣжности рѣшеній мировыхъ инстанцій и приказаній земско-полицейскихъ начальствъ твердо закоренѣлось въ народѣ, и т. д.".

Вслѣдъ затѣмъ въ журналѣ Губ. присутствія № 27 является слѣдующая статья № 1.

Слушали: Рапортъ Лужскаго земскаго исправника отъ 4-го іюля № 4617, коимъ доноситъ, что временно обязанные крестьяне, водворенные въ имѣніи ст. сов. Пантелѣева, дер. Б. Уторгощи, несмотря на убѣжденія Мир. Поср. 3 участка, полковника Миллера, и внушенія мѣстнаго станового пристава, отказались отъ исполненія смѣшанной повинности. А какъ по секретному дознанію пристава обнаружено, что изъ сказаннаго общества крестьянъ болѣе всѣхъ волнуютъ Степанъ Кондратьевъ, Егоръ Павловъ Масеинъ и Степанъ Поповъ, то въ предупрежденіе могущаго произойти большого безпорядка, какъ въ имѣніи Пантелѣева, такъ и прочихъ владѣльцевъ, исправникъ, заарестовавъ сихъ 3-хъ человѣкъ, проситъ разрѣшенія на отправленіе ихъ въ исправительное заведеніе.

Положили: Усматривая изъ рапорта Луж. зем. испр., что не взирая на внушенія г. Мир. Посредника и законныя требованія мѣстнаго станового пристава, крестьяне дер. Б. Уторгощи, помѣщика Пантелѣева, отказались отъ исполненія смѣшанной повинности по вліянію на нихъ одновотчинныхъ съ ними крестьянъ: Кондратьева, Масеина и Попова, заарестованныхъ исправникомъ, то въ предупрежденіе дальнѣйшаго распространенія безпорядка Губ. Пр. полагаетъ: просить г. предсѣдателя сдѣлать распоряженіе объ отправленіи означенныхъ крестьянъ въ исправительное заведеніе въ томъ уваженіи, что по свидѣтельству исправника этой мѣры будетъ достаточно для возстановленія порядка.

„Встрѣчая въ сихъ двухъ направленіяхъ нѣкоторое различіе, нельзя не припомнить, что записка статскаго совѣтника Пантелѣева о неустройствахъ въ с. Уторгощи была читана въ засѣданіи 2 часа и мировой съѣздъ единогласно положилъ: на основаніи 110-й и 120-й ст. Положенія передать на заключеніе мѣстнаго мирового посредника.

„Обращаясь къ дѣйствію г. исправника, должно замѣтить, что по духу и разуму закона въ дѣлахъ, касающихся мировыхъ учрежденій, онъ не могъ дѣлать представленій иначе, какъ настоящемъ случаѣ онъ дозволилъ себѣ судить о пользѣ внушеній г. посредника, не имѣя на то никакихъ основаній и представилъ о томъ въ Губ. присутствіе мимо мирового съѣзда, то едва-ли онъ можетъ остаться безъ законной отвѣтственности".

„По званію мирового посредника, не считая долгомъ сообщить о томъ Мировому Съѣзду, полагалъ бы: предоставить мировому посреднику 6-го участка, на основаніи ст. 24-й и 2-й и ст. 91-й, сообразивъ это дѣло, войти съ своимъ заключеніемъ, которое, по обсужденіи въ Мировомъ Съѣздѣ, представить въ Губ. присутствіе для доведенія до свѣдѣнія г. Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, дабы на будущее время циркуляры Министерства, какъ акты высшаго правительства, были исполняемы въ точности всѣми мѣстами и лицами и настоящее отступленіе при началѣ столь важнаго преобразованія въ ущербъ Мировыхъ Учрежденій, возбуждающихъ противодѣйствіе полиціи, въ примѣръ другимъ, не осталось безъ послѣдствій".

Чтеніе этой бумаги было для нѣкоторыхъ г.г. посредниковъ не ново, но для предводителя было весьма непріятно. Что дѣлать, таково наше званіе,—въ частномъ видѣ оно источникъ постоянныхъ неудовольствій, за то въ общемъ высоко благотворно, если посредникъ, постигнувъ цѣль своего призванія, будетъ стараться дѣйствовать на массу миролюбиво, внѣдряя законъ повсемѣстно.

При собираніи голосовъ оказалось 8 на моей сторонѣ, а Пантелѣевъ и Лазаревъ-Станищевъ остались при особыхъ мнѣніяхъ.—Увидимъ, что будетъ далѣе.

Здѣсь же посредствомъ особаго совѣщанія 5-и посредниковъ рѣшено дѣло Г. Тарана по 2-мъ вопросамъ:

1) о повинностяхъ, которыя признаны необременительными и

2) объ управителѣ, котораго предположено смѣнить, давъ знать о томъ чрезъ предсѣдателя Г. Д. С. С. Тарану.—Съѣздъ кончился въ 11 ½ часовъ.

Іюня 3-го. Явился сельскій староста изъ Торжковской волости съ рапортомъ старшины, при которомъ препровождается крестьянинъ Осипъ, осужденный волостнымъ судомъ къ работѣ и не пожелавшій исполнить рѣшенія. Убѣдясь изъ разговоровъ, что молодой парень ослушался по глупости, я приказалъ ему

три раза поклониться въ ноги старостѣ, прося прощенія, и когда тотъ его простилъ, и виноватый съ полнымъ раскаяніемъ взялся исполнить приговоръ, я спросилъ у старосты, „что труднѣе: сдѣлать изъ преступника—человѣка или изъ человѣка—преступника“? Онъ отвѣчалъ: „первое—труднѣе, а второе легче“.

— „А, вѣдь, ты рѣшился его привести для того, чтобы я приказалъ ему набить желѣза на ноги да отправить въ тюрьму?“

Онъ молчитъ, а виноватый, стоя на колѣняхъ, умоляетъ.

— „Видишь ли ты, что изъ него можетъ быть человѣкъ? что онъ не послушенъ отъ глупости, а обдумается и самъ не радъ?“

— „Вижу“.

— „Ну, такъ убирайтесь оба домой, Осипъ пусть отработаетъ, какъ рѣшено, а ты за то, что не сумѣлъ сладить, самъ заплати 1 р., а старшина—2 р. штрафу въ мірскую кассу, впередъ будете умнѣе.

Изъ представленныхъ свѣдѣній о штрафахъ есть примѣчательныя. Напр. въ с. Лужа баба Авдотья явилась на сельскую сходку и начала кричать и браниться, за что оштрафована 45 коп.

Въ с. Валокѣ мальчикъ, Семенъ, укралъ гармонику цѣною въ 50 коп. Мать вносила истцу 70 коп., но онъ не взялъ, а предпочелъ позвать воришку къ суду, который рѣшилъ: заплатить родителямъ 50 коп. тому мальчику, у котораго украдена вещь, а 1 р. 50 коп. штрафу въ мірскую сумму. Въ Туровскомъ обществѣ мужикъ, Павелъ, похвалялся чужою женою, и хотя потомъ сознался во лжи и просилъ прощенія, но сельскій староста оштрафовалъ его рублемъ.

На бывшей 2-го числа ярмаркѣ въ с. Вычелобахъ повѣренный отъ откупа жаловался, что никогда такъ мало не было выпито вина; при томъ ни пьяныхъ, ни буйныхъ не было. Удивительная перемѣна, о которой старики не знаютъ, что и подумать: къ хорошему или къ худому.

У насъ къ саду ни одной ягоды не пропадаетъ, ни одной лошади въ протравѣ, чего въ 12 лѣтъ не бывало.

Сообщ. **А. А. Половцова.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Князь П. С. Мещерскій [1]).

26.

Сіятельный князь милостивый государь.

Подноситель сего письма уездной татаринъ Ибраимъ: который по предстательству моему за оказанныя имъ знаки и опыты вѣрности въ бывшее замешательство удостоился получить высочайшее Ея Императорскаго Величества благоволеніе въ ознаменованіе его заслугъ и позволено ему имѣть торговой промыслъ о чемъ ваше Сіятельство изъ указу усмотрѣть соизволите, а я какъ свѣдомои человѣкъ сего дѣла препоручаю его въ милость и покровительство вашего Сіятельства, а равнымъ образомъ препоручая въ милость вашу и Казанской слободы татарина Исая получившаго въ знакъ благоволенія Монархини за полученные имъ раны золотую медаль: я весма удостовѣренъ, что ваше Сіятельство по своиству справедливои души вашей истинну и заслуги отличить всегда соблаговолите.

Впрочемъ прошу продолжить ко мнѣ дражайшую дружбу и благосклонность вашу и вѣрить, что я отъ всего сердца имѣю честь быть

вашего Сіятельства
Милостиваго Государя моего
покорнымъ слугою
Павелъ Потемкинъ.

21 іюня. Коломенское.

---

[1]) См. „Русск. Стар.“, 1913 г.

Графъ Петръ Александровичъ [1]) будетъ въ началѣ будущаго мѣсяца. Встреча ему будетъ чрезвычайная и по мѣрѣ его великихъ дѣлъ. Праздники росписаны: но какъ еще не открыто въ публику, то и я не могу васъ увѣдомить но въ будущеи разъ отпишу что и когда назначено.

27.

Москва. Іюля 23-го 1775-го г.

Изъ доходящихъ публичныхъ увѣдомленіи безъ сомнѣнія извѣстенъ уже ты, любезныи мои другъ о моемъ сюда прибытіи, и о томъ милосердомъ образѣ пріятія которого удостоился я отъ Ея Императорскаго величества [2]); почему и не утруждаю тебя съ моей стороны о томъ описаніемъ, а скажу только о себѣ, что здоровье мое самое не лутчее, такъ что я едва могу собраться съ послѣдними силами при всѣхъ почестяхъ мнѣ оказываемыхъ.

Графъ Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ [3]) зная своиственное тебѣ правосудіе и особинное ко мнѣ дружелюбіе желалъ чтобъ я посредствовалъ у тебя за него въ дѣлахъ его до управленія твоего простирающихся, которыя по самымъ неправеднымъ какъ онъ объявляетъ обстоятельствамъ приводятъ его къ крайнему раззоренію. Я не могъ ему отказать въ семъ исканіи,

[1]) *Румянцевъ-Задунайскій.* Его ожидали въ это время въ Москву, гдѣ императрица Екатерина II намѣревалась устроить въ его честь рядъ торжествъ при празднованіи 10 іюля 1775 г. Кучукъ-Канарджійскаго мира.

[2]) Считаемъ нелишнимъ привести списокъ важнѣйшихъ наградъ, полученныхъ гр. Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ: 1) наименованіе *Задунайскаго* для прославленія чрезъ то опаснаго перехода его черезъ Дунай; 2) грамоту съ прописаніемъ побѣдъ его; 3) за разумное полководство: алмазами украшенный фельдмаршалскій жезлъ; 4) за храбрыя предпріятія: шпагу, алмазами обложенную; 5) за побѣды: лавровый вѣнокъ; 6) за заключеніе мира: масличную вѣтвь (украшенную брилліантами, равно какъ и лавровый вѣнокъ; 7) въ знакъ Монаршаго благоволенія крестъ и звѣзду ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, осыпанные алмазами; 8) въ честь его и для поощренія примѣромъ его потомства: медаль съ его изображеніемъ; 9) для увеселенія его: деревню въ пять тысячъ душь въ Бѣлоруссіи; 10) на построеніе дома: сто тысячъ рублей изъ Кабинета; 11) для стола: серебряный сервизъ и 12) на убранство дома: картины (*Вейдемейеръ*). Дворъ и замѣчат. люди въ Россіи во второй полов. XVIII ст. Спб. 1846 г., ч. 1-я стр. 180—181.

[3]) Гр. Иванъ Иларіоновичъ *Воронцовъ* р. 1719 † 1786 г., генералъ-поручикъ. У него были имѣнія въ Казанскомъ намѣстничествѣ: за нимъ значилось 253 души.

нося съ одной стороны на себѣ обязательства въ разсужденіи особы Его, а съ другой бывъ увѣренъ въ склонности твоеи къ добротворенію вездѣ гдѣ оное только совмѣстно съ пользою государствія и не обращается въ предосужденіе обществу и потому прошу тебя мои любезныи другъ прилѣжно подать ему всевозможное пособіе въ новое мнѣ одолженіе.

Проѣзжая чрезъ Глуховъ и Малороссію имѣлъ я удовольствіе видѣть и слышать всемѣстно тебѣ похвалы, благодарность и сожалѣніе о твоемъ отъ нихъ отдаленіи. Я желаю чтобъ настоящее служеніе твое приобрѣло и въ тѣхъ мѣстахъ толикую общую преданность и доброхотство, и свидѣтельствую мое искреннее почтеніе тебѣ и дражаишеи твоеи супругѣ милостивои государынѣ моеи княгинѣ Надеждѣ Александровнѣ. Есмь непременно

вашего Сіятельства
покорнѣишіи слуга
Румянцевъ [1]).

28.

Нашему Казанскому Губернатору Князю Мещерскому.

Хотя изъ многихъ предъ симъ присылаемыхъ къ Нашему генералу прокурору отъ васъ экстрактовъ, о впадшихъ въ погрѣшеніи людяхъ по бывшему замѣшательству Мы видѣли, что съ тѣми людьми по вашей губерніи поступаемо было не согласно съ двумя нашими всемилостивѣйшими манифестами. Первымъ 1773-го ноября 29-го, а вторымъ сего года марта 17-го чиселъ, а имянно въ томъ, что безъ рѣшенія должнаго о нихъ многіе содержаны были подъ караулами, а другіе по силѣ послѣдняго уже манифеста привлекаемы были къ слѣдствіямъ; но Мы чтобъ не потерять въ переписках времени, а желая всѣмъ тѣмъ людямъ въ сходственность Императорскаго Нашего обѣщанія доставить въ винахъ ихъ всемилостивѣйшее прощеніе и совершенную свободу, при всѣхъ подъемлемыхъ Нами въ пользу отечества Нашего трудахъ, не оставляли безъ рѣшенія и о сихъ можно назвать злощастныхъ людяхъ, давали держась упомянутыхъ Нашихъ манифестовъ чрезъ Нашего генерала прокурора Наши повелѣніи, будучи въ той надеждѣ не сумнѣнно, что уже вы получая таковыя Наши повелѣніи, не оставитѣ и о подобныхъ тѣмъ людяхъ рѣшится на основаніи предписанныхъ манифестовъ Нашихъ, и прописанныхъ во упомя-

[1]) *Румянцевъ-Задунайскій*, графъ Петръ Александровичъ, генералъ-фельдмаршалъ, р. 1725 † 8 дек. 1796 г.

нутыхъ отъ генерала прокурора Нашихъ повелѣней правилъ, ко удовольствію Нашему прощеніемъ и свободою изъ подъ карауловъ во всей вашей губерніи. Но сверхъ Нашего чаянія минувшаго ноября 29-го числа присланы отъ васъ къ Нашему генералу прокурору таковые жъ какъ и выше сказано экстракты о священникахъ и другихъ людяхъ поимяномъ пятидесяти девяти человѣкъ, коихъ такъ же судьбы до сего времяни еще не рѣшены, и изъ нихъ двое Аннинскаго завода служители, которыхъ хотя погрѣшеніе и было, но оные какъ добровольно по первому Нашему 1773-го года манифесту явились и достойны были свободы, до нынѣ содержатся въ оковахъ, такъ какъ и каптенармусъ Истоминъ подъ карауломъ, не бывъ ни на малое время прилепленнымъ къ злодѣямъ; касательно жъ до священниковъ города Пензы, кои уже Нашимъ генераломъ графомъ Панинымъ и прощены, но и оные донынѣ однако жъ не воспользовались въ послѣднемъ манифестѣ Нашемъ прощеніемъ, коимъ точно повелѣно все прошедшее предать вѣчному забвенію и никакихъ притязаній не дѣлать. И сего ради симъ вамъ повелѣваемъ, какъ о сихъ людяхъ, о коихъ вы прислали нынѣ къ Нашему генералу прокурору экстракты рѣшится по силѣ упомянутыхъ Нашихъ манифестовъ, такъ и о другихъ подобныхъ имъ, буде гдѣ въ задержаніи находятся, какъ они ни къ какому до всемилостивѣйшаго манифеста наказанію приговорены не были, всемъ объявить Наше Монаршее и матернѣе въ погрѣшеніяхъ ихъ помилованіе и прощеніе, и учинить изъ подъ карауловъ свободными, ибо Наше желаніе стремится къ тому чтобъ все и каждый изъ Нашихъ подданныхъ былъ благонадеженъ во всякомъ случае на Наше Императорское слово, а тѣмъ самымъ утвердить вообще святость Нашихъ или данныхъ отъ правительства повелѣней, чего ради присланныя отъ васъ экстракты повелѣли отослать къ вамъ обратно

Екатерина.

Декабря 5 дня 1775 года
Москва.

29.

Князь Платонъ Степановичъ! Я не признаю надобнымъ городъ Казань по его внутри государства положенію ограждать укрѣпленіями по прожекту отъ васъ представленному; но въ разсужденіи отдѣленія города отъ предмѣстій указываю вамъ на планъ дѣланный въ особой комиссіи о строеніи онаго и мною конфирмованный, котораго точности вы имѣете послѣдо-

вать. Стѣну крѣпости тамошней по ея ветхости въ возможную привести починку сходно мнѣнію вашему, такъ какъ и домъ оберкомендантскій естьли нынѣшній къ житью вовсе неудобенъ, вновь исподоволь строить Я позволяю. А о провіантскомъ, ружейномъ и аммуничномъ магазинахъ надлежитъ вамъ прежде имѣть отъ военной коллегіи свѣдѣніе, полагаетъ ли она тамъ имъ быть и до какова количества. Что до строенія гостиннаго двора, то мѣсто для него назначено быть должно по соображенію лучшей выгоды и удобности къ покупкѣ и продажѣ въ оном всего потребнаго. Пребываю впрочемъ какъ и всегда вамъ доброжелательная.

Екатерина.

Генваря 18-го 1776 года
въ Санктпетербургѣ.

30.

С. П. Бургъ Марта 22-го дня 1777-го года.

Князь Платонъ Степановичъ!

Губерніи вамъ ввѣренной, пригорода Тагая [1]), мещанинъ Степанъ Егоровъ, явяся здѣся просилъ меня, якобы онъ и некоторыя съ нимъ того же пригорода мещанѣ, самымъ несправедливымъ образомъ присвоены стали нѣкоторой княгинѣ Мещерской. Я не хочу оставить просьбу ево вотщѣ, прошу васъ сіе дело разсмотреть, и согласно съ справедливостію, званію и имяни вашему свойственною, оное решить и меня увѣдомить; пребываю въ протчемъ къ вамъ благосклонный.

Павелъ.

31.

Изъ С-тъ Петербурга, февраля 23-го дня 1778.

Князь Платонъ Степановичъ.

Я получилъ письмо ваше отъ 2-го Генваря, и благодарю васъ весьма за изъявленныя въ оном поздравленія съ рожденіемъ моего сына [2]) верте что знаки вашего усердія ко мнѣ всегда мнѣ пріятны, и что я пребываю вамъ благосклонный.

Павелъ.

---

[1]) Пригородъ *Тагай* въ настоящее время Симбирской губ.; въ 1777 г. Симбирская губернія входила въ составъ Казанской губерніи.

[2]) Вел. кн. Александръ Павловичъ р. 12 декабря 1777 г. Императоръ Всероссійскій съ 12 марта 1801 г. † 19 ноября 1825 г.

32.

Господинъ Казанскій Губернаторъ Князь Мещерскій. Графу Петру Апраксину [1]) въ Нижегородскія его деревни отлучиться и тамъ пребываніе имѣть я дозволяю равнымъ образомъ есть-либы генералъ-фельдмаршалъ графъ Разумовскій находясь въ деревняхъ своихъ пожелалъ имѣть тамъ при себѣ помянутаго графа Апраксина, то и въ томъ препятствовать недолжно. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная.

Екатерина.

въ Санктпетербургѣ.
Генваря 17 дня 1779 года.

33.

Князь Платонъ Степановичъ. Двукратныя получили мы прошенія на почтѣ присланныя отъ татаръ Казанской губерніи съ жалобами на управляющаго ими по департаменту адмиралтейскому генерала-маіора Бешенцева, въ разныхъ якобы обидахъ, несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ, которыхъ какъ они показываютъ не дознали они во все время управленія надъ ними бригадира Свѣчина; и хотя по симъ жалобамъ тѣмъ меньше возможно учинить точное рѣшеніе, коль въ нихъ ни каковы подробности и событія не объяснены, да и люди прямо обиженные наименованы; Мы, однакожъ разсудили за благо востребовать отъ васъ откровеннаго увѣдомленія о состояніи тѣхъ татаръ и объ образѣ которымъ они начальникомъ нынѣ надъ ними поставленнымъ управляются, да и доходили ли къ вамъ какіе жалобы, или основательныя извѣстія о причиняемыхъ имъ угнетеніяхъ. Весьма угодно намъ будетъ естьли вы присовокупите тутъ объясненія о всѣхъ обстоятельствахъ до сихъ людей касающихся, кои могли бы Намъ послужить къ лучшему устроенію жребія ихъ въ собственное ихъ облегченіе и на пользу государства, чего ожидая пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонна.

Екатерина.

въ Царскомъ Селѣ
Іюля 30 дня 1779 года.

34.

Князь Платонъ Степановичъ! Я съ удовольствіемъ получила донесеніе ваше чрезъ директора экономіи Чирикова объ откры-

[1]) *Гр. Апраксинъ*, Петръ Ѳедоровичъ, ген.-лейтен. † 1813 г.; женатъ: 1, на гр. Аннѣ Павловнѣ *Ягужинской* (во инокиняхъ: *Августа*), р. 12 іюля 1732 † 3 янв. 1801 г.; 2, на гр. Елизаветѣ Кирилловнѣ *Разумовской*.

тіи Симбирскова намѣстничества, воздавъ справедливость трудамъ вашимъ въ семъ случае подъятымъ. Я поручаю вамъ объявить благоволеніе мое благородному обществу и всемъ тутъ участвовавшимъ, и пожелать отъ меня чтобъ они на дѣле самомъ скорѣе ощутили ползу новыхъ установленіи, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія когда только прилежность и точность изъбранныхъ и опредѣленныхъ къ управленію особъ будутъ способствовать моимъ намѣреніямъ. Пребываю впротчемъ вамъ благосклонная

Екатерина.

въ Санктъ Петербурге
Генваря 9-го 1781 года.

35.

Господинъ Генералъ-Порутчикъ князь Мещерскій. Возвращая съ симъ директора економіи Овцына присланнаго отъ васъ съ донесеніемъ объ открытіи Казанскаго намѣстничества я препоручаю вамъ объявить дворянству и всему обществу тоя губерніи что усердіе ими при семъ случаѣ оказанное и признаніе къ моимъ стараніямъ о благоденствіи, я пріемлю съ особливымъ благоволеніемъ. Впрочемъ вѣдая ревность вашу къ службѣ, увѣрена я совершенно въ точномъ исполненіи учрежденій отъ меня изданныхъ, что каждый вамъ послѣдовать будетъ въ достохвальномъ наблюденіи должности на него возложенной. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная

Екатерина.

въ С. п. бургѣ
Генваря 25-го 1782 г.

Сообщ. **В. Корсакова.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Донесенія датскаго посланника графа Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года.

Переводъ съ французскаго оригинала Н. А. Бѣловой.

Въ ряду историческихъ матеріаловъ о царствованіи императора Петра III и о вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II, доселѣ еще неизвѣстныхъ историкамъ, особенно выдаются по своему значенію донесенія своему двору датскаго посланника Гакстгаузена. Графъ Гакстгаузенъ, Георгъ-Христіанъ (р. 1732, † 1802 г.), явился къ русскому двору въ самомъ концѣ царствованія императрицы Елисаветы, когда русскія войска завоевали уже значительную часть владѣній прусскаго короля Фридриха II, и Россія готовилась нанести послѣдній ударъ „скоропостижному и захватчивому“ своему противнику взятіемъ Кольберга въ сѣверной Помераніи. Отношенія Даніи къ Россіи были вполнѣ дружескія, но притязанія на Шлезвигъ наслѣдника русскаго престола, великаго князя Петра Ѳеодоровича, по его сану голштинскаго герцога, внушали Даніи живѣйшія опасенія за будущее. Въ это время здоровье императрицы Елисаветы ухудшилось, и можно было ожидать, что Петръ Ѳеодоровичъ, вступивъ на престолъ, поддержитъ свои права на Шлезвигъ всею силою военныхъ средствъ русской имперіи и заключитъ для этой цѣли союзъ съ Фридрихомъ II, къ которому великій князь питалъ чувства болѣзненной преданности. Понятно поэтому, съ какой тщательной заботливостью Гакстгаузенъ долженъ былъ слѣдить за событіями, совершавшимися при русскомъ дворѣ, чтобы датскій дворъ былъ постоянно въ курсѣ положенія дѣлъ. Оттого донесенія этого дипломата отличаются чрезвычайной подробностью. Освѣдомленность его

была велика, даръ наблюденія, какъ видно изъ его донесеній, развитъ былъ въ немъ въ высокой степени. Жизнь русскаго двора, личности Петра III и Екатерины II, а также важнѣйшихъ ихъ сподвижниковъ, очерчены крупными и ясными чертами. Конечно, не слѣдуетъ забывать, что въ своихъ мнѣніяхъ и отзывахъ Гакстгаузенъ, прежде всего, руководился пользами своего отечества, Даніи.

Е. Ш.

I.

Петербургъ, $\frac{27 \text{ ноября}}{8 \text{ декабря.}}$ 1761 г.

Его Превосходительству г. барону де-Бернсдорфу.

(Шифромъ) Въ данное время я имѣю сообщить Вашему Превосходительству о болѣзни императрицы, которая вотъ уже восемь дней, какъ чувствуетъ себя очень плохо не только вслѣдствіе того, что ноги ея покрыты чиріями, такъ сильно распространившимися, что она совершенно не въ состояніи стоять на ногахъ, но также вслѣдствіе припадковъ эпилепсіи, завершающихся обмороками и внушающихъ иногда серьезныя опасенія.

Я не теряю надежды, но, имѣя въ виду, что императрица широко пользовалась жизнью и что она отличается мощнымъ и дороднымъ тѣлосложеніемъ, я сомнѣваюсь въ преуспѣваніи ея здоровья и опасаюсь, что мы можемъ лишиться ея тогда, когда меньше всего будемъ къ этому готовы.

Особенно непріятна для насъ эта болѣзнь тѣмъ, что страхъ потерять императрицу значительно увеличилъ авторитетъ великаго князя и привелъ въ уныніе тѣхъ, кто могъ бы стоять за наше дѣло: возможность имѣть его вскорѣ своимъ господиномъ заставляетъ всѣхъ искать его расположенія и потворствовать его страстямъ.

Такъ какъ гг. де-Мерси [1]) и де-Бретейль [2]) не получали еще никакихъ распоряженій относительно нашего дѣла, то вы позволите мнѣ, Ваше Превосходительство, передать вамъ раз-

---

[1]) Гр. де-Мерси, Цесарскій посолъ. Его пріемная аудіенція была 23 августа 1761 г.; отпускная 8 дек. 1763 г.

[2]) Бар. Бретейль, французскій посланникъ. Его пріемная аудіенція была 29 іюня 1760 г.; отпускная—27 апр. 1763 г.

говоръ, который у меня былъ недавно съ г. Олсуфьевымъ [1]) во время бала.

Министръ заговорилъ со мной на датскомъ языкѣ, который онъ очень хорошо знаетъ, съ чѣмъ я его и поздравилъ, прибавивъ, что я льщу себя надеждой, что онъ не только хорошо говоритъ на нашемъ языкѣ, но что у него и сердце датское и что поэтому его не можетъ не огорчать то критическое положеніе, въ которое ставитъ насъ отказъ его высочества великаго князя заключить съ нами миръ.

Онъ отвѣчалъ увѣреніями въ искренности своихъ чувствъ и говорилъ, что императрица всегда желала соглашенія съ нами, что всякій разумный русскій человѣкъ думаетъ также, но что мнѣніе императрицы ставится ни во что; онъ особенно порицалъ г. Брокдорфа, считая его виновникомъ упрямства великаго князя. На этомъ разговоръ нашъ закончился; оставя то, что г. Олсуфьевъ другъ всѣмъ и каждому и говоритъ то, что отъ него желаютъ услышать, я вообще не считалъ нужнымъ въ разговорѣ съ нимъ выходить изъ рамокъ общихъ положеній.

Также осторожно держалъ я себя съ М-lle Воронцовой [2]), фавориткой великаго князя, которая, бесѣдуя со мной въ тотъ же вечеръ, распространялась о любви е. в. великаго князя къ своему Килю.

Она говорила, что великій князь такъ же желалъ бы увидѣть свою страну, какъ его подданные своего возлюбленнаго господина, и что не проходило дня, чтобы онъ не говорилъ объ этомъ.

Это новое доказательство расположенія великаго князя къ своему Килю мало утѣшительно и подрываетъ послѣднюю слабую надежду на то, что великій князь подчинится доводамъ разума и послѣдуетъ своимъ истиннымъ интересамъ. Поэтому не эту надежду я имѣлъ въ виду, почтительнѣйше донося Вашему Превосходительству мой разговоръ съ г. Олсуфьевымъ, но желая убѣдить васъ въ томъ—съ какой точностью я выполняю всѣ пункты данныхъ мнѣ инструкцій, относительно лицъ, въ нихъ указанныхъ. Какъ Ваше Превосходительство могло замѣтить—единственное лицо, съ кѣмъ я не говорилъ о нашемъ

---

[1]) Адамъ Васпльев. Олсуфьевъ, кабинетъ-секретарь Им. Елисаветы Петр. р. 1721 † 1784. Былъ посвященъ въ тайную переписку Имп. Елисаветы съ Людовикомъ XV (Vandal, 33d). Былъ женатъ на сестрѣ извѣстнаго С. В. Салтыкова.

[2]) Графиня Елисавета Романовна, впослѣдствіи вышедшая замужъ за камергера Полянскаго.

дѣлѣ, за неимѣніемъ удобнаго случая, это канцлеръ Шуваловъ. По моемъ пріѣздѣ сюда я старался и по отношенію къ нему исполнить данныя мнѣ указанія, но такъ какъ фаворитъ постоянно находится въ комнатахъ императрицы, то мнѣ и не удалось его видѣть, хотя я и являлся къ нему нѣсколько разъ съ визитомъ. Но такъ какъ обстоятельства измѣнились съ тѣхъ поръ, благодаря высокомѣрному и непродуманному отвѣту великаго князя и полному разрыву соглашенія, то я находилъ самымъ лучшимъ оставить этотъ вопросъ открытымъ и спокойно ожидать дальнѣйшихъ повелѣній короля, чтобы не умалить значенія того шага, который мы сдѣлали, объявивъ соглашеніе прерваннымъ.

Привыкнувъ передавать Вашему Превосходительству всѣ самыя мелкія событія, я льщу себя надеждой, что Ваше Превосходительство останется довольнымъ моимъ донесеніемъ, и что король соблаговолитъ одобрить мое поведеніе и дастъ мнѣ указанія въ томъ случаѣ, если бы онъ пожелалъ, чтобы я иначе дѣйствовалъ по отношенію къ фавориту. (Шифръ).

Въ прошлую субботу, при дворѣ, былъ торжественно отпразднованъ день Св. Екатерины, именемъ которой наречена великая княгиня. Въ полдень ея высочество принимала въ своихъ покояхъ поздравленія отъ иностранныхъ министровъ и другихъ избранныхъ лицъ.

Вечеромъ состоялся при дворѣ балъ и ужинъ; городъ былъ, по обыкновенію, иллюминованъ. Ея величество и великій князь не выходили: послѣдній вслѣдствіе простуды, первая изъ-за небольшого флюса. То же обстоятельство помѣшало отпраздновать день восшествія на престолъ императрицы, и поэтому гвардейцы были лишены чести отобѣдать съ императрицей.

Здоровье графа Петра Шувалова по-прежнему очень плохо. Его супруга такъ близко къ сердцу приняла болѣзнь мужа, что за нѣсколько мѣсяцевъ до срока разрѣшилась отъ бремени мертвымъ ребенкомъ и заплатила за это жизнью.

Это была княжна Одоевская, 19-ти лѣтъ, вышедшая замужъ въ февралѣ этого года. Вчера были ея торжественныя похороны.

Такъ какъ г. Сальдернъ съ нѣкоторыхъ поръ вслѣдствіе болѣзни не показывался въ обществѣ, то распространился слухъ, что онъ уѣхалъ, какъ я уже впрочемъ сообщалъ Вашему Превосходительству въ моей послѣдней почтительнѣйшей депешѣ.

Гакстгаузенъ.

II.

Петербургъ $\frac{30 \text{ ноября}}{11 \text{ декабря}}$ 1761 г.

(Шифромъ) Страхъ и смятеніе, вызванные послѣдней болѣзнью императрицы, благодаря Бога, стихаютъ, такъ какъ императрица чувствуетъ себя лучше. Ея истерическіе припадки не такъ часты и менѣе жестоки. Она ходитъ по комнатамъ, опираясь на палку. Но мнѣ не нравится то, что чиріи на ногахъ начали у нея закрываться; если только докторамъ не удастся этому воспрепятствовать, то это можетъ повести къ дурнымъ послѣдствіямъ. Между тѣмъ императрица испытываетъ отвращеніе ко всякаго рода лѣкарствамъ. Окруженная днемъ и ночью докторами, она имѣетъ обыкновеніе выслушивать ихъ совѣты, но не выполнять. Такимъ образомъ она борется съ болѣзнью только благодаря своему здоровому организму.

Великій князь излѣчился отъ своей болѣзни, вызванной кутежомъ, принявъ рвотнаго и чувствуетъ себя прекрасно.

Дѣло наше совершенно замяли и о немъ нѣтъ и рѣчи.

Къ г. Бретейлю прибылъ на-дняхъ курьеръ. По словамъ г. Бретейля, послѣдній прибылъ изъ Вѣны и ничего не привезъ изъ Версаля и ничего, что касается нашего дѣла. Если бы я могъ надѣяться, что новая наша попытка увѣнчается успѣхомъ, то такая медлительность способна была бы вывести меня изъ терпѣнія, но къ несчастію все разубѣждаетъ меня въ тщетности такой надежды. Что касается отозванія г. Бретейля, котораго требуетъ и на которомъ настаиваетъ русскій дворъ, то—остапется ли онъ здѣсь или же Франція изъ угодливости исполнить желаніе Россіи—это не внесетъ существенной перемѣны въ наше дѣло. Если онъ останется здѣсь противъ желанія, то онъ будетъ болѣе безполезенъ, если же обстоятельства заставятъ его уѣхать, то онъ будетъ болѣе озабоченъ своими дѣлами, чѣмъ нашими. Къ тому же ненавидимый императрицей еще до своего пріѣзда, онъ постарается сохранить расположеніе великаго князя, который, несмотря на свое нерасположеніе къ французамъ, къ г. Бретейлю относится лучше, чѣмъ къ его предшественнику, а также позаботится о томъ, чтобы сдѣлать и своего замѣстителя ненавистнымъ въ глазахъ императрицы. Но не подлежитъ сомнѣнію, что мы какъ бы то ни было потеряемъ время, такъ какъ его замѣститель пріѣдетъ не раньше лѣта и не сразу сможетъ ознакомиться съ нашимъ дѣломъ и пріобрѣтетъ связи и знакомства, полезныя для нашей цѣли. Горячность и рѣзкость, съ которыми г. Бретейль позволилъ себѣ говорить

по поводу недоразумѣнія, возникшаго изъ-за цѣлованія руки, были предлогомъ для Россіи, чтобы требовать его отозванія, я говорю—предлогомъ, потому что намѣреніе было уже давно; даже уже было дано понять, что г. Лопиталь въ качествѣ его замѣстителя принятъ не будетъ и что онъ долго въ Россіи не останется. Вашему Превосходительству извѣстно изъ донесеній г. Остена, что императрица выразила желаніе, чтобы г. Лопиталь продолжалъ свое дѣло.

Насколько я могъ проникнуть въ намѣренія обоихъ министровъ союзныхъ съ нами дворовъ, то опредѣленнаго плана содѣйствовать нашему соглашенію у нихъ нѣтъ. Планъ, который они сами выработали, и который, вѣроятно, будетъ одобренъ ихъ правительствами, заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать возобновленію нашего трактата съ Россіей. Еще только вчера г. Бретейль старался убѣдить меня, что заключеніе трактата поведетъ къ благопріятнымъ для насъ результатамъ, но предоставляю вашей просвѣщенной проницательности судить—насколько это вѣрно. Не сомнѣваюсь, что Россія будетъ очень довольна связать намъ снова руки, но я не знаю, какъ мы должны относиться къ ея обѣщаніямъ послѣ того, какъ она такъ плохо выполнила обѣщанія, данныя ею въ трактатахъ 1746 и 1758 г.г.

Г. де-Сальдернъ [1]), котораго я старался охарактеризовать Вашему Превосходительству въ моихъ предыдущихъ донесеніяхъ, хвастается всѣмъ и каждому письмомъ, которое написалъ ему, будучи въ Голштиніи, г. Десмерсьеръ, предлагая ему занять почетное мѣсто въ нашей странѣ. Онъ показывалъ это письмо многимъ лицамъ и увѣрилъ великаго князя, что съ его стороны большая заслуга не принять этого предложенія.

Нѣсколько недѣль тому назадъ настоятель богатой Троицко-Сергіевской лавры, расположенной близъ Москвы, пользовавшійся 30 тысячами годового дохода, произнося проповѣдь въ присутствіи императрицы, между другими смѣлыми истинами, сказалъ, что хотя у императрицы и сострадательное сердце, но что тѣмъ не менѣе народъ ея стонетъ подъ игомъ нищеты, что съ крестьянъ берутъ столько, что они едва могутъ прокормить свои несчастныя семьи, что многіе изъ нихъ принуждены были бросить свои дома, женъ и дѣтей и отправиться грабить на

---

[1]) Голштинецъ, пользовавшійся расположеніемъ Петра III, при Екатеринѣ русскій посланникъ въ Варшавѣ, прославившійся своими интригами противъ Екатерины.

большія дороги и что знатные люди и тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ забота о народномъ благѣ, только тучнѣютъ на счетъ его раззоренія.

Во время проповѣди императрица проливала слезы, но затѣмъ краснорѣчивый проповѣдникъ получилъ назначеніе епископомъ въ Сибирь, гдѣ онъ будетъ получать только 6 т. рублей въ годъ.

Такъ какъ скоро вернется г. Бернштольдъ и потребуетъ отъ меня денегъ, то осмѣливаюсь просить Ваше Превосходительство освѣдомить меня—долженъ ли я продолжать ему платить и въ размѣрѣ какой суммы.

Прибывшая сегодня эстафета привезла новость, что одинъ изъ прусскихъ батальоновъ въ Помераніи былъ изрубленъ въ куски; событіе это еще не обнародовано.

Сегодня въ день праздника Андреевскаго ордена, по окончаніи богослуженія была стрѣльба изъ пушекъ, но никакого торжества не было, и императрица не обѣдала, по принятому обычаю, съ кавалерами этого ордена.

Здѣсь уже нѣсколько мѣсяцевъ находится нѣкто полковникъ Энгель, покинувшій года два тому назадъ нашу службу; онъ ищетъ здѣсь мѣста.

Гакстгаузенъ.

III.

Петербургъ, $\frac{4 \text{ декабря}}{15 \text{ декабря}}$ 1761 года.

(Шифромъ). Съ императрицей, подававшей послѣдніе дни большія надежды на выздоровленіе, третьяго дня сдѣлался новый приступъ болѣзни и она снова слегла.

Повидимому, здоровье ея окончательно пошатнулось и хотя она и чувствуетъ себя временами лучше, но промежутки улучшенія кратковременны, и надо опасаться, что она долго не протянетъ, и быть готовыми къ тому, что мы можемъ лишиться ея во всякое время.

По повелѣнію двора генералъ Бутурлинъ [1]) покинулъ армію, но поздпѣйшимъ рескриптомъ ему приказано было туда снова вернуться, что̀ заставляетъ предполагать, что теперь онъ сохранитъ командованіе арміей, вопреки слухамъ объ его отозваніи. Кромѣ того, что затрудняются найти ему замѣстителя,

[1]) Фельдмаршалъ А. Б. Бутурлинъ, командовавшій русскими войсками противъ пруссаковъ.

генералъ пользуется сильной поддержкой, находясь въ родствѣ съ семьей Воронцовыхъ.

По словамъ заслуживающаго довѣрія лица, великому князю еще не удалось получить согласія императрицы на выдачу пенсіи голштинскому принцу Георгу, о чемъ старается г. Сальдернъ. Думаютъ, что императрица, уступивъ настояніямъ, дастъ свое согласіе.

Съ г. Лефортомъ, церемоніймейстеромъ двора, произошла недавно непріятная исторія, которая могла бы очень плохо для него кончиться, если бы ему не удалось счастливо изъ нея выпутаться. Г. Лефортъ завѣдуетъ казенной лотереей, и одинъ изъ его ближайшихъ помощниковъ обвинилъ его въ злоупотребленіяхъ, утверждая, что онъ присвоилъ и растратилъ взятые имъ изъ лотерейнаго фонда 100 тыс. руб. Дѣло это произвело много шума, и такъ какъ у самого г. Лефорта ничего нѣтъ, но живетъ онъ широко, то въ обществѣ стали относиться къ нему съ подозрѣніемъ и вѣрить обвиненію, тѣмъ болѣе, что г. Лефортъ, узнавъ, въ чемъ его обвиняютъ, сильно смутился и началъ запинаться. Какъ бы то ни было, но онъ сумѣлъ себя оправдать и, если ему не удалось подняться въ общественномъ мнѣніи, то, по крайней мѣрѣ, онъ избѣжалъ грозившей ему опасности. По мнѣнію всѣхъ его спасло имя (онъ приходится внучатнымъ племянникомъ знаменитому Лефорту) и поддержка канцлера Шувалова. Чтобы добиться оправданія, онъ прибѣгнулъ, по совѣту своего друга, къ весьма своеобразному способу. Онъ явился въ Сенатъ съ документами, которыми онъ надѣялся объяснить — куда имъ были израсходованы недостающія въ кассѣ деньги, и потребовалъ или немедленнаго своего оправданія или же обвиненія. Сенаторы объяснили ему, что онъ можетъ передать свои документы, что мѣстожительство его извѣстно и его вызовутъ, когда это будетъ необходимо. Но онъ остался недоволенъ такимъ отвѣтомъ и заявилъ, что онъ не уйдетъ изъ Сената до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшено его дѣло. Его убѣждали, что этого нельзя сдѣлать въ тотъ же день, и просили идти къ себѣ домой. Но съ рѣзкостью, съ его стороны нѣсколько удивительной, онъ заявилъ, что сдѣлаетъ по-своему и, приказавъ своимъ слугамъ подать себѣ ужинъ, расположился въ Сенатѣ ночевать. Сенаторъ Трубецкой, возмущенный его поведеніемъ, далъ ему понять, что Сенатъ учрежденіе настолько высокое, что нельзя обращать его ни въ тюрьму, ни въ гостиницу. Но, несмотря на это, г. Лефортъ и на слѣдующій день продолжалъ свое жи-

тельство въ Сенатѣ, пока наконецъ императрица не приказала г. Олсуфьеву въ тотъ же вечеръ собрать экстренное засѣданіе Сената и разобрать дѣло. Сенатъ исполнилъ приказаніе императрицы; г. Лефортъ былъ признанъ невиновнымъ съ правомъ отрѣшить отъ должности своего доносчика и принять на его мѣсто кого онъ пожелаетъ; выборъ его будетъ утвержденъ Сенатомъ. Такъ закончилось это дѣло, привлекшее къ себѣ всеобщее вниманіе и поколебавшее довѣріе къ государственной лотереѣ.

Здоровье графа Петра Шувалова по-прежнему въ опасности. Вельможа этотъ написалъ императрицѣ письмо, въ которомъ указывалъ на г. Глѣбова, какъ на достойнаго своего замѣстителя, во время своей болѣзни, а также на случай его смерти, на посту начальника артиллеріи. Императрица приняла во вниманіе его указанія, и на г. Глѣбова возложено временно выполненіе обязанностей начальника артиллеріи. Графъ Шуваловъ отправилъ двухъ курьеровъ, одного въ Вѣну къ знаменитому врачу Ванъ-Свитену, другого — къ не менѣе знаменитому Штоціусу въ Лейденъ, спрашивая ихъ совѣта относительно своего здоровья.

Гакстгаузенъ.

Сообщилъ **Е. С. Шумигорскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Въ Задонскихъ степяхъ“.

Ахъ ты, степь, моя степь, степь широкая!

Кольцовъ.

I.

Хороши и привольны наши Задонскія степи!

Почти отъ лѣваго берега Дона начинается ихъ вольная, широкая громада и идетъ до предѣловъ Ставропольской губерніи. Я говорю „почти“, ибо отъ лѣваго берега приходится еще проѣзжать по юртамъ станицъ—Богаевской и Маныцкой—до балки Хомутецъ, границѣ земель станичныхъ и войсковыхъ-коннозаводческихъ.

Эта громадная территорія—величиною съ Францію (900.000 десятинъ), разбита на такъ называемые „участки“ (2.400 десятинъ), которые отданы въ пользованіе частнымъ лицамъ для разведенія Донского частнаго коннозаводства.

Такимъ образомъ, пользованіе здѣсь степью, или участками, безъ лошадей—немыслимо. На каждый участокъ приходится 200 головъ лошадей, считая съ приплодомъ, маленькими жеребятами, и каждый коннозаводчикъ долженъ зорко слѣдить, чтобы установленная норма, *по количеству*, всегда соотвѣтствовала участку, ибо всѣ они находятся подъ непосредственнымъ контролемъ правительства, обращающаго также серьезное вниманіе и *на качество* лошадей; эти два условія, количества и качества, были положены непремѣннымъ условіемъ жизни въ степяхъ каждаго коннозаводчика и несоблюденіе поддержки того и другого вело къ немедленному отобранію отъ него участка и передачѣ его другому лицу.

Такъ жили и пользовались коннозаводчики всѣми благами своего положенія, создавая конскіе заводы,—одни богатѣя, другіе умирая нищими, третьи вели заводъ кое-какъ, напрягая

всѣ силы, чтобы удержать за собой участки, и не лишиться на вѣки такой благодати.

У каждаго коннозаводчика все составляло его собственность, кромѣ земли, за которую платили войску со всѣми сборами,— окружными, мировыми, — что-то около $10^1/_2$ копѣекъ за десятину,—цѣну, какъ видите, можно сказать, ничтожную.

Вся земля нарѣзалась коннозаводчику на 24 года, и за этотъ срокъ какое поле представлялось честному человѣку пріобрѣсти себѣ богатство!

Такъ какъ земли было много, а лошадей на участокъ приходилось не Богъ знать какое количество (200 головъ), то въ помощь коннозаводчику давалось право заниматься на участкѣ земледѣліемъ, скотоводствомъ и овцеводствомъ въ извѣстныхъ размѣрахъ. Все это, вмѣстѣ съ коннозаводствомъ, могло давать громадные барыши хозяину. Оттого-то задонскія степи назывались на Дону стариками „золотымъ дномъ“.

Усадьба каждаго коннозаводчика, т. е. домъ, со всѣми надворными постройками и со всѣмъ живымъ хозяйствомъ, назывались „*зимовникомъ*“, или „*зимникомъ*“, какъ говорили простые люди и калмыки.

Иногда эти „зимовники“ находились близко другъ отъ друга (10—15 верстъ), а иногда верстахъ въ 50 и болѣе. Это зависѣло отъ расположенія участковъ и общей ситуаціи громадной степной территоріи. Всѣхъ зимовниковъ въ Задонскихъ степяхъ было до 200.

Нашъ зимовникъ занималъ первое мѣсто, начиная отъ балки Хомутецъ, и состоялъ, благодаря заботливымъ хлопотамъ отца, изъ 5 участковъ, т.-е. изъ 12.000 десятинъ земли.

Сначала шла узкая полоса земли, версты въ двѣ шириною, а затѣмъ далѣе къ югу, разворачивалась широкимъ квадратомъ, 7 верстъ въ поперечникѣ.

Фигура нашихъ участковъ по плану представляла собою очертаніе топора. Это такъ называемая знаменитая Бурукчунская степь [1]), гдѣ сѣяли хлѣбъ и производили главные запасы сѣна.

Разстояніе отъ крайней точки Бурукчуна до зимовника и рѣки Маныча равнялась 31 верстѣ.

Земля въ Задонскихъ степяхъ—глубокій черноземъ: жир-

---

[1]) Бурукчунъ—калмыцкое названіе.

ная и плодородная, настоящее золото, и не знала никакихъ удобреній.

Вся площадь земли, начиная отъ конца рукоятки топора къ головѣ, представляла собою ровную, куда глазъ хватитъ, степь, необъятную и широкую, покрытую ковылемъ и разными степными травами.

Вотъ въ этой-то степи я провелъ свое дѣтство и юношество.

II.

Воспоминанія моего ранняго дѣтства не простираются очень далеко. Меня 9-лѣтнимъ мальчикомъ привезли въ бричкѣ на зимовникъ и сказали: „любуйся“! Зимовникъ былъ новый, въ отличіе отъ стараго въ полуверстѣ разстоянія, гдѣ былъ только одинъ разрытый большой курганъ, бывшій конюшней конно-заводчика Янова. Такъ это старое урочище и осталось, имѣя только разрытый курганъ и нѣсколько старыхъ ямъ, поросшихъ лопухомъ и бурьяномъ, слѣды бывшихъ надворныхъ построекъ.

Удивительно жили прежде люди! раскопать большой курганъ вдоль и устроить въ немъ конюшню.

Но голь на выдумки хитра! Здѣсь нѣтъ лѣсовъ, значитъ, нѣтъ подъ руками необходимаго строительнаго матеріала, и вотъ, чтобы устроить хорошую теплую конюшню, нужно воспользоваться матеріаломъ самой природы, — разрыть курганъ вдоль и устроить въ немъ конюшню!

Новый зимникъ представлялъ изъ себя усадьбу, съ небольшимъ деревяннымъ домомъ, въ пять комнатъ, съ штукатуренными стѣнами, съ простою деревянною мебелью, съ некрашенными полами и окнами, съ деревяннымъ крыльцомъ, выходившимъ въ садикъ, и дверью внутрь комнатъ, и парадный и черный ходъ. Задняя сторона этого дома-флигеля была обращена къ степи, откуда отецъ изъ залы, въ окна, любилъ смотрѣть въ степь и наблюдать за рабочими въ подзорную трубу, чѣмъ производилъ эффектъ, ибо рабочіе, не зная о существованіи этой трубы, были поражены, какъ „панъ“ изъ окна дома могъ видѣть все, происходившее въ степи, на довольно большомъ разстояніи, верстъ на пять, и приписывали это, дѣйствительно, необыкновенному зрѣнію отца, подъ старость развившаго въ себѣ дальнозоркость. Этому окошку впослѣдствіи пришлось сыграть видную роль въ жизни отца. Когда, уже много лѣтъ спустя послѣ водворенія нашего на новомъ зимовникѣ, къ намъ

въ степи пріѣхалъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій смотрѣть табунъ, у отца на зимовникѣ, какъ первомъ по порядку и по положенію, былъ назначенъ сборный пунктъ окрестнымъ табунамъ, которымъ смотръ производился около двора. Послѣ завтрака пошелъ дождь и на травѣ было росисто. Великій Князь, замѣтивъ, что изъ окна можно было смотрѣть лошадей, сказалъ, обращаясь къ отцу: „и вотъ прекрасно, вели, полковникъ, подгонять лошадей къ окну, мы отсюда увидимъ все".

Отецъ распорядился, но замѣтилъ: „Когда Ваше Высочество пріѣдете въ Петербургъ, будете всѣмъ разсказывать, что видѣли донское коннозаводство, только скроете, что дѣлали это изъ окна".

Великій Князь тутъ же схватилъ свою фуражку и побѣжалъ въ степь по росѣ, а за нимъ и вся свита.

Кромѣ окна въ степь, другія окна флигеля выходили въ садъ и во дворъ. Садъ былъ посаженъ отцомъ молодой, со множествомъ вишневыхъ и яблочныхъ деревьевъ, и простирался далеко по балкѣ Хомутецъ.

Затѣмъ слѣдовали надворныя постройки: такъ называемая „бѣлая хата", гдѣ была кухня для господскаго стола, напротивъ, еще маленькая кухня, за нею погребъ и ледникъ, далѣе четыре хлѣбныхъ амбара, а подъ угломъ къ нимъ, подъ одной крышей, каретный сарай, конюшня, сарай для разныхъ земледѣльческихъ орудій, и еще подъ угломъ плотничный сарай и еще людская.

Такимъ образомъ, надворныя постройки, вмѣстѣ съ флигелемъ составляли квадратъ, имѣвшій два прогала для воротъ: одинъ—между людской избой и „бѣлой хатой", а другой—между амбарами.

Расположенную при зимовникѣ, со стороны сада, балку Хомутецъ отецъ использовалъ для пруда; весною, при таяніи снѣговъ, шумящая вода въ балкѣ задерживалась искусственной плотиной, длиною до ста саженей, и, такимъ образомъ, образовался прудъ, или ставъ, довольно большой въ длину, верстъ до двухъ, и глубиною до двухъ аршинъ.

Вода въ ставу, какъ снѣговая, была мутна и не годилась для питья, но прудъ въ этой безводной мѣстности былъ необходимъ для питья скотинѣ и поливки сада и огорода, и кромѣ того въ жаркіе дни, служилъ немалымъ украшеніемъ для заброшенной среди степи усадьбы зимовника.

Среди двора былъ колодезь съ такой странной на вкусъ

водой, что, мнѣ кажется, если бы подвергнуть ее надлежащему изслѣдованію, то она оказалась бы минеральной: ее можно было еще пить холодную, только-что вытащенную бадьею или цеберкой, но стоило ей только немного постоять и согрѣться,—она уже давала какой-то осадокъ на краяхъ стакана и была положительно противна.

Рабочіе и люди, а также и рогатый скотъ пили ее въ жару съ наслажденіемъ.

Намъ для стола и самовара возили воду въ бочкѣ издалека, съ балки Терновки, о которой будетъ сказано впослѣдствіи.

Нашъ садъ оканчивался огородомъ, съ маленькою хаткою, гдѣ пеклись черные хлѣбы для рабочихъ, а далѣе внизъ къ Хомутцу, раскинулся большой лугъ, заросшій лопухами и рѣпьями, хмелемъ, бурьяномъ и какою-то непомѣрно высокою травою, мѣсто моихъ непрестанныхъ скитаній въ дѣтствѣ.

Лугъ прилегалъ еще къ одному старому саду, высокія вербы по краямъ котораго явственно виднѣлись въ жаркіе дни и манили подъ свою широкую тѣнь и человѣка, и все живое, задыхающееся отъ палящаго зноя. Это былъ садъ старый, насаженный еще давно, какимъ-нибудь прежнимъ владѣльцемъ.

Изъ плодовыхъ деревьевъ уцѣлѣли только яблони, дававшія великолѣпныя яблоки. Помню одинъ сортъ некруглыхъ, а цилиндрическихъ яблокъ, цвѣта желтаго воска, съ легкимъ румянцемъ на поверхности, замѣчательно пріятнаго вкуса, напоминавшаго лимонадъ; да еще яблоки съ яблонь „барыни“ и „пана“, отличающіяся необыкновенными размѣрами и тоже дивнымъ вкусомъ. Весь садъ этотъ обнесенъ былъ глубокой канавой и тихо дремалъ, доживая свои дни.

Спустя много лѣтъ, когда мы продавали зимовникъ, онъ изображалъ изъ себя настоящую руину, заглохшую и зацвѣтшую, или вѣрнѣе, отцвѣтшую.

За садомъ Хомутецъ представлялъ собою опять прудъ, но уже не нашъ, а расположеннаго по ту сторону сначала хохлацкаго, а потомъ казачьяго поселка, сплошь заросшій камышемъ и служившій любимымъ мѣстомъ пребыванія дикихъ утокъ, на которыхъ я устраивалъ нерѣдко охоту. Этотъ прудъ въ полуверстѣ заканчивался тоже искусственной плотиной.

III.

Мой отецъ, служившій ранѣе, до покупки зимовника, въ гвардіи и арміи, былъ замѣчательнымъ коннозаводчикомъ. Выйдя

въ отставку съ чиномъ подполковника, онъ всецѣло занялся хозяйствомъ и пріобрѣлъ 5 участковъ земли, гдѣ развелъ обширный табунъ лошадей, количествомъ 1.000 головъ, рогатаго скота 600 головъ и овецъ до 5.000 штукъ. Вся эта живая громада и составляла наше богатство на зимовникѣ.

Но, замѣчательно, что, имѣя такой роскошный по количеству и качеству заводъ лошадей, отецъ не имѣлъ ни порядочнаго выѣзда, ни хорошей лошади въ г. Новочеркасскѣ, гдѣ у насъ былъ свой домъ, и никогда даже не помышлялъ о томъ, что коннозаводчику нужно поддержать свое достоинство, напр., имѣть хорошихъ лошадей для выѣзда, смѣнить старую, изорванную сбрую и пріобрѣсти вполнѣ приличный и удобный экипажъ для своихъ постоянныхъ поѣздокъ.

Нѣтъ, онъ съ видомъ любителя и знатока, ревниво любовался только издали на своихъ лошадей и находилъ въ этомъ любованіи и восторгѣ истинное наслажденіе.

Глядя на какую-нибудь пару великолѣпныхъ кобылъ, пробѣгающихъ мимо его глазъ, онъ съ наслажденіемъ пощелкивалъ языкомъ, повторяя про себя: „вотъ красота-то, вотъ въ пару, въ дышло“!

И кобылы бѣжали, какъ будто нарочно рядомъ, точно демонстрируя идеальный бѣгъ въ дышлѣ передъ глазами восхищеннаго хозяина.

Или, смотря на какого-нибудь красавца-жеребца, онъ тоже говорилъ: „а этого подъ сѣдло, да какому-нибудь ловкому кавалергарду на Царскій смотръ, чтобы это было!“ и онъ точно задумывался, чтобы это было, еслибъ дать волю своей фантазіи и обратить ее въ дѣйствительность.

Наши смотры табуна и поѣздки въ табунъ были очень часты. Особенно доставалось мнѣ, младшему сыну, изъ всей семьи. Отецъ несомнѣнно любилъ меня и возлагалъ на меня всѣ свои надежды, разсчитывая, что онъ такими поѣздками меня пріучитъ къ безмолвному любованію своимъ заводомъ, что я полюблю это дѣло и буду съ честью продолжать его. Но надежды эти не оправдались. Сколько я ни ѣздилъ и ни любовался и степью и заводомъ, судьба рѣшила иначе: по окончаніи курса наукъ въ Московскомъ университетѣ и продажѣ зимовника, я пошелъ по Вѣдомству Министерства Юстиціи въ одной изъ центральныхъ губерній, гдѣ, прослуживъ 23 года, дослужился до паралича...

Теперь я пишу свои воспоминанія, далекія отъ свѣта и

жизни, но вижу всѣ описанныя картины передъ глазами, точно не прошло съ тѣхъ поръ почти сорокъ лѣтъ!

Насъ было въ семьѣ семь дѣтей. Самый старшій братъ мой неудачно началъ и кончилъ свою жизнь, проживая все время въ городѣ и умеръ сравнительно не старымъ человѣкомъ, а изъ пяти сестеръ только младшая, Маня, вмѣстѣ съ матерью раздѣляли мою жизнь на зимовникѣ.

По окончаніи университета я и подумывалъ было не вступать на службу, остаться на зимовникѣ, продавъ изъ пяти—три участка и оставивъ себѣ два, но разныя обстоятельства помѣшали этому. Къ тому же трудно предположить, чтобы 24 лѣтній молодой человѣкъ, едва окунувшійся въ жизнь, обладалъ бы такимъ знаніемъ этой жизни, такимъ опытомъ, чтобы могъ взять на свои плечи всю тяжесть подобнаго хозяйства.

Въ своихъ безчисленныхъ поѣздкахъ по степямъ и въ табунъ, на тройкѣ старыхъ маштаковъ, въ оборванномъ и дребезжащемъ тарантасѣ, отецъ неизмѣнно толковалъ мнѣ о хозяйствѣ и показывалъ границы нашихъ участковъ.

Мы выѣзжали изъ дома рано, часовъ въ 6 утра, и сдѣлавъ въ оборотѣ верстъ 30, по отличнымъ степнымъ дорогамъ, возвращались домой къ обѣду.

Замѣчательно интересны и, по-своему, поучительны эти поѣздки!

Солнце уже высоко поднялось на небѣ, давно ночная прохлада смѣнилась теплomъ, когда къ подъѣзду нашего флигеля подавалась тройка разномастныхъ маштаковъ, заложенныхъ въ старый тарантасъ. На козлахъ обыкновенно сидѣлъ кучеръ — калмыкъ, Максимка, или просто дворовый человѣкъ, бывшій садовникъ, а потомъ сдѣланный конюхомъ, котораго отецъ за невѣдомыя заслуги прозвалъ „морякомъ“; мы наскоро пили чай и садились въ тарантасъ, при чемъ я съ лѣвой стороны, а отецъ съ правой. Выбранивъ предварительно Максимку или „моряка“ за какую-нибудь видимую или невидимую неисправность въ упряжкѣ, или ужъ за слишкомъ видимую неаккуратность въ чисткѣ упряжныхъ лошадей, отецъ окончательно садился на свое мѣсто и говорилъ „пошелъ“, и тарантасъ выѣзжалъ мимо „бѣлой хаты“ со двора въ степь. Послав еще нѣсколько ругательствъ кучеру, отецъ облакачивался на палку и на время умолкалъ.

Дорога была гладкая и ровная, какъ паркетъ, но меня порядкомъ встряхивало отъ толчковъ и общей старческой дряхлости тарантаса, или, можетъ быть, со сна; послѣ теплой по-

стели, непривыкшій къ такимъ путешествіямъ, я сидѣлъ въ углу тарантаса согнувшись и предавался своимъ мальчишескимъ думамъ. Мнѣ была видно только лѣвая пристяжная, громадный бѣлый конь, доставшійся намъ отъ барышника Подкопаева; я видѣлъ заднія, длинныя ноги коня, ритмически отбивающія рысь, или порою, съ перемѣной аллюра, скачь; онъ высоко забиралъ передними ногами и неудержимой скачкой стремился впередъ, точно несъ на хребтѣ своемъ безстрашнаго всадника.

Коренникъ, обыкновенно изъ доморощенныхъ, сначала „Захарка“, а потомъ „Васька“, калмыцкой породы, приземистый и лѣнивый, бѣжалъ прижавши уши и мало обращая вниманія на хлесткіе удары со стороны недовольнаго чѣмъ-нибудь „моряка“. Третьей лошади я не помню.

За то отличался своей вѣрной, неизмѣнной службой нашъ коренникъ, пріобрѣтенный уже впослѣдствіи,—такъ называемый „Буланчикъ“, прозванный такъ за свою буланую масть и бѣлую, почти желтую гриву; калмыцкой породы, плотный и коренастый, онъ былъ истиннымъ иноходцемъ. Съ его иноходью подчасъ табунныя, верховыя лошади мѣрялись только рысью, или коротким галопомъ. Ни одна пристяжная, сколько ихъ ни имѣлось, не могла выносить его, по истинѣ, замѣчательной иноходи! Была только одна лошадь во всемъ заводѣ съ замѣчательной иноходью, но о ней я скажу позже.

Тарантасъ тихо катился, встряхиваясь по ровной дорогѣ. Отецъ, въ тепломъ пальто и форменной казачьей фуражкѣ, былъ погруженъ въ свои думы, по временамъ вглядываясь вдаль, а я отъ нечего дѣлать смотрѣлъ по сторонамъ.

Въ четверти версты отъ дома пролегала большая солевозная дорога, трактъ, или шляхъ, ведшая отъ насъ на югъ, черезъ степь, въ станицу Великокняжескую, или Кара - Чеплики, а на западъ, черезъ мостикъ на Хомутцѣ — въ Ростовъ/Д.

Съ ранней весны по ней тянулись непрестанныя валки (обозы) чумаковъ съ соленой рыбой (таранью), хлѣбомъ и солью, везшіе всѣ эти товары съ береговъ Волги въ Ростовъ. Ихъ тяжелые, таврическіе волы требовали корма и водопоя, а гдѣ его взять, если и по близости воды нигдѣ нѣтъ? — Они знали, что у насъ есть прудъ, да и кормъ, не то, что на отведенной при дорогѣ полянѣ, совершенно выбитой проходящимъ скотомъ и выжженной солнцемъ.

„Стой“, раздалось изъ тарантаса; кучеръ остановился; отецъ замѣтилъ отдыхавшую валку.

„А сколько головъ?"—„Да безъ одного сотня валівъ", раздалось въ отвѣтъ; „ну, давайте 99 копѣекъ", сказалъ отецъ.

Чумаки и рады такой цѣнѣ: они за рубль отлично здѣсь напоятъ усталыхъ воловъ и двинутся далѣе въ дорогу.

„А попасти же можно",—раздается далѣе.

„Пасите, тогда заплатите по двѣ копѣйки за голову".

Хохолъ лѣзетъ въ кошель и отдаетъ деньги.

„Пошелъ", кричитъ вновь отецъ, и мы катимся далѣе.

Отецъ въ своихъ поѣздкахъ всегда ѣздилъ съ колоколами.

За солевозной дорогой начинается уже степь.

По бокамъ виднѣются старыя пашни и поля ржи и пшеницы; далѣе овесъ, ячмень и гречиха.

Направо виднѣется хуторъ Харченко, съ вѣтряной мельницей на косогорѣ.

Мы еще долго ѣдемъ по узкому мѣсту нашего участка, по топорищу, и только черезъ 12 верстъ, переѣхавши двѣ балки (овраги) Куцую и Сухую, приближаемся къ широкому мѣсту участка — балкѣ Терновой, — гдѣ расположены калмыцкія кибитки, гдѣ водопой для лошадей, четыре колодезя въ самой глубинѣ балки, откуда возятъ намъ воду, и широкій прудъ для скота и овецъ. Этотъ прудъ устроенъ также искусственно, изъ снѣговой воды, но онъ имѣетъ также свои ключи, отчего вода въ немъ всегда свѣжая и холодная.

Отецъ приказываетъ остановиться, и мы выходимъ изъ тарантаса.

Ужъ близко полдень; палитъ невыносимый зной.

Лошадей кусаютъ мухи, и онѣ отбиваются отъ нихъ головою, ногами и хвостомъ; коренникъ трясетъ головой, отчего колокола на дугѣ слегка позванивaютъ.

Мы идемъ навстрѣчу табуну, приближающемуся къ водопою. Теперь лошади уже подошли къ Терновкѣ и пускаются къ колодезямъ отдѣльными партіями, штукъ по 50, а остальныя терпѣливо дожидаются своей очереди, сдерживаемыя однимъ коннымъ табунщикомъ.

Весело смотрѣть, какъ лошади, большія и жеребята, привычнымъ шагомъ идутъ пить хорошую и холодную воду.

Жеребята шалятъ, брыкаются и, напившись у корыта, поднимаются на крутой, противоположный берегъ балки.

Къ концу обязательно подъѣзжаетъ старшій табунщикъ, Манца, и, слѣзши съ лошади, безъ фуражки, докладываетъ отцу о всѣхъ новостяхъ въ табунѣ, о благополучіи, цѣлости лошадей,

о больныхъ и т. п., о всемъ касающемся табуна. Отецъ все выслушиваетъ, видимо довольный, и продолжаетъ смотрѣть все новыя и новыя партіи, идущія къ корыту.

Такъ мы стоимъ часа два. Манца уже уѣхалъ по своимъ дѣламъ и обязанностямъ, а мы все смотримъ, пока не напьется послѣдняя лошадь; тогда мы вновь переходимъ къ табуну напоенныхъ лошадей и вновь смотримъ, пока Манцѣ не будетъ сказано все нужное и ненужное, и осмотръ, наконецъ, оканчивается. Передъ отъѣздомъ отецъ достаетъ изъ тарантаса два черныхъ хлѣба и передаетъ Манцѣ для младшихъ табунщиковъ, или „ребятъ“, какъ называлъ ихъ отецъ. Это для нихъ своего рода лакомство, ибо они своего хлѣба не пекутъ и питаются разными болтушками и прочимъ варевомъ, изготовленными имъ ихъ калмыками на таганѣ, въ кибиткѣ. Для этого каждый табунщикъ получаетъ изъ двора такъ называемое „мѣсячное“—пудъ ржаной муки, пудъ пшена, немного соли и два черныхъ хлѣба.

Конечно, этого запаса не хватаетъ на мѣсяцъ для пропитанія взрослаго человѣка, его жены и семьи, и имъ предоставляется самимъ изобрѣтать для себя пищу.

Калмыки народъ грязный и невзыскательный на пищу, онъ ѣстъ все, не исключая даже павшей скотины, овцы и лошадей.

Младшихъ „ребятъ“ у насъ было 5 человѣкъ. Это очень ограниченное число сторожей для такого обширнаго табуна, какъ 1.000 головъ, объясняется тѣмъ, что лѣтомъ волковъ въ степи нѣтъ, похитителей тоже нѣтъ, а слѣдовательно, охрана табуна не представляетъ какихъ-либо затрудненій, а зимою табуны сгоняются ближе къ дому, въ густые камыши рѣки Маныча, или загоняются отъ бурановъ и мятелей въ особое помѣщеніе съ крышей по краямъ, называемое „базами“.

Удивительный народъ эти калмыки. Не слѣзать цѣлый годъ съ лошади, питаться кое-чѣмъ, напоить 1.000 головъ изъ колодезей, доставая оттуда своими руками цебрами, подчасъ въ невыносимый зной полуденнаго солнца, градусовъ въ 50 по Р. и при этомъ знать, что вся эта цѣнная громада лежитъ на его отвѣтственности, получая за все 60 рублей въ годъ,—это уже свыше силъ человѣка!

Найдите-ка для такой каторжной работы любого русскаго, или солдата, или казака, всегда все выносящихъ, да онъ пропадетъ въ первый мѣсяцъ!

Да калмыкъ неприхотливъ и въ своей частной жизни. Разумѣется, если взять простого, обыкновеннаго, бѣднаго кал-

мыка, какими были наши табунщики. Его кибитка—все и есть его имущество.

Вы входите въ кибитку, сдѣланную изъ полстей и войлока, и васъ прежде всего поражаетъ непріятный запахъ, ибо воздухъ здѣсь пропитанъ дымомъ; посреди кибитки стоитъ всегда таганъ съ огнемъ, мѣсто, у котораго калмыки всегда варятъ себѣ пищу. Вверху полсть немного пріоткрыта, и получается отверстіе для дыма. Топливомъ служатъ „кизеки“ — вырѣзанные лопатой квадраты изъ земли, мелкой соломы и лошадинаго или коровьяго помета, мѣста зимнихъ стоянокъ калмыка. Дымъ отъ кизековъ противный и ѣстъ глаза. По стѣнамъ кибитки стоятъ кровати и сундуки, напиханные зимней и лѣтней одеждой калмыка и его семьи.

Въ кибиткѣ васъ встрѣчаетъ калмычка, молодая и толстая баба, въ своемъ оригинальномъ костюмѣ, — синемъ сарафанѣ, съ красными тесемочками кругомъ и съ толстыми косами, заплетенными въ двѣ пряди и покоющимися на груди, въ черныхъ бархатныхъ чехлахъ и въ шапкѣ, ничѣмъ не отличающейся отъ мужской.

Калмыки очень гостепріимны. Гость непремѣнно садится около тлѣющаго костра, на корточкахъ.

Около кибитки, еще до входа въ нее, вы видите двухъ или болѣе ребятишекъ, прыгающими кругомъ голыми; нѣсколько поодаль стоитъ спутанная лошадь или корова, у кибитки стоитъ привязанный теленокъ.

Спустя немного, калмычка нацѣживаетъ въ деревянную миску изъ высокой кадушки „арьяна“ и подаетъ вамъ въ той же мискѣ. „Арьянъ“ — это питье изъ кобыльяго или коровьяго молока, очень остраго вкуса; въ лѣтніе дни отецъ и я всегда спрашивали этого арьяну, онъ пріятенъ на вкусъ и хорошо утоляетъ жажду.

Въ свои праздники калмыки приготовляютъ еще другой напитокъ „араку“ — очень крѣпкій, хмельный и непріятный на вкусъ, напоминающій смѣсь нашей водки съ теплою водою.

Калмыки же очень любятъ его и напиваются имъ до одуренія, но все же больше уважаютъ русскую водку и пьютъ ее стаканами, не разбирая что.

Религія калмыковъ—буддизмъ, съ примѣсью шаманства. „Гелюнъ“ — калмыцкій попъ — личность, встрѣчаемая нерѣдко и въ нашихъ Задонскихъ степяхъ,—неприкосновенная. Онъ пріѣзжаетъ сюда изъ „хорула“, — мѣстопребыванія высшихъ ду-

ховныхъ лицъ и архіерея—по духовнымъ своимъ требамъ; ходетъ всегда въ ярко-аломъ халатѣ и маленькой шапочкѣ, и отличается необыкновенною алчностью до денегъ: когда гелюнъ пріѣзжаетъ, напр., къ больному и послѣдній умретъ при немъ, то, по обычаю половина его имущества, въ чемъ бы таковое ни заключалось, переходитъ обязательно къ гелюну.

Калмыки вообще народъ лѣнивый и легковѣрный, трусоватый и вороватый до невозможности. Въ мое время рѣдко кто не попадалъ въ тюрьму за кражу. Да и какъ было устоять, когда все имущество сдано на личную его отвѣтственность и добросовѣстность.

Мы опять въ тарантасѣ, и отецъ приказываетъ кучеру завернуть къ расположенному недалеко, въ этой же балкѣ Терновкѣ, пруду, гдѣ совершался водопой другого громаднаго стада рогатаго скота, 600 головъ.

Водопой уже кончился, осмотръ уже короткій, и, Шевалдыкъ, старшій гуртовщикъ, также спѣшившись съ коня и снявъ свой картузъ, какъ и Манца, докладывалъ про скотину и пр.

Отецъ также остался доволенъ и далъ ему также хлѣбъ.

Коровы и быки всѣ темно-красные, какъ божьи коровки, широко расползлись по зеленой травѣ.

Солнце было уже въ полдень и сильно припекало. Я чувствовалъ уже голодъ и подумывалъ объ обѣдѣ, а домой возвращаться нужно было 12 верстъ.

Отецъ приказалъ повернуть тарантасъ налѣво, и мы проѣхали версты три, какъ раздалось „стой“.

Отецъ всталъ въ срединѣ тарантаса и, всматриваясь зоркимъ взглядомъ въ окрестность, наконецъ произнесъ: „а, вотъ, гдѣ они!“—„Поѣзжай прямо безъ дороги“,—и тройка повернула шагомъ прямо по ровной степи, покрытой невысокой травой, которую пристяжныя, нагибая головы, хватали зубами и тутъ же на ходу жевали, отбиваясь отъ мухъ.

Тарантасъ медленно покачивало при неровностяхъ почвы, гдѣ-то вверху заливался жаворонокъ; въ сажени отъ тарантаса откуда-то вылетѣла стрепетка и, хлопая крыльями, черезъ небольшое разстояніе, опять упала въ траву. Мы приблизились къ отарѣ овецъ.

Издали онѣ казались бѣлою кучкою на зеленомъ фонѣ травы! Вблизи онѣ стояли, сбившись въ общую кучу, опустивъ головы и спасаясь отъ жары.

Старый Прохоръ, главный овчаръ, или чабанъ, подошелъ, къ намъ и снялъ фуражку, держа въ рукахъ длинную палку

или герлыгу, съ деревянной петлей на концѣ (приспособленіе для ловли овецъ за заднюю ногу) и дѣлалъ отцу свой докладъ.

Внѣшность Прохора была типична: средняго роста, но необыкновенно широкій мужчина, онъ неизмѣнно всегда былъ въ одномъ костюмѣ: широкіе штаны, заправленные въ сапоги, цвѣтная жилетка, на шеѣ обязательно какой-нибудь цвѣтной ситцевый платокъ, грязный отъ пота; у пояса на серебряной пряжкѣ виситъ рогъ съ дегтемъ и синимъ камнемъ, непремѣнными принадлежностями чабана, и безчисленнымъ количествомъ деревянныхъ палочекъ и лопаточекъ для выковыриванія червей.

Тутъ же стояла чабанская арба (возъ), запряженная парою воловъ съ воткнутыми по угламъ палками съ пучкомъ ковыля, бѣлаго цвѣта, и привязаннымъ сзади корытомъ для корма собакъ.

Арба—это домъ для чабана; онъ складываетъ туда провизію, муку, пшено для каши и хлѣбы, тамъ же помѣщается его незатѣйливая одежда, разныя вещи и пр.

Для чего, именно, она украшается такими странными принадлежностями, какъ палки съ ковылемъ, — я не могъ добиться объясненія. Чабаны говорили, что это отъ волковъ, но врядъ-ли, ибо волковъ въ степи лѣтомъ не видно, да они и не побоялись бы такого украшенія, а просто это—эмблема чабанской жизни, признанная необходимостью каждой чабанской арбы.

Когда мы проѣзжали мимо арбы, на насъ бросилась съ лаемъ большая, бѣлая собака, едва отогнанная чабаномъ отъ лошадей.

Чабаны водятъ собакъ и едва-ли не щеголяютъ этимъ.

Мы повернули къ зимовнику и черезъ два часа были уже дома.

IV.

Мы принадлежали къ приходу хутора Веселаго, находящагося въ 12 верстахъ, по лѣвую сторону Хомутца, по дорогѣ въ городъ.

Хуторъ, какъ и всѣ казачьи хутора, былъ небольшой. Съ краю стояла небольшая деревянная церковь и около нея дома двухъ священниковъ прихода о. Петра и о. Еремѣя.

О. Петръ былъ небольшого роста и страшно жиренъ, съ ухватками и голосомъ протодіакона, такъ какъ ранѣе, до посвященія, онъ занималъ должность протодіакона Новочеркасскаго каѳедральнаго собора. Это былъ въ сущности добрый и ласковый

въ обращеніи священникъ, но, живя постоянно среди казаковъ и хохловъ, составляющихъ главную массу его прихода, опустился и запилъ, поглощая ежедневно чуть не ведро водки, и часто, въ особенности зимой, служилъ обѣдню въ явно нетрезвомъ видѣ.

Прихожане сначала возмущались этимъ, но потомъ, привыкнувъ къ его постоянному пьянству, не обращали ужъ на это никакого вниманія.

Другой о. Еремѣй,—былъ трезвый человѣкъ, потреблялъ водку во время и умѣренно, за что и пользовался симпатіями трезвыхъ прихожанъ.

Помню, какъ-то они оба—и о. Петръ и о. Еремѣй были приглашены къ намъ въ домъ отслужить молебенъ, и про нихъ мои сестры сложили стихи:

Ахъ, ахъ, Петръ Романычъ
Прикатилъ ты къ намъ на Манычъ,
Чтобы покутить!
А отецъ Еремѣй,
Тотъ-то съ цѣлью поумнѣй
Чтобы погостить!

Мы рѣдко ѣздили въ церковь, и когда собирались, то закладывалась четверкою большая дорожная бричка и мы вчетверомъ—мама, нянька Анастасья, сестра Маня и я торжественно выѣзжали въ ней въ церковь, для чего нужно было встать часовъ въ 6 утра.

Изъ сосѣдей коннозаводчиковъ къ намъ рѣдко кто пріѣзжалъ въ гости.

Бывало изрѣдка заѣзжали къ намъ, да и то по дорогѣ въ городъ,—мои двоюродные братья, Саша и Вася Золотаревы. Ихъ желтая, соломенная найтачанка, запряженная парою лошадей, производила во мнѣ эффектъ, точно я видѣлъ людей изъ другого міра. Въ найтачанкѣ, сбоку, всегда лежало—предметъ моихъ вожделѣній—центральное ружье,—съ которымъ Саша показывалъ мнѣ „фокусы“, стрѣлялъ коршуновъ и даже дикихъ утокъ.

Особенно памятенъ мнѣ милѣйшій сосѣдъ нашъ, Павелъ Никитичъ Сидоровъ. Высокій, съ огромною черною бородой и усами, онъ всегда пріѣзжалъ къ намъ верхомъ, съ длинною вуалью на соломенной шляпѣ. Онъ былъ какъ-то медлителенъ въ движеніяхъ, говорилъ низкимъ басомъ, прищуривая небольшіе, каріе глаза, точно мечталъ о чемъ-то; былъ односло-

женъ въ разговорѣ, курилъ изъ камышеваго мундштука крученыя, самодѣльныя папиросы и любилъ острить, въ особенности, когда разговаривалъ съ барышнями,—моими сестрами.

Когда, напр., старшій табунщикъ, Таза, говорилъ о примѣтахъ какой-нибудь пропавшей лошади, то первымъ дѣломъ нужно было назвать масть этой лошади. Таза, не зная хорошо русскаго языка, скороговоркой твердилъ: „звѣздочка, бѣлогубчикъ, подъ нимъ два нога“, и продолжалъ далѣе говорить, не упоминая о цвѣтѣ масти.— „А масти какой“, безстрастнымъ, грознымъ голосомъ спрашивалъ Павелъ Никитичъ, глубоко затягиваясь папиросой.—Такими, и подобными фразами Павелъ Никитичъ составилъ себѣ авторитетъ, а фраза „масти какой“ пріобрѣла себѣ права гражданства.

Другимъ сосѣдомъ и благожелателемъ нашимъ былъ симпатичный старикъ, Семенъ Ильичъ Грузиновъ, толстый, на коротенькихъ ножкахъ; ходилъ онъ всегда въ широкомъ сюртукѣ изъ сѣрой парусины, курилъ также изъ камышины и имѣлъ небольшія баки.

Онъ очень любилъ меня и по моей просьбѣ подарилъ мнѣ съ своего зимовника небольшую лодку для плаванія по ставу.

У насъ не было лодки, а у меня ужъ давно возникъ планъ въ головѣ, какъ-нибудь да устроить себѣ „мореплаваніе“ на ставу; сдѣлать лодку было некому, а покупать готовую негдѣ и дорого, для этого нужно было посылать въ Ростовъ пару воловъ и человѣка, что̀ не всегда было удобно.

Я собиралъ ненужныя доски и строилъ себѣ плотъ, изображая Робинзона Крузо, или просто таскалъ для этого отъ стараго недостроеннаго дома въ саду ставни отъ оконъ. Мнѣ въ одну душу хотѣлось устроить такой плотъ, чтобы онъ дымилъ, на подобіе парохода.

Я набралъ съ мальчишками во дворѣ кирпичей; устроилъ на плоту подобіе печи, и когда вся механика была готова, и изъ трубы повалилъ дымъ, я внѣ себя отъ радости, стоя на плоту, отпихнулъ его отъ берега длиннымъ шестомъ, и въ то же время плотъ, отъ тяжести нагруженныхъ на него кирпичей, сталъ медленно погружаться на дно, такъ что я вымокъ до пояса.

Или добывалъ себѣ большое бѣльевое корыто и съ успѣхомъ разъѣзжалъ въ немъ по всему ставу, при чемъ весломъ служила обыкновенная лопата, которой сажали хлѣбы въ печь. Я даже каталъ какъ-то въ немъ по ставу гостившую у насъ

старую свою тетку, Александру Акимовну, съ опасностью для жизни насъ обоихъ.

Тетка часто потомъ вспоминала это катанье и много смѣялись надъ нимъ.

И много анекдотовъ ходило тогда о моемъ мореплаваніи.

И вотъ я какъ-то упросилъ сначала Ильича дать, а потомъ отца послать за лодкой; торжественно была заложена пара воловъ въ арбу, а старому дѣду Герасиму дано порученіе съѣздить къ Грузинову и привезти оттуда лодку. Что-то, кажется, на другой день къ обѣду вернулась пара воловъ и лодка была спущена на воду. Грузиновъ прислалъ лодку при слѣдующемъ письмѣ:

—„Что ты, Миша, плачешь?—
—„Лодочку хочу!
„Пошли, папа, къ Ильичу“ и т. д.

Лодка оказалась дырявою и страшно текла.

Я долженъ былъ при плаваніи на ней брать съ собой ковшъ, чтобы отливать воду, но тѣмъ не менѣе флоту тогда дано было основаніе.

Счастливое воспоминаніе счастливаго дѣтства!

Напротивъ зимовника, въ полуверстѣ разстоянія, черезъ балку Хомутецъ и прудъ, былъ расположенъ кабакъ хохла Павла Муштатова, котораго всѣ хохлы и рабочіе прозвали за что-то „Шнуркомъ“, и это прозвище навсегда осталось за нимъ.

Въ лѣтніе мѣсяцы, по воскресеньямъ, у него всегда бывала ярмарка нанимающагося люда рабочихъ и косарей, русскихъ и хохловъ; собиралось до 3.000 народа.

Съ утра до насъ достигалъ шумъ и говоръ этой толпы, которая бранилась, рядилась и тутъ же запивала магарычи, нанявшись къ какому-нибудь коннозаводчику. Весь лугъ покрывали палатки, запряженныя лошади, телѣги и люди, ожидающіе найма.

Къ вечеру этотъ гамъ немного стихалъ, и люди отправлялись къ мѣсту назначенія. Водки выпивалось неимовѣрное количество къ удовольствію самого Шнурка, непремѣнно являвшагося къ намъ по окончаніи дня.

Откуда онъ былъ родомъ—неизвѣстно.

Его маленькая, юркая физіономія, вѣчный хохлацкій говоръ и быстрыя движенія указывали, что это архи-плутъ

и связываться съ нимъ было небезопасно. Недаромъ хохлы говорили про него, что онъ водку мѣшаетъ съ водой и продаетъ за чистую.

Не знаю, гдѣ и чѣмъ онъ теперь! Но въ то время все богатѣлъ и шелъ шибко въ гору...

У насъ на зимовникѣ было много рабочихъ и во дворѣ и въ полѣ.

Полевые рабочіе были и поденные, и работали отъ десятины; косили траву „отъ круга", при чемъ хохлы изумляли своимъ счетомъ и знаніемъ геометріи простой, практической; народа въ полѣ было во время сѣнокоса человѣкъ 200—300.

Дворовые рабочіе нанимались обыкновенно въ два срока: отъ Троицы до Покрова и отъ Покрова до Троицы.

На Троицу пригоняли партію человѣкъ въ 40 и распредѣляли ихъ кого плотникомъ, кого конюхомъ, кого простымъ рабочимъ. Цѣны были—40, 50 рублей на срокъ. Дѣвки и бабы шли въ половину.

Среди рабочихъ былъ нѣчто въ родѣ приказчика, или старшины, Иванъ Михайловичъ Павлоцкій, мужчина высокій, среднихъ лѣтъ, блондинъ. Онъ жилъ у насъ лѣтъ 10, получая жалованья болѣе 100 рублей.

Главнымъ приказчикомъ былъ Иванъ Семеновичъ Мазница, хитрый хохолъ, средняго роста, съ большой окладистой бородой, ѣздившій постоянно верхомъ и перепортившій не одну лошадь. Онъ получалъ жалованья 200 рублей въ годъ.

Не могу не помянуть еще объ одномъ замѣчательномъ типѣ, еще встающемъ въ моей памяти.

У насъ въ городѣ былъ домъ, съ широкимъ дворомъ и прелестнымъ абрикосовымъ садомъ.

Такъ какъ послѣдній былъ посаженъ и выхоженъ моимъ старшимъ братомъ, то охрана плодовъ въ лѣтніе мѣсяцы лежала единственно на немъ. Братъ былъ больной человѣкъ и постоянно жилъ въ городѣ.

Какъ-то лѣтомъ, въ особенно урожайное и воровливое на абрикосы время, брату удалось заполучить непосредственнаго сосѣда нашего, Ивана Александровича Данилова, мальчика лѣтъ 18, и онъ пригласилъ его караулить садъ.

Мальчикъ оказался смышленый, и отецъ, пріѣзжая въ городъ, обратилъ на него вниманіе, называя сначала его Лекокомъ, ибо у Данилова была способность быстро отыскивать пропащую вещь,—а потомъ и Поль-де-Кокомъ. Отецъ не зналъ

французскаго языка, и у него всѣ французскія фамиліи шли подъ одно.

Спустя нѣкоторое время Данилова отецъ взялъ на зимовникъ, сначала конторщикомъ, затѣмъ приказчикомъ и, наконецъ, Даниловъ, все повышаясь, послѣ смерти отца, сдѣлался управляющимъ Кирсановскаго завода.

Великіе люди всегда начинаютъ свою карьеру съ маленькаго!

Но нужно отдать Данилову полную справедливость, онъ честно и преданно служилъ намъ и, хотя ушелъ отъ насъ по продажѣ зимовника, богатымъ человѣкомъ, съ большими деньгами, рогатой скотиной и земледѣльческими орудіями,—это только благодаря своимъ трудамъ и подаркамъ, щедро отсыпаемымъ ему мною и братомъ.

Иванъ Александровичъ былъ человѣкъ средняго роста, съ усами и безъ бороды; бороду онъ тщательно брилъ; говорилъ тихимъ голосомъ; лицо—чисто казачье, типичное, съ небольшими карими глазами.

Меня и брата онъ неизмѣнно называлъ „владѣлецъ“.

Помню страшную катастрофу, разразившуюся 15 мая 1876 г. Я только-что поступилъ въ гимназію и по слабости здоровья былъ оставленъ на второй годъ въ томъ же, 2-мъ классѣ. Экзаменовъ я не держалъ, а потому отецъ меня взялъ сейчасъ же послѣ Пасхи на зимовникъ.

Послѣ обѣда отецъ легъ отдохнуть, а мать была въ палисадникѣ, гдѣ развѣшивали бѣлье.

День былъ не жаркій, пасмурный, но въ воздухѣ чувствовалась какая-то тяжесть.

Я одѣлъ свое старенькое пальто и пошелъ по доскѣ черезъ палисадникъ, мимо матери, въ конюшню, гдѣ пробылъ минутъ 10, а оттуда въ рабочій сарай, гдѣ я постоянно бывалъ и гдѣ у меня были пріятели-плотники. Едва я вошелъ въ сарай, какъ вдругъ поднялся сильный вѣтеръ и крышу сарая снесло въ одинъ моментъ. На моихъ глазахъ вся конюшня вдругъ упала въ сторону, противоположную отъ двора, и мы, т.-е. я и плотники, принуждены были укрыться въ близъ лежащей избѣ черезъ открытое окно.

Сначала пошелъ сильный дождь, потомъ градъ, да такой крупный, что, мнѣ казалось, градины были величиною съ куриное яйцо, я по крайней мѣрѣ потомъ ужъ не видѣлъ ничего подобнаго.

Шумъ и грохотъ отъ града, отъ бушующаго вѣтра былъ

невообразимый. Нашъ дворъ превратился во что-то ужасное; потоки воды и кучи града превратили его во что-то бѣлое, безконечное; я видѣлъ изъ окна избы, что уровень бушующей воды достигалъ аршина въ высоту.

Ужасный градъ и дождь продолжались не менѣе получаса, а затѣмъ градъ сталъ мельче, дождь тоже рѣже, — высокая масса воды сбѣжала со двора, и намъ представилась возможность выйти изъ своего убѣжища.

Шлепая по грязи въ штиблетахъ, я едва достигъ дома.

Мать была уже въ бѣлой кухнѣ, въ полуобморочномъ состояніи. Оказалось, что она, видя въ первый моментъ, какъ завалилась конюшня, и не замѣтивъ за минуту до того моего перехода изъ конюшни въ сарай, рѣшила, что меня придавило упавшею конюшней, и какъ была, бросилась туда, бредя по поясъ въ водѣ. Ее бабы, увидя бредущую, уволокли въ бѣлую кухню.

Отецъ проснулся отъ грохота града и сидѣлъ на постели видимо не зная всего происшедшаго.

Много хлопотъ и убытка дала намъ эта буря... Тяжелыя, воловьи арбы, что стояли около недостроеннаго дома, силою вѣтра вынесло далеко впередъ, и тѣ, которыя успѣли проскочить между амбаромъ и каретнымъ сараемъ, были далеко, нѣкоторыя даже на гумнѣ, въ полуверстѣ разстоянія; пастуху, мальчику, бывшему съ коровами за гумномъ, пробило голову; нѣсколько овецъ было убито въ полѣ. Къ счастію, никто изъ людей не убитъ; бывшіе въ конюшнѣ кучеръ и конюхъ спаслись тѣмъ, что сидѣли въ конюшнѣ около самыхъ открытыхъ дверей, и стѣна, падая, накрыла ихъ пустымъ пространствомъ. Лошади какимъ-то чудомъ уцѣлѣли въ конюшнѣ.

Но кому больше всего пришлось,—это дикой птицѣ на широкихъ лиманахъ рѣки Маныча.

Тутъ, очевидно, разразился центръ всего свѣтопреставленія. Довольно высокій и густой камышъ весь помолоченъ былъ какъ на посадѣ. Утки, гуси, гагары, кулики и большіе пеликаны буквально устилали собой неглубокую воду. Не говоря ужъ объ убитой, но и покалѣченной, — съ пробитою головою, съ переломанными крыльями и ногами птицы — оказалась масса. Я потомъ встрѣчалъ цѣлые обозы, арбъ въ 5—6 хохловъ съ поселка и на вопросъ, куда ѣдете, мнѣ отвѣчали: „на Манычъ за птицей“!

Да, много бѣдъ сотворило и много памяти оставило это ледовое побоище 15 мая 1876 года!..

V.

Ранѣе я помянулъ, что за лодкой къ Грузинову былъ посланъ Герасимъ.

Этотъ Герасимъ былъ старикъ неопредѣленныхъ лѣтъ, маленькій, жиденькій, съ остатками бороды, брюнетъ съ довольно сильной просѣдью, съ маленькими черными глазами и съ плутоватымъ выраженіемъ лица.

Онъ былъ и плотникомъ, и птичникомъ, и садовникомъ, и, наконецъ, былъ водворенъ на лѣто въ старый садъ караульщикомъ.

Дружба съ Герасимомъ была у меня большая. Сидитъ онъ, бывало, себѣ подъ деревомъ и ничего не дѣлаетъ. Старая привычка къ топору у него все же осталась, и онъ по временамъ бралъ топоръ и мастерилъ разныя нужныя и ненужныя вещи: крышки для горшковъ съ молокомъ, какіе-то ящики и пр. У него были всевозможные плотничьи инструменты.

Герасимъ все это умудрялся хранить въ маленькомъ деревянномъ ящикѣ, съ пробоемъ и замкомъ, гдѣ вмѣстѣ съ инструментами лежали также его двѣ или три рубашки и столько же шароваръ.

На деревѣ же неизмѣнно висѣло его ружье, длинная одноствolка, съ перевязаннымъ веревкой ложемъ. Старикъ былъ большой охотникъ пострѣлять. Стрѣлялъ онъ рѣшительно все: начиная съ дикой утки, до которой ему ничего не стоило дойти два шага до пруда, и кукушки въ саду, да чужой собаки.

Убьетъ онъ, положимъ, кукушку, и если это въ постъ, Петровки или Спасовку, то не съѣстъ ее сейчасъ, завернетъ въ тряпочку и положитъ на дерево. До розговѣнья остается еще недѣли три, а кукушка лежитъ на деревѣ, о чемъ онъ таинственно мнѣ докладывалъ.

Мнѣнія о себѣ, или вѣрнѣе, о своихъ понятіяхъ и способностяхъ, онъ былъ высокаго.

Все сдѣланное не имъ, или безъ его указаній и руководства,—не годилось никуда.

Помню я, какъ-то къ одному богатому хохлу въ поселокъ черезъ прудъ привезли молотильную машину. Машину пустили въ ходъ, и къ намъ въ садъ доносился шумъ и гулъ отъ работы. „А онъ неправильно работаетъ“, сказалъ дѣдъ Герасимъ.

— „Почему неправильно, и кто онъ“?

— „Машинистъ неправильно машину поставилъ“ отвѣчалъ дѣдъ Герасимъ, дѣлая неопредѣленный жестъ рукой по направленію машины, „я по гулу слышу“.

Что я могъ ему возразить, самъ не видѣвшій никогда машины?!.

Я оставилъ старика въ его мнѣніи и заблужденіи.

Ко мнѣ часто пріѣзжалъ мой сосѣдъ, Костя Карасевъ, мой однолѣтникъ и одноклассникъ. Пріѣзжалъ онъ обыкновенно послѣ обѣда, когда отецъ ложился отдыхать,—верхомъ, на великолѣпномъ воронымъ аргамакѣ и съ ружьемъ,—главная моя приманка; ружье было его отца, съ украшеніями, дорогое, съ блестящими курками и такимъ же замкомъ, шомпольная двухстволка.

Мы тотчасъ же отправлялись къ дѣду Герасиму стрѣлять по очереди коршуновъ и другую птицу.

Карасеву давали ружье, и вообще онъ охотился оффиціально, я же считался малымъ и мнѣ было пока запрещено это удовольствіе.

Пострѣлявши немного, мы шли къ дому.

Вдругъ надъ нами раздался какой-то шумъ, я посмотрѣлъ вверхъ: три великолѣпныхъ журавля, широко распластавъ крылья, какимъ-то образомъ очутившись здѣсь, летѣли по направленію къ пруду.

Я свѣта не взвидѣлъ, и какъ очередь стрѣлять была моя, схватилъ ружье и, ничего не помня, прицѣлился въ средняго, журавль упалъ. Я схватилъ громадную птицу за ноги и съ восторгомъ бросился бѣжать далѣе, къ дому.

Отецъ уже проснулся и сидѣлъ на крыльцѣ; я подбѣжалъ къ крыльцу и торжественно, показывая птицу, сказалъ: „это я убилъ“!

Отецъ, видя мое восторженное лицо, добродушно ухмыльнулся и прибавилъ „молодецъ“ и тутъ же, вѣроятно, рѣшилъ, что такому знаменитому охотнику нельзя оставаться подъ запретомъ и нужно ему купить ружье.

Вѣсть о моемъ знаменитомъ подвигѣ быстро облетѣла весь дворъ, и всѣ приходили смотрѣть журавля, убитаго „панычемъ“, уныло вытянувшаго ноги и взглядывавшаго на всѣхъ своимъ прострѣленнымъ глазомъ.

Изъ него вышли отличные щи, а мнѣ черезъ двѣ недѣли, когда отецъ поѣхалъ въ городъ, была куплена замѣчательная двухстволка, бельгійской работы, которая и сейчасъ у меня.

Такъ журавль рѣшилъ мою охотничью судьбу!

Съ этимъ ружьемъ я уже не разставался никогда. И до смерти отца и послѣ, я, уже взрослымъ человѣкомъ, охотился съ нимъ неизмѣнно.

У насъ въ степяхъ, при обиліи всевозможной дичи, не требовалось устраивать такъ называемой „охоты", съ компаніей, выпивкой и закусками; просто, часовъ въ 11 дня приказываешь заложить дрожки и ѣдешь въ степь на работы; ружье берешь съ собой.

Уже въ верстѣ отъ дома вспархиваетъ куропатка, или стрепетъ, дальше—больше, и двѣ пары есть, и довольно на обѣдъ или ужинъ.

Я никогда больше и не бивалъ, хорошо сознавая, что это лишнее.

И такъ каждый день, все хоть что-нибудь привезешь домой.

Особенно мнѣ нравилось пройти немного по старымъ пашнямъ.

12 часовъ дня.—Жара невыносимая.

Вы осторожно пробираетесь по заросшимъ жнивьямъ старой пашни; изъ куста въ двухъ шагахъ отъ охотника, тяжело поднимается вдругъ дрофа, она уже ваша.

Или стрепетъ поднимается, звеня крыльями, когда только не наступишь на него ногою.

Въ жару птица никогда не поднимается высоко, и саженей черезъ 15 — 20 опять упадетъ въ траву. Вотъ походишь полчаса по такой жарѣ, и пара уже готова.

Помню, я былъ какъ-то на пашнѣ. Полуденный воздухъ весь струился вдали, и неподвижные предметы принимали издали какія-то неясныя, фантастическія очертанія. — Вотъ виднѣется озеро (это въ нашей-то безводной степи), окруженное вербами, вѣтви которыхъ низко склонились къ водѣ, а за озеромъ разстилается селеніе или городъ; вотъ нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ стоятъ по берегамъ озера, и картина представляется—невиданная!...

А подойдешь ближе, оказывается, что это четыре или пять стоговъ сѣна, одиноко стоящіе въ степи...

Вся картина пропала... зато вдали опять четыре стога сѣна рисуютъ тѣ же очертанія. Это миражъ—столь распространенное явленіе въ Задонскихъ степяхъ.

„А подывитця, панычу, гдѣсь занялось", — говорилъ мнѣ хохолъ-работникъ и указалъ вдали столбъ чернаго дыма.

Столбъ разростался и видимо приближался къ намъ. Черезъ

часъ, два, огромные клубы дыма, закрывая солнце, распространились въ воздухѣ и казались свѣтло-оранжевыми.

Степные пожары у насъ не рѣдкость; начнется гдѣ - нибудь и пройдетъ громадное разстояніе, истребляя траву и скошенное сѣно въ стогахъ. Иногда степной пожаръ проходитъ 80 верстъ въ длину, достигая 2—4 верстъ въ ширину.

Единственная преграда ему—это дорога, которая или задерживаетъ его, или даетъ ему другое направленіе, или недостатокъ матеріала — сухой и пышной травы, — когда попадается такъ называемая „толока“.

Иногда пожаръ продолжается дня четыре и болѣе, затягивая всю степь дымомъ; и безъ того жара, а тутъ все же горячій воздухъ еще болѣе накалится, такъ что трудно бываетъ дышать.

Средства борьбы съ степными пожарами у насъ въ степяхъ довольно примитивны и ограничены; обыкновенно проводятъ плугомъ бороздъ 5—6 по границѣ участка, но это помогаетъ мало, особенно когда сильный вѣтеръ; жаръ отъ огромнаго пространства горящей степи бываетъ такъ силенъ, что трава по другую сторону запашки загорается уже не отъ пламени, а отъ жара; или опахиваютъ плугомъ стога сѣна, въ разстояніи саженей 4—5 отъ стога проводятъ плугомъ тѣ же 5—6 бороздъ.

Это болѣе надежное средство, потому что здѣсь ограждается каждый стогъ въ отдѣльности, и сила огня по скошенной травѣ, гдѣ стоятъ стога, уже не такъ велика; къ этому средству прибѣгаютъ къ сожалѣнію рѣдко, ибо, у кого много сѣна, стоговъ 100—200, извольте-ка опахать каждый стогъ въ отдѣльности вышеуказаннымъ образомъ, да еще въ іюльскую жару отрывать отъ работы паръ 6 воловъ, къ нимъ человѣкъ 10 народу, которые тутъ же варятъ себѣ обѣдъ или ужинъ; бывали случаи, сами же рабочіе пускаютъ пожаръ.

Отецъ по этимъ соображеніямъ никогда не опахивалъ стоговъ, и Богъ хранилъ насъ отъ пожара.

Я самъ, уже будучи чуть не 20 лѣтнимъ, пустилъ было пожаръ.

Какъ-то послѣ обѣда, въ жаркое время, приказчикъ нашъ, Павлоцкій, отправился на гумно „готовить токъ“, т. е. мѣсто для молотьбы катками и для поставки новыхъ скирдъ съ хлѣбомъ.

Я тогда не преминулъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ.

На старомъ гумнѣ трава была большая и густая, уже достаточно подсохшая для огня.

Нужно было выполоть пространство саженей въ 20 по поперечнику. Павлоцкій зажегъ траву, но она почему-то горѣла вяло и скоро потухла. Я набралъ старой соломы и бросилъ ее въ горящую траву. Какъ на грѣхъ, тутъ попалась ложбинка и огонь быстро пошелъ по ней. Дулъ небольшой вѣтеръ съ запада, по направленію къ усадьбѣ сосѣда Карасева.

Я не успѣлъ оглянуться, прошло, вѣроятно, секундъ 5, не болѣе, какъ пламя поднялось уже высоко и распространилось широко, захватывая все новые и новые кусты.

Я взглянулъ на Павлоцкаго — его лицо было серьезно и выражало скрытый страхъ.

Я тотчасъ же бросился къ старому току, гдѣ у насъ росли высокія, аршина въ 2 слишкомъ, конопли, и набравши пучекъ такихъ коноплей, сталъ ими забивать пламя.

Павлоцкій также сдѣлалъ себѣ пучекъ, и люди, бывшіе на работѣ, на старомъ гумнѣ, тоже замѣтивъ неестественный дымъ, прибѣжали на помощь, и общими усиліями пожаръ удалось погасить. Выгорѣла, должно быть, цѣлая десятина, или около того.

VI.

Выше я упомянулъ о рѣкѣ Манычѣ, границѣ нашего участка съ сѣвера и сѣверо-востока. Отъ зимовника до рѣки Маныча версты 4, не болѣе. Съ юго-востока на сѣверо-западъ тянется балка Ямута, впадающая выше въ балку Терновку.

Ямута не велика, верстъ 6, 7.

Не знаю почему, но это мѣсто нашего участка привлекало мои наибольшія симпатіи. Потому ли это, что въ этомъ мѣстѣ была сосредоточена вся масса болотной и степной дичи (куропатки), или общая сравнительная красота мѣстности, близость дома, откуда можно было постоянно заглянуть туда,—только Маныцкая обстановка дѣйствовала на меня успокаивающимъ образомъ.

Балка Ямута была отъ зимовника верстахъ въ двухъ.

Куда ни взглянешь — степь кругомъ, ширь и просторъ необъятные!

Вдали чуть виднѣются крыши строеній нашего зимовника и хохлацкаго поселка, въ другую сторону, въ туманной дали, обрисовываются крыши Карасевскаго зимовника; передъ глазами — ничего, только Ямута шумитъ своими камышами по самой балкѣ; коршунъ, хорошо распластавъ крылья, паритъ высоко и точно высматриваетъ себѣ добычу; бѣлокрылая чайка

и мартышки, залетѣвъ сюда отъ рѣки Манычи, рѣютъ въ прозрачномъ воздухѣ.

11 часовъ дня; солнце высоко стоитъ на небѣ и посылаетъ оттуда горячіе, нестерпимые лучи; высоко взвился жаворонокъ и поетъ свою неумолкаемую пѣсню!

Ямута шумитъ своими камышами!

Вотъ небольшой терновый кустикъ, и куропатка, спугнутая неосторожными шагами человѣка, испуганно вылетаетъ изъ куста и, остановленная раздавшимся въ тишинѣ выстрѣломъ, стремительно падаетъ въ траву.

Вотъ недалеко то мѣсто, гдѣ стоятъ отбитыя отъ табуна ремонтныя лошади, рослые, донскіе маштаки, ужъ привыкшіе къ одиночеству, сбившись отъ жары въ кучу и положивъ другъ на друга головы.

Вотъ вдали виднѣется какое-то бѣлое пятно на зеленомъ фонѣ высокой травы—это бараны, отбитые на лѣто отъ матокъ и обреченные тянуть одиночество до 1 ноября; они отъ зноя сбились въ кучу, вытянувъ морды въ одномъ направленіи и показывая подошедшему свои широкіе, жирные зады.

Еще дальше виднѣются коричневымъ пятномъ дойныя коровы—матери, штукъ 40, напоенныя, лѣниво разбросавшись на зеленой травѣ, и нѣкоторыя, очевидно, думающія о томъ, гдѣ теперь ихъ телята.

Тамъ кучка бракованныхъ мереньевъ и кобылъ съ жеребятами уныло бродятъ, недоумѣвая, почему они очутились здѣсь, на Ямутѣ, когда весь табунъ теперь въ широкихъ степяхъ Терновки.

Какъ видите, степь не одинока, не пустынна и заселена множествомъ четвероногихъ тварей, и вездѣ люди, пасущіе и охраняющіе этихъ тварей!

Но ѣдемъ дальше. Черезъ двѣ версты густой и сочной травы показываются берега рѣки Маныча.

Собственно, подъѣзжая, вы не видите ни самой рѣки, ни воды.

Манычъ рѣка очень капризная.

Притокъ рѣки Дона, она здѣсь только носитъ названіе рѣки.

Внѣ нашего участка, выше и ниже, она имѣетъ формы настоящей рѣки, узкой, съ берегами, покрытыми мѣстами вербой и тальникомъ, мѣстами даже красивой.

Въ нашемъ же участкѣ — это цѣпь громаднѣйшихъ лимановъ, до двухъ верстъ шириною, которыхъ перейти врядъ-ли

кому удавалось, частію заросшихъ совершенно камышами частію совершенно чистыхъ, представляющихъ собою огромное зеркало.

Эти лиманы являютъ изъ себя лѣтомъ средоточіе всевозможной болотной дичи, осенью и зимой—голодныхъ волковъ.

Общая линія береговъ на нашемъ участкѣ высока и обрывиста отъ весеннихъ разливовъ воды, такъ что приходится спускаться до первыхъ камышей, а дальше уже нужно идти пѣшкомъ въ высокихъ, непромокаемыхъ болотныхъ сапогахъ, ибо ступня ноги вся уходитъ въ почву.

Вода въ лиманахъ рѣки Маныча горькосоленаго вкуса.

Глубина воды четверть аршина и настолько же вязкаго ила.

Помню я свои похожденія по Манычу.

Днемъ, въ жару, хоть не ходи по камышамъ или чистой водѣ. Птица вся какъ-будто замерла и гдѣ-то прячется.

Зато самое раздолье охотнику на заряхъ, утренней и вечерней; птица тучами носится надъ камышемъ, и, бывало, бьешь ее вовсю; дикія утки всевозможныхъ породъ, гагары, болотные кулики и пр., а то попадаются и большіе пеликаны, снѣжно-бѣлаго цвѣта, съ длиннымъ, на подобіе ножа, носомъ.

Птица очень осторожна, и къ ней нужно умѣть подойти. При этомъ страшные, несосвѣтные комары, отъ которыхъ только спасаешь глаза папиросой.

Но курить непрестанно немыслимо, поэтому я натиралъ лицо гвоздичнымъ масломъ.

У насъ на лиманахъ никому постороннему стрѣлять было нельзя, развѣ попадется какой-нибудь мужиченка изъ хохловъ, съ связаннымъ бичевкой ружьемъ, и на того махнешь рукой.

Одного такого охотника я чуть было не застрѣлилъ случайно: дойдя до конца камыша, у чистой воды, я подкарауливалъ двухъ утокъ, которыя у противоположной стороны, тоже у камыша, выплывали мнѣ на мушку.

Разстояніе было саженей 20; едва дождался удобнаго момента и грянулъ выстрѣлъ, какъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ были утки, сзади нихъ, изъ-за камыша, подымается маленькая человѣческая фигурка, и слышенъ голосъ: „а я оздечки, мене трошки не вбили“.

Оказалось, онъ тоже караулилъ утокъ и не видѣлъ меня, какъ и я его.

Однажды, гуляя съ ружьемъ по камышамъ, я дошелъ до чистаго мѣста и задумалъ перейти вбродъ разстилавшуюся равнину воды; разстояніе казалось небольшое, не болѣе полуверсты. Я пошелъ, но попытка оказалась безполезною: я прошелъ по

жарѣ и зною уже четверть версты, усталъ и намокъ, а противоположный камышъ не приблизился нисколько и казался все на томъ же разстояніи, какъ и до ходьбы.

Жара и солнце обманули меня миражемъ.

Мнѣ говорили потомъ, что здѣсь болѣе трехъ верстъ ширины.

VII.

Хлѣба отецъ сѣялъ, несмотря на обиліе земли, немного. Даже самаго выгоднаго и доходнаго—озимой пшеницы,—идущей преимущественно на продажу, засѣвалъ десятинъ 60.

Овса, ржи (жита), пшеницы гарновки, ячменя и льна сѣялось въ количествѣ, едва достаточномъ для года, для содержанія двора и многочисленныхъ рабочихъ. Не любилъ отецъ удѣлять много вниманія этой отрасли степного хозяйства.

За то все, что сѣялось, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Павлоцкаго и Мозницы, бережно сохранялось и убиралось; каждое зерно было сохранено съ момента его посѣва до ссыпки въ амбаръ.

Все и сѣялось, и снималось, и продавалось своими средствами, безъ найма подводъ и воловъ.

Если выдавался урожайный годъ, то единственный продуктъ для продажи, озимая пшеница, находила себѣ сбытъ въ Ростовѣ и Нахичевани, гдѣ имѣлись богатѣйшія, хлѣбныя конторы. Туда, въ этотъ русскій Манчестеръ, свозилось все съ далекихъ береговъ Маныча и оттуда же привозилось все, необходимое для хозяйства.

Засѣвалось разнымъ хлѣбомъ десятинъ 110—120, и конечно съ 60 десятинъ озимой пшеницы нельзя было разсчитывать на громадные барыши, даже и въ очень урожайный годъ!

Мнѣ казалось прямо безбожнымъ сѣять такъ мало, и вотъ я послѣ смерти отца, ставши хозяиномъ, засѣялъ десятинъ 300 озимки и думалъ, что возьму неисчислимые съ того барыши. И годъ выдался хорошій, и хлѣбъ былъ недуренъ, а взялъ немного болѣе того, что отецъ бралъ съ 60 десятинъ!

Оказывается очень просто: отецъ дѣлалъ все, не дѣлая впередъ долга, и везъ въ контору свои пудовъ 600—800 озимки, такъ сказать, чистыми; а мы, молодые хозяева, умудрились тутъ много задолжать, хоть-бы тѣмъ же хлѣбнымъ конторамъ въ Нахичевани, гостепріимно раскрывающимъ свои кассы передъ необдуманными должниками во всякое время года!.. Хоть пришлось почесать въ затылкѣ, но уже было поздно!

Болѣе обезпечивающими были такъ называемые случайные доходы, не требующіе со стороны хозяина никакого труда, напр. „кермекъ“.

Кермекъ—корень, растущій въ степи, длиною до одного аршина, толщиною въ руку. Листья—широкіе. Я прежде принималъ его за обыкновенную траву, въ изобиліи расбросанную въ нашихъ Задонскихъ степяхъ.

Но вотъ, къ вамъ является какой-то бойкій, необыкновенно развязный господинъ, непремѣнно изъ мѣщанъ, и предлагаетъ вамъ сдать ему эту травку, цѣною до 15 рублей за тысячу.

Деньги вы получаете впередъ, рублей 300, а черезъ недѣлю мѣщанинъ является съ рабочими, и они начинаютъ свою работу, вооруженные маленькими лопатками, согнутыми внутрь, по подобіе чайной ложки; они роютъ кермекъ и, незамѣтно, какъ горы, образуются въ степи кучи кермека, издали принимаемыя за стога.

Кермекъ оказывается нужнымъ при дубленіи и выдѣлкѣ кожъ.

Первымъ пунктомъ условія съ мѣщаниномъ стоитъ тщательное забиваніе ямокъ.

Кермекъ сохнетъ все лѣто на жарѣ и осенью отвозится въ Ростовъ.

Меня всегда поражалъ трудъ такого кермешника: онъ отправляется въ степь съ восходомъ солнца, захвативъ съ собой только кусокъ чернаго хлѣба, а возвращается на ставку только вечеромъ, послѣ захода солнца, гдѣ и ѣстъ горячую пищу.

Кермешниковъ бывало въ лѣто человѣкъ 20, это преимущественно хохлы изъ Таврической губерніи, народъ мирный и неприхотливый.

Ремонтными зовутся лошади мужского пола—меренья по третьему году, и къ этому времени отдѣляются отъ общаго табуна и пасутся отдѣльно, у насъ на Ямутѣ.

Уже осенью имъ приходится становиться въ ряды русской, или иной какой-либо кавалеріи и нести труды, сопряженные съ военной службой.

До того времени, не зная ничего кромѣ родной степи, не имѣя на себѣ никакой узды, лошадь растетъ на волѣ и молодецки, весело играетъ, выбрыкивая задними ногами и стараясь схватить другъ друга за челку крѣпкими, бѣлыми зубами.

Мнѣ всегда было какъ-то грустно смотрѣть на этихъ ремонтныхъ, напоминавшихъ мнѣ учениковъ выпускного класса...

Ремонтъ—главная статья дохода и подъ часъ краса завода, и отецъ обращалъ всегда особое вниманіе на нихъ; ремонтныя лошади были его любимымъ дѣтищемъ.

Ремонтъ состоялъ изъ 60—80 головъ.

Вотъ изъ такой партіи ремонтныхъ лошадей былъ выбранъ мой парадиръ—мой знаменитый „Лысый“.

Эта была замѣчательная лошадь.

Высокій и стройный, болѣе 2 вершковъ, что рѣдко бываетъ въ нашихъ заводахъ, гнѣдой масти, онъ казался неутомимымъ и обладалъ поистинѣ замѣчательною иноходью подъ сѣдломъ: бывало, другія лошади скачутъ, или идутъ полной рысью, а Лысый, знай себѣ, жаритъ иноходью, слегка разваливаясь на ходу; покойность и увѣренность въ каждомъ его шагѣ была изумительная; сидя на немъ, можно было спокойно спать, или дремать, такъ что я, смѣясь, прозвалъ его вагономъ перваго класса; его рысь, а въ особенности скачь, не могла обогнать ни одна лошадь.

Когда нужно было попасть куда-нибудь, и въ особенности вернуться къ сроку, у меня брали Лысаго, и Лысый, точно чувствуя необходимость такой срочной поѣздки, шелъ увѣреннымъ и важнымъ шагомъ и всегда попадалъ къ сроку.

Разъ какъ-то представилась необходимость сбѣгать въ Ростовъ за деньгами рабочимъ; было это вечеромъ, а къ утру деньги необходимы были для разсчета.

Не долго думая, нашъ Иванъ Александровичъ рѣшилъ самъ ѣхать и въ 5 часовъ вечера осѣдлалъ Лысаго, ибо другой лошади, способной на такое путешествіе, у насъ не было.

Я конечно далъ согласіе, и Лысый спокойно отправился съ своимъ всадникомъ по дѣламъ.

Къ 8 часамъ утра Иванъ Александровичъ былъ дома съ деньгами. А вѣдь разстояніе туда и обратно было 200 съ лишкомъ верстъ!

Бѣдный Лысый, досталось же ему въ эту поѣздку! Я помню, когда онъ вернулся, мыло кусками падало съ него!

У него отъ природы была еще одна отдушина: на носу, выше ноздрей, была небольшая дырочка, которою онъ дышалъ.

Когда продавали зимовникъ, я его также продалъ одному родственнику-офицеру за 150 рублей.

Миръ его праху! Теперь онъ несомнѣнно давно уже палъ...

Сбытъ ремонтныхъ лошадей производился обыкновенно или ремонтёрамъ отъ кавалеріи, или простымъ барышникамъ. Но съ первыми отецъ рѣдко имѣлъ дѣло, ибо они предлагали

невозможныя условія: пріѣдетъ, посмотритъ ремонтъ, штукъ 70—80, и предлагаетъ взять на выборъ лошадей 18, при чемъ даетъ хорошую цѣну—100 рублей за голову.

А съ остальными куда дѣваться?...

Держать у себя и кормить, или разогнать по ярмаркамъ, въ надеждѣ, что продашь еще головъ 5, или болѣе, а тамъ опять дожидаться второй ярмарки?! и т. д.

Нѣтъ, съ барышниками лучше: они прямо взглянутъ на ремонтъ и берутъ все, иногда десятый бракъ; но и цѣна значительно ниже—75 рублей, 80 за голову, и тутъ же берутъ лошадей, рѣдко оставляя ихъ на зимовку.

Иногда случается, что барышники, уже производя разсчетъ, обращаютъ вниманіе хозяина и на оставшихся, бракованныхъ третьяковъ, и забираютъ и ихъ, цѣною по 20—25 рублей.

Все дѣлается аккуратно и скоро.

Также производилась продажа коровъ, быковъ и овецъ.

Не могу пройти молчаніемъ также обязанности каждаго коннозаводчика непремѣнно держать почту и отвозить каждаго проѣзжающаго человѣка на своемъ экипажѣ и лошадяхъ до слѣдующей станціи.

Эта повинность была очень отягчительна.

Мы возили до зимовника Янова, или Савостьянова, иногда дальше. Возили непремѣнно пять недѣль, по числу участковъ.

Это было бы еще ничего, если бы у насъ было достаточное количество упряжныхъ лошадей и людей, а то собираешься куда-нибудь, въ поле, или на охоту, вдругъ подвертывается какой-нибудь чиновникъ, котораго не ждешь, и приходится отдавать ему лошадей и экипажъ.

Вотъ что нехорошо!

VIII.

Мнѣ остается сказать еще два слова о путяхъ, которые ведутъ на нашъ зимовникъ изъ Новочеркасска.

Ихъ два: одинъ весенній, болѣе длинный, кругомъ черезъ станицу Аксайскую и переѣздъ черезъ рѣку Донъ на плашкотномъ мосту, верстъ 100; другой — лѣтній и осенній, болѣе излюбленный: короче, прямо черезъ станицу Дагаевскую и поймы Дона, — верстъ 70 — 75, при чемъ Донъ приходится переѣзжать на паромѣ.

Путь черезъ станицу Аксайскую болѣе интересенъ, потому что приходится ѣхать цѣлый день, иногда даже съ ночевкой въ станицѣ.

Онъ былъ болѣе интересенъ для меня, тогда еще мальчика, выхваченнаго только-что изъ удобствъ городской жизни и сразу окунувшагося въ жизнь иную, сельскую, съ необходимой ночевкой на постояломъ дворѣ, съ кормежкой и отдыхомъ лошадей среди степи и прочими удовольствіями, которыя меня, какъ мальчика, занимали прежде всего и давали большой матеріалъ для наблюденій.

Часовъ въ 5, послѣ обѣда, къ черному крыльцу нашего дома подкатывали дорожную бричку, въ которую запрягалась четверка лошадей,—или простой тарантасъ, и начиналась укладка вещей.

Часовъ въ 6 лошади уже были готовы, и экипажъ медленно выѣзжалъ со двора.

Въ этой бричкѣ, или тарантасѣ, сидѣлъ я одинъ; рѣдко со мной ѣхала горничная или какая-нибудь прислуга, большею же частію моя нянька, Настя; мы проѣзжали весь городъ, направляясь въ станицу Аксайскую, гдѣ должны были ночевать и поджидать отца съ матерью, которые должны были пріѣхать вечеромъ—поѣздомъ.

Дорога отъ г. Новочеркасска до Аксая — вся въ горахъ: приходится то опускаться въ глубокую балку, для чего кучеръ каждый разъ слѣзаетъ съ козелъ и тормозитъ колеса, то подниматься въ высокую гору, и т. д. до конца.

Черезъ два часа показывается станица Аксайская.

Аксай расположенъ на берегу Дона; довольно грязная и захудалая станица; торгуетъ рыбой, лѣсомъ, который сплавляется по Дону; имѣетъ двѣ хорошія церкви, пароходную пристань и тутъ же станцію желѣзной дороги.

Мы останавливаемся на постояломъ дворѣ нѣкоего Могилы; нянюшка хлопочетъ подать мнѣ самоваръ и устроить постели на ночь.

Часовъ въ 10 пріѣзжаютъ отецъ съ матерью. Я немедленно засыпаю и, утромъ, чуть только солнышко покажется, меня будятъ, и, мы, напившись чаю, садимся въ уже готовую, запряженную бричку и ѣдемъ дальше.

Мостъ черезъ рѣку Донъ плашкотный и уровень его возвышается высоко надъ водою; ширина, я думаю, не менѣе $^1/_4$ версты

За мостомъ начинается „дамбы“, — высокое, искусственное сооруженіе, проходящее чрезъ всѣ луга и поймы рѣки Дона до станицы Ольгинской,—длиною 10 верстъ, и только кончивъ дамбу, мы спускаемся въ степь.

Хорошо и привольно вздохнуть свѣжимъ, утреннимъ, степнымъ воздухомъ!...

Лошади бѣгутъ шибко и ровно.

Колеса экипажа уже разстались съкамнями мостовой и ямами дамбы и катятся спокойно; передъ глазами лежитъ широкая и ровная, какъ паркетъ, дорога!

Солнце уже высоко, но обычная жара умѣряется нѣсколько близостью Дона и ароматною свѣжестью придонскихъ луговъ.

До хутора Подпольнаго мы проѣхали незамѣтно пять верстъ, и опять степь безъ конца!

Вотъ вдали показался какой-то высокій курганъ; около него строеніе,—не то хижина, не то питейное заведеніе—это Усмань,—мѣсто нашей остановки и кормежки лошадей.

Мы останавливаемся, и лошади брыкаются отъ мухъ, оводовъ, кучами осѣдающихъ на потныя мѣста.

Достается изъ экипажа завтракъ, состоящій изъ жареныхъ цыплятъ, домашнихъ пирожковъ и яицъ, сваренныхъ вкрутую.

И какъ все это кажется вкуснымъ на свѣжемъ, степномъ воздухѣ!

Часа черезъ три кучеръ напоитъ лошадей изъ колодца, и мы катимъ дальше.

До зимовника еще верстъ 30, но лошади словно почуяли родную конюшню, бѣгутъ теперь веселѣе.

Вотъ и хуторъ Веселый, съ его вѣчно пьянымъ о. Петромъ!

Вотъ и родной Хомутецъ!

Конецъ далекому и утомительному пути!...

Путь черезъ Дагаевъ гораздо проще и легче: также подается къ крыльцу экипажъ для укладки вещей; мы садимся и, спустившись сейчасъ же съ горы и проѣзжая подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, ѣдемъ все время лугами - поймами рѣки Дона. Этотъ послѣдній переѣзжаемъ въ станицѣ Дагаевской на паромѣ; иногда заѣзжаемъ въ станицу, гдѣ жила моя тетка—сестра матери; иногда ѣдемъ дальше, безъ заѣзда, нуднаго и томительнаго, ибо вся семья у нея какая-то чудна́я и она сама жалкая старуха, постоянно плачущая и жалующаяся на жизнь.

Минуя Дагаевъ, ѣдемъ на хуторъ Елкинъ, Домабинку, хуторъ Веселый и Хомутецъ.

Я заканчиваю свои воспоминанія, и все описанное возстаетъ передъ моими глазами, какъ живое: далекій, но милый сердцу зимовникъ, съ его поднимающими радостями, съ его не глубокими горестями, съ его табунами и широкою степью, съ его лиманами и миражами,—возстаетъ все, умершее давнымъ давно, и кажется, какъ живое....

М. Кирсановъ.

Виленскія воспоминанія [1]).

Кауфманъ недолго оставался въ Вильнѣ и былъ смѣщенъ совершенно неожиданно, по проискамъ польской партіи. Въ то время польскую аристократію очень баловали при петербургскомъ дворѣ. Военный министръ, будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ Кауфманомъ, видя грозившую опасность, телеграфировалъ ему, что надъ нимъ собираются тучи. Генералъ-губернаторъ отвѣчалъ по телеграфу: „пріѣду и тучи разсѣю“. Прибывъ въ столицу, Кауфманъ отправился въ Зимній дворецъ, но уже не получилъ сразу доступа къ государю, а принужденъ былъ ожидать пріема въ общемъ залѣ. Чрезъ нѣкоторое время государь вышелъ изъ кабинета и, проходя мимо виленскаго генералъ-губернатора, сказалъ ему: „Кауфманъ, я нашелъ тебѣ преемника“. Тѣмъ дѣло и кончилось. Впослѣдствіи генералъ Кауфманъ былъ назначенъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Съ братомъ виленскаго генералъ-губернатора М. П. Кауфманомъ былъ замѣчательный случай въ его молодости. Однажды онъ съ товарищами намѣревался играть въ карты, но какъ не доставало одного партнера, то Кауфманъ пошелъ его позвать. Разстояніе было небольшое. Кауфманъ не одѣлъ сабли. Случилась неудача. Едва онъ вышелъ на Невскій проспектъ, какъ наткнулся на великаго князя Михаила Павловича, который, увидавъ офицера безъ оружія, разсердился и наложилъ на него взысканіе. Кауфманъ былъ отчисленъ отъ Академіи и переведенъ на службу на Кавказъ. Тамъ, въ турецкую войну онъ имѣлъ случай отличиться и быстро двинулся впередъ по службѣ.

[1]) См. „Русская Старина“, Май 1914 г.

Преемникомъ К. Кауфмана въ Вильнѣ былъ генералъ Барановъ. Съ назначеніемъ новаго начальника края, всегда возникалъ у населенія вопросъ: какой политики будетъ держаться новое лицо. Тутъ высказывалась примѣта, что если администраторъ носитъ нѣмецкую фамилію, то мѣры будутъ мягкія, если же фамилія русская, то надо ожидать суровыхъ распоряженій. Относительно Баранова возникло разногласіе въ опредѣленіи его національности, такъ какъ многіе говорили, что фамилія Барановыхъ не русская, а передѣланная нѣмецкая. Новый генералъ-губернаторъ, привыкнувшій къ придворной жизни, тяготился этимъ назначеніемъ, скучалъ въ Вильнѣ и часто ѣздилъ въ Петербургъ. Большой парадный входъ во дворецъ былъ постоянно запертъ, всѣ посѣтители входили чрезъ боковой малый подъѣздъ. Подаваемыя чиновниками бумаги генералъ подписывалъ, не читая. При этомъ мнѣ напоминается разсказъ изъ быта военныхъ поселеній. Открылась вакансія начальника этихъ поселеній, и было предложено одному генералу занять вакантное мѣсто. Военныя поселенія занимали большой раіонъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ и управлялись весьма сложнымъ административнымъ механизмомъ. Генерала предупреждали о важности назначаемаго ему поста, о важности предстоящаго дѣла, о трудности управленія и о необходимости внимательнаго и бдительнаго надзора; словомъ, ему указывали на ежедневный, продолжительный тяжелый трудъ. Всѣ подобныя предостереженія генералъ выслушалъ, но не смутился и принялъ новое назначеніе. Вотъ пришелъ новый начальникъ первый разъ въ свое присутствіе въ 10 часовъ утра. Поставивъ саблю въ уголъ, онъ сѣлъ въ кресло и потребовалъ бумаги для подписи. Является одинъ чиновникъ съ кипою бумагъ; генералъ ихъ подписываетъ. Приходитъ второй чиновникъ съ грудою бумагъ — присутствующій слушаетъ докладъ и всѣ бумаги подписываетъ. Затѣмъ приходятъ слѣдующіе докладчики, и генералъ кладетъ подписи на всѣ подаваемыя ему бумаги. Наконецъ, подача бумагъ была окончена. Узнавъ отъ секретаря, что на сегодняшній день нѣтъ бумагъ, генералъ всталъ, посмотрѣлъ на часы и видитъ 12 часовъ. „Вотъ“, сказалъ новый начальникъ,—„меня пугали, что здѣсь много дѣла, съ которымъ трудно управиться; а вотъ какъ я скоро управился: въ 2 часа времени“. Надо прибавить, что генералъ ни одной бумаги не прочиталъ.

Про трехъ виленскихъ генералъ-губернаторовъ сложилась тогда такая поговорка: Муравьевъ мало говорилъ, много дѣлалъ;

Кауфманъ много говорилъ, мало дѣлалъ; Барановъ ничего не говорилъ, ничего не дѣлалъ. — Послѣ Баранова пріѣхалъ въ Вильну въ 1868 году генералъ-губернаторъ Потаповъ, который тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе о запрещеніи употребленія польскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ, въ клубахъ и общественныхъ собраніяхъ. Новый генералъ-губернаторъ продолжалъ политику Муравьева, но прежней строгости не было. Польскія ходатайства получали удовлетвореніе, особый успѣхъ имѣли женскія просьбы. Одновременно съ Потаповымъ прибылъ въ Вильну новый виленскій губернаторъ контръ-адмиралъ Шестаковъ. Это былъ человѣкъ большого ума и разносторонне образованный. Въ молодости онъ жилъ въ Америкѣ, про которую напечаталъ интересные разсказы. Въ одномъ изъ разсказовъ онъ говорилъ про свое знакомство съ испанскимъ генералъ-губернаторомъ на островѣ Кубѣ. Дочери этого чиновника не хотѣли вѣрить русскому моряку, что въ Петербургѣ рѣка Нева зимою замерзаетъ и что по образовавшемуся льду можно ходить и ѣздить. Имѣя твердыя убѣжденія, Шестаковъ не ужился съ Потаповымъ, и вскорѣ былъ смѣщенъ съ занимаемой должности. Наканунѣ полученія въ Вильнѣ Высочайшаго о семъ указа Потаповъ угостилъ Шестакова обѣдомъ; надъ этою любезностью много смѣялись въ городѣ. Означенное перемѣщеніе усугубило свое значеніе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ указѣ не было упомянуто объ оставленіи Шестакова въ свитѣ Его Величества. Подробное распоряженіе обидѣло адмирала, и онъ вышелъ въ отставку. Русское купечество на прощаніи сдѣлало какое-то подношеніе, при чемъ значилась надпись: „хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь“. Впослѣдствіи Шестаковъ былъ морскимъ министромъ. О немъ помѣщенъ разсказъ въ „Русской Старинѣ“ 1909 года. Съ прибытіемъ въ Вильну Потапова, религіознаго человѣка, начальствующія лица стали чаще посѣщать дворцовую церковь и усерднѣе въ ней молиться. Это усердіе не доходило до такой степени, какая была у князя Горчакова, извѣстнаго своею дѣятельностью на Берлинскомъ конгрессѣ. Этотъ дипломатъ, присутствуя на богослуженіи въ церкви, исполнялъ всѣ требованія наружнаго порядка. Однажды, при провозглашеніи діакона преклонить колѣна, князь сталъ на колѣни, подобно всѣмъ молящимся. Но тутъ Горчаковъ вспомнилъ про какое-то служебное дѣло и рѣшилъ безотлагательно сдѣлать нужное распоряженіе. Съ этою цѣлью онъ обернулся и поманилъ къ себѣ рукою одного изъ своихъ чиновниковъ. Этотъ послѣдній, увидавъ призывъ начальника,

не вставая съ колѣнъ, поползъ къ Горчакову. Такъ они оба, князь и чиновникъ, совѣщались о служебномъ дѣлѣ, стоя на колѣняхъ. Назидательная картина! [1])

Хотя Потаповъ былъ религіозный человѣкъ, но православное духовенство его не любило. Ему иногда случалось получать безъименныя ругательныя письма, какъ говорятъ, отъ недовольнаго духовенства. Кажется, при Потаповѣ, было учреждено „Общество ревнителей православія". Иниціатива учрежденія этого общества принадлежала чиновнику Спичагову. Новое общество не могло найти себѣ свободнаго поля дѣйствій, потому что съ тою же цѣлью существовало въ Вильнѣ Православное Свято-Духовское Братство. Поэтому общество ревнителей православія, послѣ непродолжительнаго дѣйствія, было закрыто. Въ то время, о которомъ ведется разсказъ, появилось въ свѣтъ оригинальное изданіе: небольшая брошюра, содержавшай въ себѣ разсказы на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ языкахъ. Кажется, даже былъ разсказъ и на латинскомъ языкѣ. Книжка была написана небольшимъ кружкомъ русскихъ женщинъ и носила названіе „Между нами". Издана она была съ благотворительною цѣлью.

Мнѣ случилось познакомиться въ то время съ подполковникомъ Б., пріѣхавшимъ изъ Петербурга на службу въ интендантство. Этотъ хорошо воспитанный человѣкъ въ молодые годы охотился въ Петербургѣ на нигилистовъ и революціонеровъ, отыскивая этихъ подозрительныхъ лицъ въ разныхъ мѣстахъ столицы. Потаповъ, занимавшій тогда какую-то полицейскую должность, неоднократно обращался къ нему съ просьбою помочь полиціи въ ея поискахъ. Теперь, когда Б. пріѣхалъ въ Вильну и явился къ Потапову, какъ къ командующему войсками округа, поименованный генералъ совершенно его не узналъ и ни слова не упомянулъ о бывшемъ знакомствѣ. Такая забывчивость была обидна для интендантскаго офицера. Б. былъ откровенный человѣкъ и разсказывалъ мнѣ, какъ онъ ѣздилъ куда-то въ командировку открывать цѣны на какое-то интендантское довольствіе. На той станціи, гдѣ онъ вышелъ съ поѣзда, его ожидалъ уже повѣренный подрядчика съ готовымъ экипажемъ. Комната въ гостиницѣ была уже нанята. Прибывъ въ гостиницу, Б. нашелъ ожидавшій его кипящій самоваръ. Тутъ повѣренный подрядчика вручилъ пріѣхавшему цѣны, полученныя изъ город-

[1]) Этотъ разсказъ приписывается, извѣстному своею разсѣянностью кн. Горчакову, командовавшему войсками въ Крымскую кампанію. *Ред.*

ской управы, губернскаго управленія и изъ статистическаго комитета. Осталось немного сдѣлать командированному офицеру для исполненія даннаго порученія. Б. жилъ недолго и вскорѣ умеръ скоропостижно, отъ удара.

Потаповъ, соединяя въ своемъ лицѣ двѣ должности—генералъ-губернатора и командующаго войсками округа, обратилъ вниманіе на обѣды, устраиваемые въ дни полковыхъ праздниковъ, и на обременительность денежныхъ расходовъ, несомыхъ офицерами на эти обѣды; поэтому онъ сдѣлалъ распоряженіе объ ограниченіи подобныхъ обѣдовъ съ соблюденіемъ нужной простоты. Кажется, это распоряженіе не получило должнаго осуществленія.

У Потапова не было дѣтей; поэтому жена его занималась общественною благотворительницею въ большихъ размѣрахъ. Она учредила общество „Доброхотной Копѣйки", существующее и нынѣ. Въ пользованіе новаго общества было передано большое зданіе упраздненнаго миссіонерскаго монастыря. Это зданіе потому оказалось свободнымъ, что военное вѣдомство отказалось принять его въ свое вѣдѣніе, по его ветхости и по неудобству внутренняго расположенія. Жена Потапова умерла лѣтомъ въ 1870 году на дачѣ, въ Звѣринцѣ. Въ скоромъ времени въ этомъ домѣ была устроена церковь. Въ память своей жены, называвшейся Екатериною, Потаповъ заказалъ написать три образа Святой Великомученицы Екатерины, на которыхъ лица святой представляли портретъ умершей генеральши. Эти большіе образа были пожертвованы въ три церкви. Новыя иконы, кажется, сохранились на своихъ мѣстахъ безъ измѣненія.

Смерть Потаповой напоминала мнѣ неожиданную кончину гусарскаго офицера, случившуюся около того же времени. Въ Вильнѣ проживало тогда княжеское семейство, въ коемъ было четыре прелестныя дочери. Эти барышни составляли лучшее украшеніе русскаго общества. Было холерное время. У князя собрались вечеромъ гости. Гостямъ подавали свѣжую землянику. Одинъ изъ гостей, гусаръ, отказался кушать плоды, по причинѣ холернаго времени. Княжны обратили вниманіе на отказъ офицера и стали надъ нимъ подтрунивать. Молодой человѣкъ принялъ къ сердцу насмѣшки и, въ доказательство отсутствія трусости, взялъ тарелку и поѣлъ земляники. Послѣдствія такого угощенія не замедлили проявиться: на другой день гусаръ заболѣлъ, дня черезъ три умеръ. Вотъ какъ опасно насиловать человѣческую натуру. На похоронахъ присутствовало княжеское семейство, и всѣ княжны шли за гробомъ.

Со времени Муравьева, замѣнившаго польскихъ чиновниковъ русскими, польское общество жаловалось на русскихъ чиновниковъ, находя ихъ грубыми, мало воспитанными. Генералъ Потаповъ, съ цѣлью оживить русское общество и устранить нареканія на чиновниковъ, выписалъ изъ Петербурга на службу въ Вильну молодыхъ правовѣдовъ. Это были прекрасные молодые люди съ хорошими манерами, искусные танцоры. Съ прибытіемъ этой молодежи, дворянскій клубъ оживился. До того времени, на вечерахъ клуба, постоянно ощущался недостатокъ въ танцующихъ кавалерахъ, потому что офицеры мѣстнаго гарнизона имѣли свой собственный клубъ и въ дворянскомъ мало бывали. Съ прибытіемъ петербургской молодежи, танцы въ клубѣ пошли бойко. Я всегда удивлялся дѣятельности вновь прибывшихъ молодыхъ людей. Бывало, на танцовальномъ вечерѣ, слышишь изъ устъ ловкаго кавалера, что у него завтра предстоитъ къ докладу 12 дѣлъ. Эти дѣла не мѣшали докладчику наканунѣ танцовать до 3 час. утра. Такое легкомысленное отношеніе къ исполненію служебной обязанности, состоящей въ удовлетвореніи требованія правосудія, должно было причинить ущербъ въ дѣятельности суда. Не потому ли нынѣ Китяковскій говоритъ [1]), что нашъ гражданскій судъ стоитъ далеко не на высотѣ своихъ задачъ. Во времена Потапова русское общество въ Вильнѣ не могло объединиться, такъ какъ всякая частная инициатива строго преслѣдовалась. Появляющіеся идейные чиновники, заявлявшіе о патріотизмѣ и о своей самостоятельности, изгонялись; а мѣстному органу русской печати даже запрещалось касаться польскаго, еврейскаго и другихъ вопросовъ. Находясь подъ правительственной опекой и занятые исполненіемъ многочисленныхъ циркуляровъ и предписаній, русскіе люди и не замѣтили, какъ въ позднѣйшее время объединились и сплотились отдѣльныя народности. Даже небольшія, какъ литовскія и мусульманскія группы, заявили о своей самостоятельности въ ущербъ русскимъ интересамъ.

Въ Николаевскомъ соборѣ долгое время служилъ почтенный протоіерей Борзаковскій, который въ молодости жилъ внутри Россіи и видѣлъ походъ русской гвардіи въ Турцію, въ 1828 г. Тутъ, разсказывалъ онъ, гвардія шла въ большомъ числѣ, съ

---

[1]) „Вѣсы“, сборникъ статей о русской интеллигенціи. Москва 1909 г., изд. 2, стр. 152.

огромнымъ обозомъ, со множествомъ собакъ; назадъ же гвардія прошла какъ-то незамѣтно, тихо, въ маломъ числѣ, собакъ не было вовсе. Почтенный протоіерей, конечно, не зналъ о той громадной убыли людей, которую понесла русская армія въ этомъ походѣ: люди умирали не только отъ непріятеля, но и отъ чумы, свирѣпствовавшей тогда на Балканскомъ полуостровѣ. Надо замѣтить, что существовавшая тогда въ Россіи польская армія не принимала участія въ этомъ злополучномъ походѣ, вопреки желанію Императора Николая I. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ отстоялъ свою любимую армію и сберегъ ее дома.

По поводу кампаніи 1828 г. мнѣ припоминается удивленіе какого-то литератора, обратившаго вниманіе на отставного солдата, участника означеннаго похода. Когда солдатъ спорилъ съ кѣмъ-либо изъ своихъ пріятелей, то обыкновенно дѣлалъ такое выраженіе: скажи, ты былъ въ Туречинѣ; ну, если не былъ, такъ и молчи, не спорь. Литераторъ никакъ не могъ понять, почему солдатъ придавалъ такое большое значеніе Турецкому походу. А для насъ оно понятно: война сопровождалась страшною смертностью. Извѣстно, что черезъ Дунай перешла 150-тысячная русская армія, а назадъ вернулось только 10 тысячъ; слѣдовательно, изъ каждыхъ 15 человѣкъ уцѣлѣлъ только одинъ. Что должна была перенести кучка уцѣлѣвшихъ отъ чумы людей. Сколько каждому пришлось перенести скорби и горя, при видѣ тысячъ страдающихъ и умирающихъ своихъ товарищей. Сколько пришлось перенести тревоги, преодолѣть опасностей, прежде чѣмъ русскіе солдаты достигли родной земли. Тяжелыя впечатлѣнія принесли они домой, и отставной солдатъ былъ правъ, ссылаясь на пережитое тяжелое время. Молодой русскій Императоръ, ведшій эту войну, былъ грозенъ не только Турціи, но и всей Европѣ; онъ держалъ въ Царствѣ Польскомъ большую армію, всегда готовую двинуться въ походъ.

Государь любилъ крѣпости; часто ихъ посѣщалъ и внимательно разсматривалъ составляемые проекты фортификаціонныхъ сооруженій. Въ крѣпостяхъ тогда работали арестанты: они возводили земляныя насыпи, выдѣлывали кирпичи на казенныхъ заводахъ и занимались различными мастерствами. При посѣщеніи одной крѣпости, покойному Императору понравился выдѣлываемый тамъ кирпичъ. Взявъ въ руки красивый кирпичъ, полюбовавшись арестантскимъ издѣліемъ, Импе-

раторъ Николай I приказалъ этотъ кирпичъ отвезти прусскому королю. Тотчасъ былъ потребованъ фельдъегерь, принявшій царскую посылку и поскакавшій въ Пруссію. Въ молодости мнѣ случилось однажды встрѣтить подобнаго фельдъегеря, бывшаго уже въ отставкѣ. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ широкими плечами, богатырскаго тѣлосложенія. Онъ ѣзжалъ не только по Россіи, но бывалъ и за границей. Однажды, разсказывалъ онъ, пріѣхалъ я на почтовую станцію, а тамъ былъ начальникъ дивизіи, ведшій разговоръ со смотрителемъ станціи. Я сказалъ: ваше превосходительство, вы меня не задерживайте, а не то, я возьму васъ, посажу и увезу.

Возвращаясь къ крѣпостямъ, надо сказать, что постройка сухопутныхъ крѣпостей вообще обходилась не дорого, потому что въ обширномъ размѣрѣ примѣнялся арестантскій трудъ. Были устраиваемы особыя мастерскія, гдѣ работали люди съ кандалами на ногахъ. Надзоръ за работою лежалъ на инженерныхъ офицерахъ. Конечно, на лѣнивыхъ людей иногда налагались наказанія. Но былъ одинъ инженеръ, который виновныхъ не наказывалъ, а читалъ имъ нотаціи и дѣлалъ упреки провинившимся. Подобныя увѣщеванія разозлили одного каторжника, который и задумалъ убить мягкосердечнаго инженера. Съ этою цѣлью арестантъ приготовилъ большой ножъ, которымъ рѣшилъ ударить инженера, когда тотъ подойдетъ къ его станку для осмотра работы. Обыкновенно осмотръ работъ дѣлался въ 12 часу, передъ арестантскимъ обѣдомъ. По счастію, инженеръ опоздалъ на этотъ разъ къ обычному осмотру, будучи занятъ какимъ-то дѣломъ въ канцеляріи. Пробило полдень; раздался звонокъ для прекращенія занятій и для сбора на обѣдъ. Каторжникъ, приготовившійся къ убійству, пришелъ въ злое настроеніе отъ неудачи и, въ припадкѣ гнѣва, ударилъ ножомъ своего товарища, находящагося по сосѣдству. Всѣ удивлялись такому поступку. Злодѣй объяснилъ, что онъ никакой злобы не имѣлъ къ пострадавшему, но ударилъ его единственно по досадѣ на неудавшійся замыселъ.

Изъ числа существовавшихъ крѣпостей наибольшею извѣстностью пользовалась въ аристократическомъ кругу крѣпость Динабургъ. Во время царствованія Императора Николая не было въ Россіи желѣзныхъ дорогъ и путешествія совершались на лошадяхъ. Заграничныя поѣздки, предпринимаемыя весною изъ Петербурга, направлялись обыкновенно на Динабургъ, гдѣ была переправа чрезъ р. Двину. Постояннаго моста тамъ не

было и переправа была сопряжена съ затрудненіями, вслѣдствіе весенняго ледохода. Высокимъ особамъ, ѣдущимъ за границу, приходилось, волей-неволей, прожить въ крѣпости 2—3 дня. Прибытіе въ крѣпость особъ царской фамиліи причиняло коменданту много хлопотъ. Надо было отвести удобныя квартиры для всей свиты, снабдить ихъ недостающею мебелью, назначить особыя комнаты для статсъ-дамъ и фрейлинъ; указать помѣщенія для лакеевъ и горничныхъ, отыскать для пріѣзжихъ экипажи, назначить прислугу и проч.

Бывалые люди говорили, что за 2 недѣли до пріѣзда высокихъ особъ комендантское управленіе прекращало отправлять служебныя функціи и комендантъ съ адъютантами были заняты отведеніемъ квартиръ, установкою въ нихъ мебели и пр. Наконецъ, иногда надо было чѣмъ-нибудь и развлечь высокихъ путешественниковъ. Существуетъ разсказъ, свидѣтельствующій о степени занимательности крѣпостныхъ развлеченій. Великая княгиня Марья Николаевна съ дѣтьми ѣздила за границу и, по обыкновенію, пробыла нѣсколько дней въ крѣпости Динабургѣ. Посѣтивъ Германію, Италію, княгиня вернулась въ Петербургъ. Императоръ Николай, бесѣдуя съ дочерью, по ея возвращеніи, спросилъ у своего внука, гдѣ ему понравилось всего больше. Мальчикъ, не называя ни одного заграничнаго города, забывъ прекрасную Италію, прямо отвѣчалъ: „веселѣе всего было въ Динабургѣ“. Конечно, случайная близость къ царскому семейству помогала коменданту крѣпости проходить успѣшно служебное поприще.

Послѣ смерти Императора Николая, въ нашемъ государствѣ были произведены великія реформы, обновившія страну. Въ военномъ вѣдомствѣ одна изъ реформъ состояла въ раздѣленіи Россіи на военные округа, что способствовало уменьшенію централизаціи хозяйственныхъ дѣлъ и облегчало исполненіе разныхъ коммерческихъ операцій. Для сей цѣли въ Вильнѣ былъ учрежденъ въ 1864 году военно-окружный совѣтъ. Но все дѣло сначала велось съ затрудненіемъ, потому что большинству членовъ совѣта были чужды хозяйственныя операціи. Разные многочисленные вопросы рѣшались въ совѣтѣ, согласно доклада дѣлопроизводителя. Однимъ изъ первыхъ дѣлопроизводителей былъ ловкій, умный чиновникъ, который забралъ дѣла въ свои руки и дѣлалъ что хотѣлъ. Конечно, при заключеніи разныхъ подрядовъ, чиновникъ соблюдалъ болѣе свои интересы, чѣмъ казенные. Военный министръ, узнавъ о злоупотребленіяхъ дѣло-

производителя совѣта, предложилъ ему подать въ отставку. Чиновникъ былъ удивленъ неожиданнымъ распоряженіемъ и обратился къ членамъ совѣта съ просьбой о заступничествѣ. Тѣ приняли участіе въ этомъ человѣкѣ. Для большаго успѣха въ ходатайствѣ, дѣлопроизводитель написалъ свидѣтельство о своей безкорыстной службѣ въ яркихъ краскахъ и просилъ членовъ совѣта подписать это свидѣтельство. Большинство членовъ совѣта исполнило эту просьбу безъ колебаній, но двое, интендантъ и начальникъ инженеровъ, отказались приложить свои подписи. При дальнѣйшемъ обсужденіи просьбы дѣлопроизводителя оба они пришли къ заключенію, что отсутствіе ихъ подписи можетъ натолкнуть на мысль, что оба эти генерала имѣютъ доходныя мѣста, а потому отказались свидѣтельствовать честную службу способнаго чиновника. Въ отклоненіе такого мнѣнія, интендантъ и начальникъ инженеровъ также приложили свои имена къ заготовленному свидѣтельству. Когда этотъ документъ былъ доложенъ министру, то Милютинъ справедливо упрекнулъ членовъ виленскаго совѣта въ томъ, что они не только не видятъ, что у нихъ дѣлается подъ носомъ, но даже противодѣйствуютъ ему въ искорененіи злоупотребленій. Несмотря на краснорѣчивое свидѣтельство, дѣлопроизводитель былъ уволенъ въ отставку. Одинъ разъ замѣна подряднаго способа была сдѣлана начальникомъ дивизіи въ болѣе позднѣйшее время. Генералъ, будучи недоволенъ мясомъ, поставляемымъ для солдатъ торговцами, задумалъ самъ покупать живой скотъ. Такъ какъ полки были расположены широко, мѣста для выгона скота было достаточно, то и былъ привезенъ скотъ съ юга Россіи. Въ дивизіи нашлись люди, знающіе убой скота. Получать мясо за плату начальникъ дивизіи дозволилъ и офицерамъ. Въ силу такого распоряженія, какъ только заколютъ животное, такъ тотчасъ вырѣзывали пудъ мяса для начальника дивизіи и полпуда для начальника дивизіоннаго штаба. Полковые командиры, а также офицеры не участвовали въ этомъ дѣлежѣ. Разумѣется, для начальника куски изъ туши выдѣлялись наилучшіе и для солдатъ оставалось мясо болѣе худшее. Приготовляемыя для солдатъ щи выходили жидкія, безъ хорошаго навара. Полковые врачи были поставлены въ затрудненіе браковать приготовляемую пищу. Такой способъ продовольствія солдатъ живымъ скотомъ продолжается недолго.

Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости произошла перемѣна и въ военномъ быту. Я былъ знакомъ съ

отставнымъ кавалерійскимъ офицеромъ, помѣщикомъ южныхъ губерній. Онъ пріѣхалъ въ Вильну съ намѣреніемъ поступить въ гражданскую службу, въ распоряженіе генералъ-губернатора. Въ то время такихъ чиновниковъ было около сотни, изъ коихъ большинство служило безъ жалованья, ради полученія чиновъ и орденовъ. Однако желаемаго мѣста мой знакомый не получилъ. Какъ-то нашъ разговоръ коснулся его прежней службы. „Я служилъ", сказалъ онъ,—„въ знаменитомъ полку". Не помню какъ онъ назвалъ полкъ.—„Чѣмъ же этотъ полкъ знаменитъ?"—спросилъ я.—„Своими кутежами",—отвѣчалъ онъ мнѣ. Признаюсь, такой отвѣтъ меня очень удивилъ. Разумѣется, подобныя явленія могли быть только при существованіи крѣпостнаго права.

Припоминаю разсказъ бывшаго губернскаго воинскаго начальника въ городѣ Архангельскѣ. Пріѣхалъ въ городъ для инспекторскаго смотра корпусный генералъ. Прибывшаго генерала сопровождалъ денщикъ. Тотчасъ же послѣ пріѣзда денщикъ пришелъ въ квартиру воинскаго начальника съ просьбою дать для генерала чаю и сахару. Жена полковника удовлетворила просьбу солдата. На другой день приходитъ тотъ же солдатъ и проситъ для генерала варенья двухъ сортовъ. И эта просьба была исполнена. Затѣмъ нѣсколько разъ приходилъ денщикъ съ просьбами о съѣстномъ для генерала. Такія частыя посѣщенія денщика показали, что солдатъ выпрашиваетъ припасы не для своего господина, который не могъ съѣсть такое большое количество пищи, и что тутъ есть плутовство. Тогда полковникъ рѣшился наказать денщика. Днемъ, когда генералъ осматривалъ одну роту, находящуюся въ особомъ домѣ, полковникъ приказалъ фельдфебелю позвать прибывшаго денщика и отвести его въ другое помѣщеніе. Тамъ полковникъ высѣкъ денщика розгами и затѣмъ отпустилъ. Никакой жалобы солдатъ не принесъ; инспекторскій смотръ шелъ своимъ чередомъ и никакихъ разговоровъ съ генераломъ по сему предмету не было. Конечно, экзекуція надъ денщикомъ сдѣлалась извѣстною въ городѣ. Пребываніе генерала въ Архангельскѣ продолжалось довольно долго; необходимо было чѣмъ-нибудь развлечь высокую особу. Съ этою цѣлью губернскій воинскій начальникъ сдѣлалъ званый вечеръ, на который были приглашены мѣстныя чиновныя лица. Была составлена партія въ карты. Вотъ, во время этой игры, одинъ изъ штатскихъ гостей въ разговорѣ сказалъ: „видно, что нашъ полковникъ храбрый человѣкъ, недаромъ имѣетъ Георгіевскій

крестъ; не побоялся высѣчь денщика своего начальника". Генералъ молча выслушалъ это сообщеніе, но потомъ спросилъ губернскаго начальника, какъ произошелъ этотъ эпизодъ. Полковникъ разсказалъ, какъ было дѣло. Генералъ отчислилъ отъ своей особы плутоватаго человѣка и взялъ къ себѣ въ услуженіе другого рядового. Тѣмъ дѣло и окончилось.

Послѣ франко-прусской войны, когда нѣмцы одержали большія побѣды надъ французами, стали вводить въ русской арміи порядки на прусскій образецъ. Началось съ формы одежды. Наши красивые двухъ-бортные мундиры были замѣнены однобортными, некрасивыми. Такъ какъ геніальный Мольтке довелъ мобилизацію прусской арміи до совершенства, то и у насъ стали заботиться о быстромъ приведеніи арміи на военное положеніе. Предстояло рѣшить вопросъ о времени, потребномъ для мобилизаціи. По военному округу былъ разосланъ циркуляръ, требовавшій представить подробныя и точныя свѣдѣнія о всѣхъ недостающихъ вещахъ, кои потребуются добавить въ каждую войсковую часть, при приведеніи ея на военное положеніе. Для исполненія его распоряженія, въ виду важнаго его значенія, былъ назначенъ короткій срокъ. При передачѣ означеннаго циркуляра по инстанціямъ, изъ верхней въ нижнюю, срокъ составленія вѣдомости сокращался, такъ что мой знакомый, батарейный командиръ, получивъ циркуляръ, имѣлъ сроку немного дней.—„Да мнѣ,—говорилъ онъ,—„чтобы разобраться со всѣмъ имуществомъ, отличить годное отъ негоднаго, поименовать недостающія вещи, надо не менѣе мѣсяца времени".—Пришлось приказать писарю проставить въ вѣдомости числа наугадъ и отправить по начальству. Въ окружномъ штабѣ скопилось громадное количество вѣдомостей по сему предмету. Сведеніе всѣхъ данныхъ въ одну общую вѣдомость по всему округу составило большой канцелярскій трудъ. Когда онъ былъ оконченъ, тогда былъ составленъ особый докладъ о мобилизаціи войскъ округа и былъ представленъ на Высочайшее воззрѣніе. Надо полагать, что въ Петербургѣ были довольны этимъ дѣломъ, потому что начальникъ штаба округа получилъ именную Высочайшую благодарность.

Одно время въ военномъ вѣдомствѣ господствовалъ авторитетъ Драгомирова. Этотъ генералъ имѣлъ смѣлость сказать, что число дѣлаемыхъ смотровъ обратно пропорціональному успѣху обученія войскъ. Слѣдуя указаніямъ генерала, стали заботиться о возможно большемъ обученіи солдатъ въ теченіе лагернаго времени. Лѣтнія занятія были подробно расписаны на каждый

день. Но если ожидался въ Вильнѣ пріѣздъ Государя и, слѣдовательно, смотръ войскамъ, то начальникъ дивизіи уже не слѣдовалъ установленному расписанію, а выводилъ пѣхоту ежедневно на церемоніальный маршъ, придерживаясь, вѣроятно, пословицы: „своя рубаха ближе къ тѣлу".

Такъ какъ при приведеніи войскъ на военный составъ происходило значительное увеличеніе числа людей, то интересно было увидать, во что обращаются тогда рота, батальонъ, полкъ. Одинъ командующій войсками захотѣлъ воочію видѣть пѣхотный баталіонъ военнаго состава. А какъ формированіе такого баталіона отвлекло бы людей отъ установленныхъ ученій, то смотръ баталіону былъ назначенъ въ праздникъ Вознесенія. Конечно, командующему войсками не много надо употребить времени, чтобы сѣсть въ коляску и пріѣхать на рысакахъ на лагерное поле, осмотрѣть баталіонъ и уѣхать обратно; но не столько времени надо было употребить солдату, чтобы предстать предъ начальствомъ. Видно было, что высокопоставленныя лица не знали цѣны солдатскаго отдыха.

Извѣстно, что въ казенныхъ мѣстахъ служебная переписка составляетъ главную обязанность чиновниковъ и занимаетъ много времени. Одинъ бывшій губернскій воинскій начальникъ, служившій на окраинѣ, получилъ важный служебный запросъ, съ которымъ не зналъ, какъ управиться и что отвѣтить. Вывелъ его изъ затрудненія близкій знакомый, указавшій на стараго писаря, который считался мастеромъ по подобнымъ дѣламъ. Полковникъ обратился къ этому писарю и заплатилъ ему впередъ 2 рубля за составленіе нужнаго отвѣта. Надо замѣтить, что въ то время контрольныхъ палатъ еще не было. Писарь засѣлъ за работу, сидѣлъ недѣли двѣ и составилъ отвѣтъ на нѣсколькихъ листахъ. Весь отвѣтъ былъ наполненъ ссылками на Сводъ Военныхъ Постановленій, указаніями на разныя статьи Гражданскихъ Законовъ, на циркуляры инспекторскаго департамента, на распоряженія корпуснаго командира, были приведены статьи изъ Уложенія о наказаніяхъ и Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Словомъ, статей было очень много, но связи между ними не было. Когда полковникъ началъ читать изготовленный отвѣтъ, то не могъ добиться въ немъ смысла, но чтобы не задерживать исполненіе распоряженія начальства, подписалъ изготовленную бумагу. Съ отосланіемъ отвѣта переписка по возбужденному вопросу прекратилась. Прошло нѣсколько дней. Встрѣчаетъ полковникъ чиновника, причастнаго къ сдѣланному вопросу. Тотъ поинтересовался узнать: кто въ

управленіи губернскаго воинскаго начальника сумѣлъ составить такой обстоятельный отвѣтъ, и при этомъ выразилъ удивленіе къ изумительной освѣдомленности и начитанности стараго писаря.

Я помню открытіе военно-окружнаго суда въ Вильнѣ. Это было событіе большой важности: новый порядокъ судопроизводства замѣнялъ старый, бумажный, отжившій судъ. На открытіе новаго суда прибылъ виленскій архіепископъ Макарій, бывшій впослѣдствіи московскимъ митрополитомъ. Пастырь, знаменитый своимъ умомъ и краснорѣчіемъ, сказалъ при открытіи замѣчательную рѣчь; даже иновѣрцы хвалили высказанную мысль. Передъ стоящими судьями, прокурорами и прочими чинами Макарій сказалъ: „вотъ вы готовитесь судить преступниковъ, будете наказывать виновныхъ и оправдывать невинныхъ: чѣмъ же вы будете руководствоваться въ приговорахъ. Законами. Но законы человѣческіе ограничены, а проявленіе людскихъ страстей безгранично; какъ же вы будете примѣнять законы, чему будете слѣдовать. Вы будете слѣдовать указаніямъ собственной совѣсти. Ну, а чѣмъ же вы сохраните совѣсть въ чистотѣ. Молитвою. Ну, такъ помолимся же Господу Богу и будемъ просить Его о сохраненіи всегда у насъ чистой совѣсти". Послѣ этихъ словъ, архіепископъ началъ установленный молебенъ. Слова епископа произвели сильное впечатлѣніе на слушателей.

Въ семидесятыхъ годахъ мнѣ довелось познакомиться съ бывшимъ профессоромъ Виленскаго университета Павломъ Кукольникомъ. Это былъ почтенный старикъ, словоохотливый, весьма набожный и религіозный. Онъ былъ родной братъ извѣстнаго писателя Нестора Кукольника. Оба брата, по происхожденію, были словаки. Павелъ Кукольникъ былъ старшимъ братомъ и прожилъ въ Вильнѣ около 60-ти лѣтъ, почему можетъ быть названъ виленскимъ. Онъ началъ учиться русскому языку съ 10-тилѣтняго возраста, а 15-ти лѣтъ уже поступилъ на государственную службу, выдержавъ государственный экзаменъ изъ 13-ти предметовъ. Въ 1815 году Павелъ Кукольникъ написалъ диссертацію на латинскомъ языкѣ, которую защищалъ въ Полоцкомъ іезуитскомъ коллегіумѣ. Служебныя занятія не помѣшали Кукольнику заниматься литературой, чему способствовало общественное движеніе, бывшее послѣ 1812 года. Послѣ удаленія профессора Лелевеля, Кукольникъ занялъ его мѣсто въ Виленскомъ университетѣ; а когда университетъ былъ закрытъ, въ 1832 году, Кукольникъ занимался въ двухъ акаде-

міяхъ: Медико-Хирургической и Римско-Католической Духовной. Обѣ эти академіи существовали не долго; и по закрытіи ихъ нашъ профессоръ преподавалъ отечественную исторію въ католической семинаріи и продолжалъ ученыя занятія въ качествѣ чиновника при генералъ-губернаторѣ. Кромѣ того Кукольникъ былъ продолжительное время цензоромъ. Литературная дѣятельность его состояла изъ произведеній поэтическихъ и научныхъ. Дружба его съ виленскимъ поэтомъ Кондратовичемъ (Сырокомлею) способствовала поэтическому творчеству, и въ 1861 году былъ изданъ сборникъ его стихотвореній. Въ позднѣйшіе годы вышли въ свѣтъ стихотворенія: „Дѣдушкино видѣніе“ и „Послѣдніе звуки обветшалой лиры“. Въ молодыхъ годахъ онъ перевелъ на русскій языкъ всеобщую исторію Сегюра. Но главная заслуга Кукольника заключалась въ статьяхъ научно-историческаго характера о сѣверо-западномъ краѣ Россіи, которыя составляютъ первые въ русской литературѣ труды по разработкѣ историческихъ вопросовъ нашего края. Его труды, въ видѣ монографій, помѣщены въ разныхъ изданіяхъ; но нѣкоторые вышли отдѣльно, какъ, напримѣръ: „Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа“. Въ своихъ статьяхъ Кукольникъ поднималъ голосъ за угнетенную массу простого народа и указывалъ на насилія, какія терпѣла православная церковь въ Литвѣ. Будучи глубоко вѣрующимъ человѣкомъ, онъ былъ возмущенъ сочиненіемъ Ренана о Христѣ и написалъ возраженіе на эту книгу. Церковныя богослуженія Кукольникъ посѣщалъ часто, становился на видномъ мѣстѣ, а иногда читалъ въ церкви, вмѣсто псаломщика. Подъ конецъ жизни, онъ былъ ушибленъ извозчикомъ и долго болѣлъ, но отказался указать полиціи виновника этой катастрофы. Будучи полуослѣпшимъ, онъ давалъ безплатные уроки въ женской школѣ при Маріинскомъ монастырѣ.

Во время нашего короткаго знакомства, Кукольникъ старался парализировать во мнѣ либеральныя сужденія, которыя вообще присущи молодымъ людямъ. Почтенный старецъ умеръ въ сентябрѣ 1884 года, на 90 году отъ роду.

Дѣятелемъ другого рода въ Вильнѣ, въ позднѣйшее время, былъ чиновникъ Владиміровъ, пріѣхавшій сюда изъ Москвы, при генералъ-губернаторѣ Кауфманѣ. Онъ былъ кѣмъ-то рекомендованъ генералъ-губернатору, а потому былъ приглашенъ послѣднимъ къ обѣденному столу. Служилые люди, увидѣвъ почетный пріемъ, оказанный пріѣзжему, посыпались къ нему съ визитами. Жена Владимірова, англичанка, удивилась мно-

жеству новыхъ знакомыхъ и спрашивала у мужа: „что у тебя общаго съ этими людьми"—изъ которыхъ многіе носили военный мундиръ. Владиміровъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи и сдѣлался англоманомъ. Я былъ съ нимъ знакомъ: это былъ человѣкъ недюжиннаго ума, патріотъ и критически относящійся къ общественнымъ явленіямъ. Происходя изъ духовнаго званія, онъ однако относился сурово къ дѣятельности православнаго духовенства и многаго не одобрялъ въ нашей религіи. Также не сочувствовалъ бывшей тогда системѣ воспитанія. Владиміровъ поступилъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія и занимался въ какой-то комиссіи. Кромѣ того онъ преподавалъ русскій языкъ въ юнкерскомъ училищѣ. Имъ было написано и издано много разныхъ брошюръ по современнымъ вопросамъ. Такъ въ брошюрѣ „Классическіе языки въ современномъ образованіи" онъ говоритъ, что истинный классикъ является какимъ-то недозрѣлымъ субъектомъ, индифферентно относящимся къ окружающей дѣйствительности и остающимся какою-то мумією, набальзамированною греко-латинскими спеціями. Имѣя дѣтей и интересуясь системою воспитанія, Владиміровъ знакомился съ разными учебными руководствами и не одобрялъ издаваемыхъ тогда хрестоматій. Въ одной изъ нихъ онъ нашелъ слѣдующіе стихи:

Пьетъ и воздухъ, и поля,
Пьетъ и горная земля,
Море, солнце—всѣ вы пьете,
Всѣхъ поитъ одна струя.

Въ этихъ словахъ, по его мнѣнію, прямой призывъ къ пьянству. Равнымъ образомъ порицалъ Владиміровъ извѣстныя стихотворенія: „Бѣсы" и „Птичка Божія не знаетъ". По мнѣнію критика, первое стихотвореніе вкореняетъ дѣтямъ вѣру въ бѣсовъ и располагаетъ ихъ къ суевѣрію; второе развиваетъ въ нихъ стремленіе къ лѣни, тунеядству, бродяжничеству и возбуждаетъ недовольство своей судьбой.

Пробывъ нѣсколько лѣтъ на коронной службѣ, Владиміровъ вынужденъ былъ выйти въ отставку. По тогдашнему времени, чиновники, покидавшіе службу, уѣзжали изъ Литвы; но Владиміровъ не послѣдовалъ такому примѣру и остался жить въ Вильнѣ. Здѣсь онъ слѣдилъ за общественною жизнью, ратовалъ за русское дѣло, печаталъ свои труды и составлялъ разныя брошюры по возникающимъ вопросамъ. Когда въ восьмидесятыхъ годахъ возникъ слухъ объ учрежденіи въ Вильнѣ ду-

ховной академіи, мой знакомый возсталъ противъ такого проекта. Надо замѣтить, что кто-то изъ православнаго духовенства выразилъ мысль объ опасности учрежденія въ Вильнѣ университета. Тогда Владиміровъ напечаталъ разсужденіе подъ заглавіемъ: „Въ Вильнѣ университетъ, или духовная академія“, въ которомъ доказывалъ необходимость университета. Владиміровъ былъ вегетаріанцемъ и пропагандировалъ воздержаніе въ употребленіи пищи. Онъ напечаталъ нѣсколько разсужденій на эту тему. Въ брошюрѣ „За птицъ“ онъ совѣтуетъ прекратить ловлю и убійство всякой птицы, а въ брошюрѣ „Мясной вопросъ“ объясняетъ удобство употребленія растительной и рыбной пищи сравнительно съ мясною, рекомендуетъ запретить ловлю рыбы съ икрою и вообще продажу икры. Онъ выражаетъ сожалѣніе о замѣнѣ меда сахаромъ и отдаетъ предпочтеніе первому передъ вторымъ. Въ защиту своихъ убѣжденій по употребленію пищи, онъ приводитъ мнѣніе Адама Смита, Либиха, Молешота и другихъ ученыхъ. Въ настоящее время дознано, что употребленіе мясной пищи способствуетъ образованію склероза. Въ одномъ изъ своихъ изданій мой знакомый поясняетъ, какъ воздержанные люди могутъ ограничивать свои ежедневныя потребности въ пищѣ, и называетъ одного англійскаго милліонера, который, будучи въ дорогѣ, остановился гдѣ-то позавтракать. Этотъ богачъ удивилъ свою сопутницу невзыскательностью потребованной имъ пищи: путешественникъ удовольствовался завтракомъ, состоящимъ изъ простой овсянки.

Одна брошюра Владимірова носитъ интересное названіе: „Кухня, какъ путь эмансипаціи женщины“. Зная тутъ тяжелыя обязанности хозяйки дома, по наблюденію за готовящимся на плитѣ обѣдомъ, а иногда и саморучно готовящей кушанія въ кухонномъ чаду и дымѣ, авторъ указываетъ на путь эмансипаціи женщины упрощеніемъ обѣденнаго стола, при замѣнѣ мясной пищи растительною. Не ограничиваясь протестомъ противъ употребленія мясной пищи, Владиміровъ возставалъ противъ употребленія чая и въ особой брошюрѣ доказывалъ вредъ чая для здоровья и кромѣ того указывалъ на вредъ умственный и экономическій, приносимый этимъ напиткомъ. Экономическія послѣдствія онъ находитъ въ огромныхъ денежныхъ суммахъ, уплачиваемыхъ Китаю Русскимъ государствомъ.

Одинъ разъ мнѣ случилось имѣть столкновеніе съ этимъ почтеннымъ человѣкомъ, по поводу воспитанія дѣтей. Видя двухъ его сыновей непосѣщающими школы, я чувствовалъ къ нимъ сожалѣніе. Встрѣтясь однажды съ мальчиками, я спро-

силъ ихъ, желаютъ ли они поступить въ гимназію. Тѣ отвѣчали мнѣ утвердительно. „Въ такомъ случаѣ“ — сказалъ я,— „просите папу помѣстить васъ въ гимназію“.—Такой совѣтъ навлекъ на меня гнѣвъ отца. Въ особомъ письмѣ, онъ предлагаетъ мнѣ не вмѣшиваться въ его систему воспитанія, при этомъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ дурно отозвался о тогдашней гимназіи и прибавилъ, что не отдастъ туда учиться своихъ дѣтей. Подобный упрекъ въ то время часто раздавался въ обществѣ. При сравненіи кадетскихъ корпусовъ съ гражданскими гимназіями отдавали преимущество первымъ, въ коихъ существовала система воспитанія, болѣе лучшая, чѣмъ во вторыхъ. Указывали, что въ корпусахъ существуетъ безпристрастіе, справедливость, а въ гимназіяхъ нашего края нужной справедливости не было. Всѣмъ извѣстно, какъ много усилій приложило министерство народнаго просвѣщенія къ переустройству нашей средней школы. Размѣры этихъ заботъ можно оцѣнить, сравнивая билеты прежняго времени, выдававшіеся гимназистамъ, съ билетами нынѣшняго времени. Передо мною лежатъ два билета: одинъ старый, выданный 5-ю Петербургскою гимназіею на 1851—52 учебный годъ; другой современный, выданный Виленскою гимназіею въ 1908 году. Первый состоитъ изъ осьмушки бумаги, на коей написаны пять пунктовъ правилъ въ одиннадцати строкахъ. Второй состоитъ изъ карманной книжки, въ коей напечатано 46 параграфовъ. Разница большая!

Другой замѣчательный человѣкъ, причастный къ литературѣ, былъ Небольсинъ, занимавшійся изслѣдованіемъ бытовыхъ условій народа. Пріѣхавъ въ 1863 году въ Гродно на службу, онъ заинтересовался еврейскою народностью. Будучи одинокимъ человѣкомъ, не имѣя семьи, онъ прожилъ 6 лѣтъ въ домѣ одного еврея, семья котораго жила тутъ же и съ образомъ жизни котораго онъ хорошо ознакомился. Пріобрѣтя многочисленное знакомство въ еврейской средѣ, Небольсинъ вникалъ въ оригинальную жизнь этого древнѣйшаго въ Европѣ народа. Строгость выполненія разныхъ обрядовъ, твердое слѣдованіе своему закону, особый взглядъ на женщину—всѣ эти качества поразили нашего чиновника. Между прочимъ, онъ заинтересовался причиною быстраго размноженія еврейскаго племени. Изъ устныхъ разспросовъ онъ догадался, что есть что-то особенное въ еврейскомъ быту, неизвѣстное христіанамъ. Когда Небольсинъ запялъ въ Вильнѣ мѣсто цензора, тогда онъ вошелъ въ болѣе близкое знакомство съ еврейскою интеллигенціею. Подъ начальствомъ Небольсина служили цен-

зора-евреи. Узнавъ, что въ уставѣ о Миквѣ содержатся важныя указанія для сохраненія женскаго здоровья, Небольсинъ поручилъ одному образованному еврею перевести этотъ уставъ на русскій языкъ. Надо сказать, что уставъ содержитъ развитіе правилъ, значащихся въ Библіи, въ книгѣ Левитъ въ главѣ XV. Миква—это резервуаръ съ проточною водою; погруженіемъ въ этотъ резервуаръ люди не только обмываютъ тѣло, но и подвергаются какъ бы духовному очищенію. Сдѣланный русскій переводъ о Миквѣ вмѣстѣ со своими наблюденіями надъ еврейскою жизнью, Небольсинъ напечаталъ въ Запискахъ Географическаго Общества въ 1873 году. Получивъ отдѣльные оттиски своей статьи, Небольсинъ роздалъ ихъ своимъ знакомымъ, и такимъ образомъ русское общество ознакомилось съ интересною стороною еврейской жизни. Замѣтимъ, что текстъ устава весьма циниченъ и его нельзя читать при дамахъ. Распространеніе свѣдѣній о секретныхъ еврейскихъ обрядахъ произвело волненіе въ еврейскихъ обществахъ, такъ какъ были обнаружены ихъ тайны.

Другую статью о евреяхъ Небольсинъ напечаталъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Это установленіе о халицѣ или актѣ разуванія, въ которомъ излагается обязанность вдовы выйти замужъ за брата умершаго мужа, или получить *халицу*, т.-е. свободу выйти замужъ за другого человѣка. Небольсинъ даже указалъ мѣсто, гдѣ совершается обрядъ халицы, въ Вильнѣ: это—комната при синагогѣ погребальнаго общества.

Вообще еврейскій народъ заслуживаетъ особаго вниманія по своей выдающейся жизнеспособности. Будучи самымъ старымъ въ Европѣ, онъ выработалъ себѣ крѣпкую, сплоченную организацію, позволившую ему вынести многочисленныя гоненія. Евреи не привлекаютъ къ себѣ иновѣрцевъ, не стремятся обратить ихъ въ свою религію, подобно христіанамъ и магометанамъ; напротивъ, они не смѣшиваются съ другими расами, потому что считаютъ себя народомъ Божіимъ, призванными на высокое назначеніе. Молятся они Богу очень усердно. У христіанъ болѣе набожны женщины; у евреевъ—наоборотъ, болѣе набожными мужчины. Евреи считаютъ женщину полуживотнымъ и не требуютъ отъ нея большихъ молитвъ. Всѣ мужчины ежедневно посѣщаютъ свою школу, т.-е. синагогу, которая бываетъ постоянно открыта для молящихся, даже ночью. Мнѣ неоднократно случалось замѣчать, какъ евреи мастеровые отказывались приходить рано утромъ на работу, потому что они

сперва должны побывать въ школѣ. Благотворительность у нихъ развита въ высокой степени, безъ всякихъ письменныхъ уставовъ, единственно по установившемуся обычаю. Существуетъ много братствъ съ различными цѣлями. Такъ, погребальное братство хоронитъ всѣхъ покойниковъ: бѣдныхъ и богатыхъ, при чемъ бѣдняковъ хоронитъ даромъ. Можно сказать, что каждый умершій становится собственностью братства; почему родные умершаго совершенно свободны отъ хлопотъ, связанныхъ съ погребеніемъ. Старинное еврейское общество, искупляющее плѣнныхъ, теперь оказываетъ помощь находящимся подъ стражею. Странноприемное братство доставляетъ прибывающимъ евреямъ столъ и квартиру на нѣсколько дней. Существуютъ еще особыя братства, оказывающія помощь больнымъ, доставляющія бѣднымъ одежду и обувь, помогающія бѣднымъ невѣстамъ выходить замужъ, дающія въ долгъ деньги безъ процентовъ. Братства такъ распространены, что каждый еврей состоитъ членомъ какого-нибудь благотворительнаго учрежденія. Къ хорошимъ качествамъ евреевъ надо отнести стремленіе ихъ къ просвѣщенію и къ охранѣ нравственности женщинъ. Небольсинъ свидѣтельствуетъ, что всѣ евреи поголовно грамотны. Распространенію грамотности способствуетъ большое количество народныхъ школъ, коихъ въ Вильнѣ доходитъ до сотни. За поведеніемъ женщинъ внимательно смотритъ еврейское общество. Былъ такой случай. Молодой офицеръ зашелъ вечеромъ въ галантерейный магазинъ на Большой улицѣ. Тамъ были только женщины-торговки; мужчинъ не было. Стояла лѣтняя погода; двери были открыты настежь и магазинъ освѣщался лампами. Никого изъ покупателей не было. Офицеръ сталъ разсматривать вещи, прицѣнивался къ нимъ и выбиралъ себѣ нужное, при чемъ велъ разговоръ съ продавщицами. Служащія дѣвушки, не имѣя дѣла, собрались около офицера и слушали разговоръ. Совершенно неожиданно вошелъ въ магазинъ бѣдно одѣтый еврей, сталъ посреди комнаты и молча слушалъ разговоръ. Вошедшій никакого товара себѣ не спрашивалъ; ни одна изъ торговокъ не обратилась къ нему съ вопросомъ. Постоявъ 2—3 минуты, еврей молча вышелъ изъ магазина. Офицеръ вынесъ убѣжденіе, что этотъ мужчина приходилъ съ единственною цѣлью наблюдать за поведеніемъ торговокъ. Вообще евреи относятся очень строго къ поведенію своихъ женщинъ. Если молодая женщина овдовѣетъ, то общество требуетъ отъ нея вторичнаго выхода замужъ, въ против-

номъ случаѣ, ее считаютъ порочною. Развратныхъ женщинъ евреи даже не хоронятъ на общемъ кладбищѣ. Дисциплина у евреевъ строгая: ей повинуются всѣ. Однажды мнѣ довелось видѣть примѣръ безпрекословнаго исполненія существующаго порядка, чего у христіанъ не встрѣтить. Были похороны богатаго еврея, который при жизни не слѣдовалъ еврейскому закону. Умершій былъ холостъ, состоялъ членомъ дворянскаго клуба, пилъ вино, игралъ въ карты и имѣлъ обширный кругъ знакомства въ христіанскомъ обществѣ. Не удивительно, что провожать покойнаго собралось много народу. Былъ и я въ числѣ провожатыхъ. Въ квартирѣ усопшаго трупъ покойника лежалъ на полу. Мнѣ объяснили, что такое положеніе придаютъ трупу съ цѣлью показать, что всѣ люди равны. На кладбище везутъ покойниковъ въ особомъ гробу, служащемъ для перевозки и другихъ умершихъ. По прибытіи на мѣсто, трупъ вынимаютъ изъ гроба, совершаютъ какой-то религіозный обрядъ и затѣмъ переносятъ къ могилѣ. При совершеніи обряда, на умершаго одѣваютъ одежду. При похоронахъ какого-нибудь извѣстнаго раввина, участвовать въ облаченіи одежды считается за честь, а за право участвовать въ облаченіи платятъ особыя деньги. Въ то время, про которое я говорю, еврейское кладбище не было такъ хорошо устроено, какъ нынѣ. Былъ большой деревянный сарай, куда и привезли покойника. Я стоялъ въ концѣ сарая; а въ противоположномъ углу вынули трупъ и приступили къ совершенію обряда. Родная сестра покойника, увидѣвъ трупъ брата, наклонилась и хотѣла его поцѣловать. Въ то самое время, стоявшій вблизи меня какой-то грязный еврей издалъ пронзительный, рѣзкій крикъ. При этомъ звукѣ, наклонившаяся дама мгновенно выпрямилась и быстро отступила отъ трупа, какъ будто услыхала громъ съ неба. Такое повиновеніе крику, изъ устъ грязнаго еврея, меня очень удивило.

Переходя къ выясненію причинъ быстраго размноженія еврейскаго народа, можно указать на слѣдующіе аргументы:

1) Каждый еврей долженъ быть женатъ и обязанъ имѣть дѣтей; иначе онъ отступникъ отъ закона. Если у еврея нѣтъ дѣтей, то онъ можетъ развестись съ женою и вступить въ новый бракъ.

2) Отвращеніе евреевъ отъ употребленія спиртныхъ напитковъ и отсутствіе въ еврейскомъ народѣ пьянства.

3) Еврейскій законъ регулируетъ супружескія отношенія.

4) Каждая женщина обязана соблюдать существующія пра-

вила чистоты и обязана посѣщать микву въ установленные дни. Для надзора за исполненіемъ этихъ правилъ назначаются особыя женщины.

Вышеизложенныя причины стали извѣстны русскому обществу изъ трудовъ Небольсина. Къ нимъ можно прибавить отвращеніе евреевъ отъ военнаго ремесла, уклоненіе ихъ отъ военной службы и воздержаніе въ употребленіи мясной пищи. Извѣстно, что евреи не употребляютъ въ пищу свинины; а мясо прочихъ животныхъ ѣдятъ только тогда, когда при убоѣ присутствовалъ свѣдущій человѣкъ и призналъ скотину неимѣющею сомнительныхъ вредныхъ признаковъ. По этой причинѣ еврейское мясо продается всегда дороже христіанскаго.

Что касается пребыванія молодыхъ людей въ войскахъ, то весьма понятно, что эта служба приноситъ ущербъ семейной жизни.

Въ 1876 году, мнѣ пришлось прожить нѣкоторое время въ Бѣлградѣ, вскорѣ послѣ окончанія Сербско-Турецкой войны. Генералъ Черняевъ выбылъ уже изъ Сербіи, но вездѣ въ городѣ упоминали его имя. Куда ни придешь, вездѣ слышишь „Михаило Григорьевичъ“. Въ городѣ было много русскихъ добровольцевъ. Слышны были разговоры о военныхъ неудачахъ, о непослушаніи Черняеву отдѣльныхъ начальниковъ. У меня нашелся въ Бѣлградѣ товарищъ по школѣ, сербъ, воспитывавшійся въ Петербургѣ и возвратившійся въ Сербію. Какъ-то я у него обѣдалъ. Кушанья были по обыкновенію съ паприкою. Употребленіе этой приправы возбуждаетъ жажду. А пить воду запрещено: можно было получить лихорадку; поэтому требовалось пить вино. Я однако отъ вина отказался, и лихорадка меня не коснулась. Посѣтилъ я митрополита Михаила, про котораго въ русской прессѣ печатали очень хорошіе отзывы. Поименованный пастырь,—воспитанникъ Кіевской духовной академіи, мнѣ не понравился.—„Россія давно не воевала; пора повоевать“,—вотъ его слова. Въ здѣшнемъ соборѣ, за обѣдней пѣли русскіе пѣвчіе, присланные изъ Москвы. Ихъ было немного, но пѣли они очень хорошо. Передъ возвращеніемъ въ Россію, всѣ пѣвчіе были награждены орденомъ „Такова“. Въ Бѣлградскихъ церквахъ соблюдается хорошій порядокъ въ размѣщеніи молящихся: женскій полъ отдѣленъ отъ мужскаго; впереди стояли мужчины, позади женщины. Подобный порядокъ раздѣленія половъ существовалъ въ Петербургѣ, въ Почтамской церкви, гдѣ мужчины становились на правой сторонѣ, а

женщины на лѣвой. За соблюденіемъ этого порядка строго наблюдалось. Въ городѣ жилъ австрійскій консулъ, прекрасно говорившій по-русски. Сербы про него говорили: „это нашъ врагъ, хуже турка". Передъ началомъ войны съ турками, сербы пытались поднять возстаніе у болгаръ: разсыпали воззванія, привозили тайкомъ оружіе; все напрасно—болгары рѣшительно отказывались возставать противъ турокъ. Тогда обнаружилась непріязнь между этими двумя славянскими народностями, перешедшая впослѣдствіи, послѣ русско-турецкой кампаніи, въ открытую войну. Болгары, какъ евреи, питали отвращеніе къ оружію и только, когда русская армія перешла Дунай и вступила въ Болгарію, тогда болгары начали борьбу съ турками.

Во время моей бытности въ Бѣлградѣ, тамъ ходили по рукамъ добровольцевъ стихи о бывшихъ неудачахъ. Одна пѣсня начиналась такъ:

Было дѣло подъ Дьюнишемъ.
Плохо дѣло, чортъ возьми.
Мы дрались тогда съ Керимомъ
И изъ шанцевъ утекли.
Десять пушекъ побросали
И Мораву вбродъ прошли,
А понтоны еле сняли,
Въ Делиградъ ихъ увезли...

Надо сказать, что сербскія войска не были организованы и мало дисциплинированы; поэтому неудивительно, что турки, превосходившіе численностью сербовъ, взяли надъ ними перевѣсъ.

Мнѣ довелось познакомиться съ замѣчательнымъ русскимъ добровольцемъ-Кузьминскимъ. Этотъ кавалерійскій офицеръ имѣлъ георгіевскій крестъ за военныя отличія въ Туркестанѣ. Будучи человѣкомъ богатымъ, онъ собралъ подъ свою команду полъ-сотни удальцевъ, между коими былъ одинъ баронъ, убившій на родинѣ человѣка и бѣжавшій въ Сербію. Про Кузьминскаго говорили, что онъ сдѣлалъ въ Варшавѣ какой-то проступокъ противъ дисциплины и потому бѣжалъ въ Сербію. Онъ былъ человѣкомъ разносторонне образованнымъ. Ему пришлось прожить въ Парижѣ во время осады этого города нѣмцами. Извѣстно, что одно время Парижъ былъ совершенно изолированъ отъ окружающаго міра. У Кузьминскаго вышли тогда всѣ наличныя деньги; достать другихъ было негдѣ. Тогда онъ рѣшился

продать свои дорогіе карманные часы, только-что купленные передъ франко-германской войной. Пошелъ онъ въ тотъ магазинъ, гдѣ купилъ часы, и просилъ взять ихъ обратно за полцѣны. Купецъ отказался. Кузьминскій еще сбавилъ цѣны—все-таки не получилъ удовлетворенія въ своемъ предложеніи. Разсерженный жадностью мастера, русскій офицеръ ушелъ изъ магазина и продалъ новые часы въ другомъ мѣстѣ.—Этому Кузьминскому пришлось выдержать замѣчательный курсъ лѣченія и едва-ли гдѣ-либо встрѣчаемый. На моихъ глазахъ, онъ на скаку упалъ съ лошади, при чемъ расшибъ себѣ ногу и ушибъ голову о дерево. Тотчасъ былъ приглашенъ докторъ изъ русскаго санитарнаго отряда. Докторъ далъ медицинскія пособія и между прочимъ приложилъ ледъ къ ногѣ. Такъ прошло нѣсколько дней. Добровольцы, его сподвижники, захотѣли помочь своему начальнику и отыскали въ городѣ какую-то знахарку. Эта женщина также начала лѣчить больного, но только другимъ способомъ: она стала прикладывать къ больной ногѣ горячія припарки. Лѣченіе шло такимъ образомъ: утромъ, къ приходу доктора, ставился ледъ; вечеромъ клалась горячая припарка. Несмотря на такія діаметрально противоположныя средства, больной выздоровѣлъ. Однако молодому человѣку не пришлось больше воевать съ турками: со вступленіемъ русской арміи въ Турцію, онъ, какъ сообщали газеты, окончилъ жизнь самоубійствомъ. Очень жаль этого отважнаго воина.

Передъ Рождествомъ пріѣхалъ въ Бѣлградъ изъ Петербурга генералъ Никитинъ со штабомъ изъ 5-ти человѣкъ. Появленіе на улицѣ русскихъ офицеровъ въ формѣ произвело большое впечатлѣніе въ городѣ. Всѣ спрашивали причину этого пріѣзда, строили разныя предположенія, но ничего узнать не могли. Однако Никитинъ не прожилъ долго: вскорѣ онъ уѣхалъ обратно въ Петербургъ. Очевидно, миссія его не удалась. По сообщенію достовѣрныхъ людей, дѣло было такъ: извѣстно, что въ сербской арміи проявлялась неурядица; военный министръ Николичъ велъ бумажную войну съ Черняевымъ. Это непріязненное отношеніе перешло къ сербскимъ офицерамъ. Позднѣе пріѣхалъ генералъ Новоселовъ, принявшій командованіе надъ особою арміею и относившійся также непріязненно къ Черняеву. Неудивительно, что турки, при ихъ многочисленности, одерживали побѣды надъ сербами. Вотъ генералу Никитину было поручено водворить порядокъ, организовать сербскую армію и оказать Сербіи денежную помощь. Говорятъ, что въ распоряженіи Никитина были большія суммы. Когда началась выдача

денегъ, сербы обнаружили жадность къ русскому золоту. Сербы мнѣ говорили, что съ начала сербско-турецкой войны было сбавлено жалованье всѣмъ высокостоящимъ лицамъ. Называли даже maximum мѣсячнаго жалованья, которое получали министры. Сколько помнится—это было 120 или 100 рублей въ мѣсяцъ. Разумѣется, подобное ограниченіе показывало на патріотизмъ сербовъ. Когда же русскій генералъ началъ отпускать деньги, то требованія сербовъ возрасли до чрезвычайности. Я знаю одинъ случай. Нужно было командировать сербскаго офицера въ Венгрію по какому-то дѣлу. Зашелъ вопросъ: сколько дать суточныхъ денегъ этому лицу. Сербское правительство отвѣтило: по 5 рублей золотомъ въ сутки. Такое неимовѣрное требованіе удивило Никитина. Надо замѣтить, что офицеры императорской арміи, прибывшіе съ Никитинымъ, получали только по 3 рубля въ сутки. Такія безмѣрныя требованія показали Никитину, что сербы хотятъ эксплоатировать русскую казну. Не желая быть жертвой такого вымогательства, Никитинъ отказался отъ даннаго ему порученія и уѣхалъ въ Петербургъ. Такъ не состоялась русская миссія. А очень жаль. Если бы не случилось подобнаго разногласія, то, съ объявленіемъ войны, русская армія переправилась бы на правый берегъ Дуная въ Сербіи, т. е. на дружественный берегъ и не было бы тѣхъ потерь, кои мы понесли подъ Систовомъ. Сформированныя сербскія войска, добровольцы и русская дивизія съ казаками образовали бы большую армію, которая привлекла бы къ себѣ турецкія силы и не позволила бы Осману-пашѣ уйти въ Плевно; слѣдовательно, несчастныхъ атакъ Плевны не было бы и вся кампанія прошла бы иначе.

Проживая въ Бѣлградѣ, я съѣздилъ на другой берегъ Дуная въ маленькій венгерскій городокъ Панчіо. Тамошніе сербы, узнавъ во мнѣ русскаго, приняли меня очень радушно. Одинъ адвокатъ мнѣ говорилъ: до австрійскаго дуализма, надъ нами господствовали нѣмцы, которые хотя и тѣснили насъ, но признавали сербскую народность. Съ введеніемъ дуализма, стали надъ нами господствовать венгры, которые сильнѣе притѣсняютъ насъ.—„Какіе вы сербы, вы венгры“,—говорятъ они и ввели венгерскій языкъ въ администрацію, въ судъ и въ школу. Для сербовъ учиться нѣмецкому языку было полезно, такъ какъ можно было ознакомиться съ наукой и литературой образованнаго народа. Ничего подобнаго не давалъ венгерскій языкъ. Въ Панчіо мнѣ пришлось познакомиться съ княземъ Карагеоргіевичемъ, прекрасно образованнымъ молодымъ человѣкомъ,

окончившимъ Московскій университетъ. Онъ, конечно, хотѣлъ бы принять участіе въ войнѣ, вставъ въ ряды сербовъ, но фамиліи Карагеоргіевичей былъ запрещенъ въѣздъ въ Сербію.

Припоминаю эпизодъ изъ посѣщенія генераломъ Черняевымъ города Праги въ Чехіи, послѣ сербско-турецкой войны. Сербская молодежь, узнавъ о пріѣздѣ героя послѣдней войны, дѣлала большія овація русскому генералу. Подобныя овація были непріятны нѣмцамъ, и австрійская полиція разгоняла толпы сербовъ, собиравшихся на площади передъ гостиницей, гдѣ остановился Черняевъ. Когда полиція оказалась безсильною, тогда вступило на площадь войско. Затѣмъ, администрація предложила Черняеву покинуть городъ, что и было имъ исполнено. Эпизодъ вмѣшательства войска въ разгонѣ толпы описанъ русскимъ поэтомъ Минаевымъ, подъ заглавіемъ: „Славный бой при гостиницѣ Санъ-Стефано“.

Посѣщая рестораны въ Бѣлградѣ, я замѣтилъ демократическіе порядки, существовавшіе тамъ. Прислуга, подававшая кушанія во время обѣдовъ, была расторопна и почтительна; когда же обѣденный часъ кончался, въ томъ же помѣщеніи накрывали новый обѣденный столъ, исключительно для лакеевъ, которые и обѣдали тутъ съ должнымъ достоинствомъ.

Послѣ Потапова генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ Альбединскій. Съ пріѣздомъ новаго начальника края, доступъ во дворецъ широко раскрылся; начались еженедѣльные пріемы, устраивались танцовальные вечера, давались балы. Атмосфера во дворцѣ перемѣнилась: чувствовался радушный пріемъ гостей. Альбединскій любилъ военное дѣло вообще, а кавалерійское дѣло— въ особенности. Слѣдующій случай пояснитъ сказанное. Однажды въ пріемной комнатѣ дворца собрались должностныя лица въ ожиданіи пріема генералъ-губернаторомъ. Въ числѣ ихъ были начальникъ отдѣленія генералъ-губернаторской канцеляріи и помощникъ начальника окружнаго штаба. Такъ какъ первый пришелъ во дворецъ раньше второго, то ему слѣдовало идти къ генералъ-губернатору раньше ожидавшаго генерала. Поэтому сей послѣдній обратился къ чиновнику съ просьбою уступить ему свою очередь входа въ кабинетъ, такъ какъ у него незначительный докладъ по кавалеріи. Начальникъ отдѣленія согласился. Противъ ожиданія помощникъ начальника штаба пробылъ въ кабинетѣ битый часъ и тѣмъ сильно огорчилъ ожидавшаго чиновника, имѣвшаго весьма серьезное и важное дѣло. Когда, наконецъ, генералъ-губернаторъ принялъ ожидавшаго чиновника, то и слушать не сталъ устныхъ объ-

ясненій важнаго дѣла, а прямо подписалъ поданную ему бумагу. Такъ отличалъ начальникъ края штатское дѣло отъ военнаго.

Передъ русско-турецкой войной обращено было въ арміи большое вниманіе на рѣшенія офицерами тактическихъ задачъ. Заставляли рѣшать задачи не только оберъ-офицеровъ, но и штабъ-офицеровъ. Альбединскій принималъ большое участіе въ этихъ упражненіяхъ, исполняемыхъ на бумагѣ по лежащимъ планамъ и картамъ. Часто подобныя упражненія дѣлались въ военномъ клубѣ, по вечерамъ, гдѣ присутствовалъ командующій войсками округа. Говорятъ, что передъ русско-турецкой войной было уволено до 40 капитановъ за неумѣніе рѣшать тактическія задачи. Когда въ Петербургѣ узнали о такой ревностной дѣятельности генералъ-губернатора, тогда Альбединскаго зачислили въ генеральный штабъ. Это назначеніе очень польстило награжденнаго, и онъ съ охотою смѣнилъ красивый гусарскій мундиръ на сюртукъ генеральнаго штаба. Тогда же онъ сдѣлалъ обѣдъ для офицеровъ генеральнаго штаба и снялся съ ними въ фотографіи, въ общей групѣ. Супруга генералъ-губернатора обладала большимъ тактомъ: она принимала всѣхъ служащихъ очень привѣтливо, со всѣми обходилась ровно и не позволяла цѣловать своей руки. Разсказываютъ, что какой-то чиновникъ, получивъ пригласительный билетъ на балъ къ генералъ-губернатору, пріѣхалъ туда, не представившись предварительно хозяину дома. Альбединская, узнавъ объ этомъ, взяла этого чиновника подъ руку, повела къ своему мужу и представила гостя хозяину дома. Нѣкоторые мѣстные учителя были приглашены въ генералъ-губернатору давать уроки его дѣтямъ за денежную плату. Одинъ преподаватель очень успѣшно обучалъ дѣтей. Альбединская, желая отблагодарить учителя, поѣхала съ визитомъ къ его женѣ, которая до того времени никогда не бывала въ генералъ-губернаторскомъ дворцѣ. Когда Альбединскій получилъ назначеніе въ Варшаву, тогда воинскіе чины поднесли ему альбомъ, богато отдѣланный. Помню, что на переплетѣ были сдѣланы художественной работы сцены изъ военной жизни округа, гдѣ нарисованы были дѣйствующія лица съ поразительнымъ сходствомъ. Въ расходахъ на заготовленіе альбома участвовали только генералы и начальники отдѣльныхъ частей. Командиры полковъ внесли, если не ошибаюсь, по 50 руб. съ лица.

Въ теченіе многихъ лѣтъ я былъ постояннымъ членомъ дворянскаго клуба. Въ молодые годы, я ежедневно приходилъ по вечерамъ въ клубъ для чтенія журналовъ и газетъ. Семейныхъ

вечеровъ клубъ дѣлалъ мало, потому что дамы любили очень наряжаться, черезъ что многіе воздерживались отъ частыхъ посѣщеній вечеровъ. Кромѣ того трудно было имѣть достаточное число танцоровъ. Только гораздо позднѣе клубные вечера стали болѣе оживленными. Одно время въ клубѣ дѣлались общіе обѣды каждыя двѣ недѣли. Въ этихъ обѣдахъ было пріятно участвовать. Обѣдъ состоялъ изъ 6 блюдъ и стоилъ 1 р. 50 коп. безъ вина. Въ клубномъ хозяйствѣ было обращено особое вниманіе на заготовку вина, котораго поваръ не касался. Однако злоупотребленіе виномъ было большое, несмотря на особо нанятаго человѣка, который обязанъ былъ вести ежедневную запись вина. При одной ревизіи вспомнили про небольшую компанію—человѣкъ 7—8, которая провожала въ извѣстный день своего товарища, уѣзжавшаго изъ Вильны. Сидя за обѣдомъ, компанія молодыхъ людей поручила своему товарищу требовать вина на всѣхъ восьмерыхъ. Вина было випито что-то рублей на 40. Ревизіонная комиссія захотѣла убѣдиться, на сколько рублей по имѣющимся записямъ этотъ членъ выпилъ вина въ извѣстный день. Оказалось на 3 руб. 50 к. Когда завѣдующему виномъ было указано, что запись слишкомъ мала, тотъ упорно отрицалъ фальшь. На счастье, участвовавшій въ обѣдѣ сохранилъ подлинный счетъ поданнымъ винамъ, и ревизіонная комиссія могла убѣдиться, что вина было вытребовано не на 3½ рубля, а на 38 рублей. Такъ было сильно развито плутовство. Въ дворянскомъ клубѣ давались прекрасные музыкальные вечера, устраиваемые сформировавшимся тогда музыкальнымъ обществомъ. Музыкальныхъ силъ было много; музыка была серьезная и можно было съ удовольствіемъ проводить вечеръ. Одинъ изъ участниковъ этого общества, именно Столыпинъ, началъ читать лекціи по исторіи музыки. Лекціи этого молодого человѣка были интересны, но вскорѣ прекратились. Закрылось и музыкальное общество. По какимъ причинамъ прекратилась эта музыкальная дѣятельность—не знаю; кажется, вслѣдствіе какихъ-то денежныхъ растратъ.

Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей журнальной комнаты, былъ почтенный еврей, докторъ, служившій въ царствованіе Николая I. Онъ разсказалъ намъ интересный эпизодъ изъ своей службы. Прибылъ въ Вильну министръ финансовъ Вронченко. Однажды вечеромъ, этотъ министръ пригласилъ къ себѣ означеннаго доктора для частной бесѣды. Разговаривая съ гостемъ, Вронченко спросилъ его: можетъ ли онъ получить откровенный правдивый отвѣтъ по важному вопросу, при чемъ министръ

успокоилъ его, увѣривъ, что никакой отвѣтственности за высказанную рѣчь онъ не подвергнется. Докторъ выразилъ готовность отвѣчать правдиво. Тогда министръ сказалъ:—„объясните мнѣ пожалуйста, что мѣшаетъ евреямъ принять русскую вѣру". Неожиданнымъ вопросомъ докторъ былъ изумленъ и очутился въ затруднительномъ положеніи. Однако какое-то объясненіе министръ получилъ. Намъ приходится удивляться наивности вопроса, сдѣланнаго министромъ. Этотъ Вронченко былъ извѣстенъ какъ большой любитель женщинъ. Ѣхалъ онъ на почтовыхъ и остановился на Динабургской станціи для перемѣны лошадей. Тамъ онъ увидалъ очень красивую служанку, прошедшую, какъ говорится, огонь и воду. Министръ объявилъ себя заболѣвшимъ и остался ночевать на станціи. На другой день онъ продолжалъ путешествіе, но красивая служанка не осталась служить въ Динабургѣ, а переѣхала на жительство въ Петербургъ. Передъ русско-турецкой войной жилъ въ Вильнѣ отецъ молодого Столыпина, шталмейстеръ Столыпинъ. Это былъ человѣкъ разносторонне образованный, обширнаго ума, доступный въ обращеніи. Онъ разсказывалъ, какъ, пріѣхавъ въ Петербургъ изъ Крыма, онъ докладывалъ, Государю Николаю ходъ военныхъ дѣйствій, при чемъ, за неимѣніемъ чертежей, рисовалъ мѣстность мѣломъ на ломберномъ столѣ. Несмотря на свое высокое положеніе, Столыпинъ не чуждался общественной дѣятельности: онъ былъ гласнымъ въ городской думѣ, членомъ дворянскаго клуба и принималъ порученія по дѣламъ города и клуба. Незадолго до объявленія войны, въ дворянскомъ клубѣ была назначена ревизія хозяйства и въ ревизіонную комиссію были выбраны три члена, въ томъ числѣ шталмейстеръ Столыпинъ. Этотъ аристократъ не отказался отъ новаго дѣла. Онъ вмѣстѣ съ комиссіею подробно осматривалъ клубное имущество, повѣрялъ хозяйство, ведущіяся книги и даже спустился въ винный погребъ. Одинъ изъ членовъ клуба, полякъ, имѣвшій придворное званіе, узнавъ, что Столыпинъ находится въ погребѣ, спустился также туда и выразилъ удивленіе, что русскій сановникъ принимаетъ участіе въ счетѣ бутылокъ. Ревизіонная комиссія выполнила свое порученіе весьма хорошо, повѣрила все имущество, разсмотрѣла болѣе 20-ти книгъ и составила по сему предмету подробный докладъ, который былъ прочитанъ общему собранію членовъ. Можетъ быть, этотъ докладъ сохранился въ дворянскомъ клубѣ.

Столыпинъ жилъ въ собственномъ домѣ съ большимъ садомъ на Стефановской улицѣ. Эта улица не отличалась чи-

стотою, и Столыпинъ пожаловался однажды полицеймейстеру на существующую грязь. Тотъ отвѣчалъ: „я скажу въ городской управѣ, что Васъ собирается навѣстить генералъ-губернаторъ; тогда городское управленіе очиститъ улицу". Живя въ Вильнѣ и занимаясь музыкой, оба Столыпина, отецъ и сынъ, написали театральную пьесу патріотическаго содержанія, отвѣчавшую на злобу дня: ополченіе русскихъ. Эта пьеса шла нѣсколько разъ въ Виленскомъ театрѣ и имѣла успѣхъ. Особенно нравилось публикѣ пѣніе послѣднихъ словъ:

И Бѣлоруссія, Литва
Не будутъ Польшей никогда.

Съ объявленіемъ войны, Столыпинъ былъ переименованъ въ военный чинъ и уѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій. Туда же отправился и его сынъ, поступившій рядовымъ въ полевую артиллерію.

Проживъ много лѣтъ на свѣтѣ, я замѣчаю перемѣну, происшедшую въ нашемъ обществѣ. Того, что было прежде, теперь не увидишь. Въ юности мнѣ пришлось встрѣчаться съ лейтенантомъ Черноморскаго флота С., участникомъ Синопскаго боя. Онъ много разсказывалъ про тамошній морской бытъ. Одинъ разсказъ сохранился у меня въ памяти. У нашего боцмана (фельдфебеля), повѣствовалъ С., была красивая жена. Вотъ я и прихожу къ боцману въ гости вечеркомъ. Боцманъ мнѣ говоритъ: „ваше благородіе, при себѣ не позволю". Я вынимаю полтинникъ, даю ему и говорю: „убирайся въ кабакъ". Мужъ уходитъ изъ дому, и я остаюсь наединѣ съ женою.

Въ шестидесятыхъ годахъ, одинъ помѣщикъ Могилевской или Витебской губерніи, не помню, мнѣ разсказывалъ про то доброе старое время, когда легко нанимались въ помѣстьяхъ деревенскіе рабочіе. Въ зимнее время, не стоило большого труда привлечь мужиковъ на работу въ барскій дворъ. Достаточно было ихъ накормить, дать по чаркѣ водки и больше ничего: люди уходили довольные; о денежной платѣ не было и помину. Полагаю, что такихъ рабочихъ въ настоящее время не найти. Помѣщикамъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ жилось вообще очень хорошо. Владѣя большимъ пространствомъ земли и разными угодьями, они представляютъ собою польскій край, вкоренившійся на Западѣ Россіи. Стремленіе сохранить здѣсь Польшу осталось и понынѣ прежнее. Гдѣ-нибудь въ уѣздахъ Виленской или Ковенской губерніи случайно кто-нибудь заговоритъ по-русски: тотчасъ раздается гнѣвный голосъ хозяйки:

„не смѣть говорить по-русски; здѣсь Польша, а не Россія". По наружному виду, конечно, произошла перемѣна: прежняя панская гордость стихла.

Въ семидесятыхъ годахъ у меня былъ знакомый полковникъ, богатый помѣщикъ здѣшнихъ губерній. Это былъ гордый человѣкъ. Вышедши въ отставку въ генеральскомъ чинѣ, онъ поселился въ своемъ имѣніи. Кто-то изъ полицейскихъ властей, исправникъ или становой, пріѣхалъ къ нему съ визитомъ. „Я не хочу знакомиться съ полиціею",—говорилъ онъ мнѣ, „пріѣхавшаго я не принялъ и полицейскій чинъ не переступилъ порога моего дома". Прошло лѣтъ тридцать. Въ той же мѣстности, другой богатый помѣщикъ, неимѣвшій большого чина, уже не чуждается полиціи, а напротивъ, самъ старается завести съ нею знакомство. Подобное знакомство всегда можетъ принести пользу, ну хотя бы по части безпрепятственнаго полученія заграничныхъ паспортовъ. Нынѣшній землевладѣлецъ первый ѣдетъ къ мѣстному становому съ визитомъ, при чемъ поясняетъ, что никакихъ у него дѣлъ нѣтъ, а что онъ пріѣхалъ къ приставу единственно съ желаніемъ завести знакомство съ почтеннымъ человѣкомъ.

Въ позднѣйшее время идетъ агитація въ польскомъ обществѣ для созданія дружеской, сердечной связи между мужикомъ и помѣщикомъ. Эту миссію возлагаютъ на польскихъ женщинъ. Съ этою цѣлью въ Вильнѣ издано руководство для собесѣдованія съ крестьянкою, въ коемъ подробно указываютъ польскимъ дамамъ, какъ надо дѣйствовать, чтобы привлечь къ себѣ довѣріе деревенскихъ бабъ. Подобное сближеніе съ городскою прислугою уже достигнуто въ Вильнѣ. Теперь желаютъ создать такое же сближеніе въ деревнѣ, дабы было полное единеніе между господами и мужиками. Мысль очень хорошая, если въ ней нѣтъ намѣренія обратить бѣлоруссовъ въ поляковъ.

Происшедшее обновленіе нашего государственнаго строя не удовлетворило ни поляковъ, ни евреевъ; зато литовцы пробудились и проявили свое существованіе.

Алексѣй Гене.

По поводу статьи А. Е. К.

„М. И. Драгомировъ—генералъ-губернаторъ".

Въ Мартовской книжкѣ „Русской Старины" за 1913 годъ, начата печатаньемъ статья автора, скрывающагося подъ инициалами А. Е. К. „М. И. Драгомировъ—генералъ-губернаторъ", въ которой факты освѣщены до такой степени односторонне и неправильно, что я, какъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ М. И. Драгомирова, не могу не выразить самаго горячаго протеста.

Не настало еще время начертать во весь ростъ портретъ незабвеннаго Михаила Ивановича, какъ гражданина и какъ гражданскаго администратора.

Эти стороны проявленія личности Драгомирова, любопытныя и замѣчательныя сами по себѣ, должны интересовать русское общество еще и потому, что онѣ до сихъ поръ не нашли достойнаго выраженія и вообще извѣстны публикѣ очень мало.

Тѣмъ отвѣтственнѣе положеніе каждаго автора, который намѣревается познакомить читателей съ административной дѣятельностью и взглядами на нее Драгомирова.

Такая отвѣтственность требуетъ отъ автора осторожности въ освѣщеніи фактовъ, тщательной провѣрки субъективныхъ впечатлѣній и вдумчивости. Всего этого, къ сожалѣнію, лишена статья А. Е. К., написанная, что называется, съ плеча и совершенно искажающая образъ Драгомирова [1]).

Я здѣсь не собираюсь ни писать подробнаго опроверженія указанной статьи, ни излагать собственный взглядъ на дѣятельность Драгомирова, какъ генералъ-губернатора. Надѣюсь сдѣлать это впослѣдствіи со всей тщательностью, на которую въ правѣ претендовать этотъ выдающійся человѣкъ.

---

[1]) Редакція не раздѣляетъ этихъ взглядовъ автора. *Ред.*

Но я не могу не оставить безъ отвѣта неточности статьи, касающіяся моей дѣятельности, тѣмъ болѣе, что эти неточности искажаютъ и образъ Драгомирова.

Въ статьѣ говорится, что будто М. И. Драгомировъ пригласилъ меня въ качествѣ управляющаго канцеляріей генералъ-губернатора, не зная лично меня, но полагаясь на то, что я сынъ чтимаго имъ лучшаго друга, говорится, что я прослужилъ всего около полутора лѣтъ и что будто-бы М. И. Драгомирову пришлось сожалѣть объ этомъ моемъ сотрудничествѣ, такъ какъ, по словамъ какого-то невѣдомаго мнѣ собесѣдника Драгомирова, „какъ будто обманулъ“ его своимъ уходомъ.

Я прослужилъ при Драгомировѣ не полтора, а три года и сотрудничалъ покойному генералъ-губернатору большую часть времени его пребыванія въ этой должности.

Не мнѣ, конечно, дѣлать оцѣнку этого сотрудничества, но знаю, что М. И. Драгомировъ этимъ сотрудничествомъ всегда оставался доволенъ.

Пригласилъ меня М. И. Драгомировъ, зная меня лично, а не только какъ сына моего отца, бывшаго начальникомъ Академіи Генеральнаго Штаба, память котораго, правда, М. И. Драгомировъ очень чтилъ.

Кто же можетъ повѣрить автору, чтобы такой осторожный человѣкъ, какимъ былъ покойный кіевскій генералъ-губернаторъ, пригласилъ бы на столь для него важное мѣсто управляющаго своей канцеляріей человѣка лично ему не знакомаго? Разстался я съ Драгомировымъ также, вопреки словамъ автора, безъ всякаго неудовольствія его на меня. Разстался тогда, когда Михаилъ Ивановичъ сообщилъ мнѣ о своемъ неуклонномъ намѣреніи оставить постъ генералъ-губернатора.

Правда, я тяготился своей должностью и если находилъ какое-либо утѣшеніе въ ней, то только въ постоянномъ общеніи съ такимъ выдающимся по талантливости, всесторонне образованнымъ и необыкновенно чуткимъ человѣкомъ, какимъ былъ Михаилъ Ивановичъ.

Тяготился же я тѣмъ, что при той централизаціи управленія, которая господствовала у насъ во времена Сипягина и Плеве, на долю генералъ-губернаторскаго управленія оставалось очень мало самостоятельности.

М. И. Драгомировъ считалъ направленіе внутренней политики при Сипягинѣ и Плеве неправильнымъ и вреднымъ для истинныхъ интересовъ Россіи, протестовалъ противъ нея вездѣ,

гдѣ могъ, дѣлалъ попытки самостоятельнаго разрѣшенія хотя бы мѣстныхъ вопросовъ, но всегда встрѣчалъ противодѣйствіе въ центрѣ, гдѣ всѣ мѣстные вопросы оказывались непремѣнно связанными съ общими „охранительными“ задачами и вызывали требованія разрѣшенія ихъ, по указаніямъ изъ Петербурга. Я принялъ должность управляющаго канцеляріей генералъ-губернатора въ надеждѣ на то, что взгляды М. И. Драгомирова на задачи управленія мнѣ извѣстные и мною раздѣляемые, будутъ проводиться въ жизнь.

Скоро самъ М. И. Драгомировъ убѣдился въ невозможности проводить самостоятельно свои взгляды и если онъ не ушелъ раньше, то только потому, что какъ военный человѣкъ по преимуществу онъ ставилъ свои обязанности по военному управленію Кіевскимъ округомъ на первый планъ и полагалъ, что раздвоеніе власти, по мѣстнымъ условіямъ, затруднитъ его дѣятельность по военному управленію. При такихъ условіяхъ я, при первомъ упоминаніи Драгомирова о своемъ намѣреніи уйти изъ Кіева, заявилъ, что я при возможномъ пріемникѣ его оставаться не намѣренъ. М. И. Драгомировъ, конечно, меня понялъ и не могъ мнѣ не сочувствовать.

Поэтому, если онъ, можетъ быть, и считалъ, что съ точки зрѣнія обычныхъ представленій о „карьерѣ“ я поступаю „неблагоразумно“, то онъ, глубоко презирающій эти „обычныя воззрѣнія“ и никогда съ нимъ не считавшійся, не могъ не уважать моихъ побужденій.

Послѣ оставленія мною должности управляющаго канцеляріей я неоднократно видѣлся съ М. И. Драгомировымъ, неоднократно и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ и пользовался его полнымъ расположеніемъ и уваженіемъ, которыми всегда очень дорожилъ.

Говорить при этихъ условіяхъ, что М. И. Драгомировъ могъ считать меня „неблагодарнымъ“ совершенно не приходится.

Я не сомнѣваюсь, что тѣ лица,—а ихъ было довольно много—которымъ я стоялъ поперекъ дороги въ ихъ желаніи эксплоатировать свои связи въ самыхъ многоразличныхъ направленіяхъ и которыя въ бытность мою управляющимъ канцеляріей всѣми силами старались поселить у М. И. Драгомирова недовѣріе ко мнѣ, не успѣвъ въ этомъ и не посвященныя въ истинныя причины моего ухода, постарались и уходъ мой выставлять въ иномъ свѣтѣ. Они могли пытаться поиграть на самолюбіи Дра-

гомирова и выставлять мой уходъ въ неблаговидномъ свѣтѣ „неблагодарности“, но, конечно, имъ это не удалось, и Михаилъ Ивановичъ, не любившій долгихъ объясненій съ такими господами, неспособными понимать чистыхъ побужденій, ограничивался только фразой, приводимой самимъ А. Е. К.: — „нѣтъ, онъ хорошій человѣкъ“.

Для меня эта фраза дороже всѣхъ другихъ характеристикъ, приводимыхъ авторомъ, очевидно, не разобравшимся въ сложныхъ условіяхъ, окружавшихъ дѣятельность М. И. Драгомирова, какъ генералъ-губернатора.

А. Леонтьевъ.

Лѣтопись и мысли стараго педагога [1]).

Возвращаюсь къ первому году открытія интерната.

Главная задача при открытіи интерната въ новомъ учебномъ заведеніи естественно была создать такую атмосферу въ духовной жизни питомцевъ, которая, переходя въ традиціи и обычаи, могла бы служить помощью воспитателямъ и учителямъ въ ихъ работѣ съ послѣдующими поколѣніями. Эта нравственная атмосфера или духъ заведенія служитъ самымъ могущественнымъ средствомъ для воспитанія индивидуальнаго, подчиняя себѣ быстро и прочно отдѣльныхъ личностей.

Привычка и любовь къ труду, довѣрчивое отношеніе между воспитывающими и питомцами, правильное пониманіе чести и товарищескихъ отношеній, твердость характера, хорошее направленіе привычекъ и воли, искреннее отношеніе къ религіи и завѣтамъ родной страны, способность поступаться своими интересами на пользу общую,—вотъ главнѣйшія качества, которыя считали мы, да безъ сомнѣнія и всѣ безъ исключенія педагоги во всѣ времена, наиболѣе важными и особенно необходимыми въ начальной работѣ. Я хорошо помнилъ слова Пирогова, лично мнѣ сказанныя: „чтобы овладѣть душою ребенка, надо отдать ему, свою душу; чтобы получить его довѣріе, надо вѣрить ему, и помните, что педагогъ—это художникъ, который творитъ въ душѣ ребенка идеалъ свѣтлой личности". Слова величественныя, но отъ словъ до дѣла еще очень далеко.

Вопросъ сводится къ тому, какъ установить на практикѣ правильное внѣшнее проявленіе и внутреннее отношеніе къ людямъ и міру.

---

[1]) См. „Русская Старина", августъ 1913 г.

Конечно, рецептовъ на это нѣтъ, а если и встрѣчаются, то носятъ характеръ общихъ мѣстъ и пожеланій.

Въ моихъ замѣткахъ давно прошедшаго времени я нашелъ упоминаніе о нѣкоторыхъ нашихъ пріемахъ и отдѣльныхъ случаяхъ, удачныхъ и неудачныхъ.

Надо замѣтить, что первый годъ пребыванія дѣтей въ закрытомъ учебномъ заведеніи требуетъ особеннаго вниманія со стороны воспитывающихъ. Дѣти, съѣхавшіяся съ разныхъ концовъ Россіи, совершенно другъ другу незнакомыя, представляютъ интересный и удобный матеріалъ для наблюденій, для опредѣленія ихъ характеровъ. Смѣлыя и задорныя, сдержанныя, слабыя и трусливыя, великодушныя, мстительныя и злопамятныя, настойчивыя и уступчивыя, трудолюбивыя и лѣнивыя и проч., всѣ эти качества на первыхъ порахъ обнаруживаются легко. Дѣти обыкновенно очень довѣрчивы и привязчивы, если видятъ какое-либо вниманіе и заботу о нихъ новаго человѣка, близко къ нимъ поставленнаго. Воспитателю очень не трудно въ это время сдѣлать почти вѣрную характеристику каждаго, съ которою и сообразоваться въ дальнѣйшей своей дѣятельности съ отдѣльными личностями.

Въ младшихъ классахъ мы очень часто читали имъ разсказы, въ коихъ иллюстрировались случаи мужества, отваги, великодушія и честности. Разсказы эти производили сильное впечатлѣніе на дѣтей, и они съ увлеченіемъ искали случаевъ для подражанія и подвиговъ.

Однажды зимой я замѣтилъ на дворѣ кучу нашихъ малышей, возбужденно о чемъ-то толковавшихъ. Я вышелъ къ нимъ и увидѣлъ, что они окружили какого-то оборваннаго мальчика, дрожавшаго отъ холода. Они терли ему руки и лицо, чтобы согрѣть. Воспитанники бросились ко мнѣ и стали разсказывать, что они встрѣтили этого мальчика на улицѣ, онъ очень плакалъ, что у него больная мать и имъ нечего ѣсть. Дѣти просили меня, чтобы я позволилъ ему приходить къ нимъ въ столовую, когда они обѣдаютъ. Я позволилъ, и они усиленно стали его откармливать, удѣляя отъ своихъ порцій и снабжая въ изобиліи пищею для него и для матери и даже дарили ему игрушки. Нѣкоторымъ я позволилъ пойти посмотрѣть, какъ живутъ эти бѣдные люди.

Случалось намъ указывать на нѣкоторыя семьи служителей, которыя бѣдствовали. Всегда съ увлеченіемъ воспитанники шли на помощь.

На Рождество иногда устраивали елку для дѣтей прислуги

Но въ то же время питомцы, случалось, были безпощадно жестоки по отношенію къ нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей. Тогда приходилось подробно разспрашивать ихъ о причинахъ и входить въ самыя мельчайшія подробности каждаго отдѣльнаго случая. Очень часто причины преслѣдованія—были несимпатичныя стороны характера преслѣдуемаго. Если его обижали несправедливо, то я отдавалъ его подъ покровительство нѣсколькихъ его товарищей и просилъ ихъ заступаться, если онъ былъ не виноватъ. Бесѣды съ воспитанниками были часто продолжительныя, и споры вообще о справедливости и великодушіи—горячіе. Дурное отношеніе къ прислугѣ каждый разъ встрѣчало съ нашей стороны самое строгое порицаніе, а иногда и наказаніе, если виновный по упрямству не хотѣлъ извиниться передъ обиженнымъ. Порицаніе распространялось и на товарищей виновнаго за то, что они не умѣли удержать въ границахъ ихъ заносчиваго товарища. Въ большинствѣ случаевъ товарищи оправдывались тѣмъ, что служитель самъ былъ дерзокъ и нельзя было стерпѣть. Возстановить строгую справедливость и правильную оцѣнку обѣихъ сторонъ было очень трудно. Прислуга тоже была не безъ грѣха. Оставался одинъ аргументъ: что невоспитанному человѣку можно больше простить, чѣмъ воспитанному. Для примѣра прочимъ приходилось наказывать и дядьку, и воспитанника.

Отношенія малышей къ воспитателямъ и преподавателямъ были въ общемъ просты, патріархальны, здѣсь сразу установилось довѣріе и авторитетъ. Единичные случаи не имѣли вліянія на массу.

Религіозное настроеніе дѣтей, благодаря всѣми уважаемому священнику Успенскому, было хорошее. Каждый имѣлъ свой образокъ на кровати и молился утромъ и вечеромъ независимо отъ общей молитвы.

Частые разговоры наши съ дѣтьми объ ихъ семьяхъ, объ ихъ отношеніяхъ къ братьямъ и сестрамъ, подробные разсказы ихъ о мелкихъ событіяхъ ихъ дошкольной жизни очень смягчали и прекрасно настраивали ихъ душевное состояніе.

Бывали случаи, что кто-либо изъ воспитанниковъ соблазнится на чужое добро и похититъ у товарища лакомства, ручки, перья, тетради и проч. Всегда этимъ возмущалась вся масса и соблазнившемуся не легко сходило отъ товарищей. Намъ оставалось только слѣдить, чтобы не было эксцессовъ. Очень не любили товарищи жалобщиковъ, и мы тоже не поощряли этого. Лучше было, когда взаимныя неудовольствія улаживались самостоятельно.

Недобросовѣстное отношеніе къ учебнымъ работамъ не встрѣчало большого порицанія среди товарищей. Указанія на безнравственность и отвратительность лжи и обмана, во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, не имѣли вполнѣ желаемыхъ результатовъ и хотя наши питомцы были правдивы, но въ учебныхъ дѣлахъ контрабанда оставалась.

Такимъ образомъ съ дѣтьми младшаго возраста, только-что поступившими въ заведеніе, дѣло пошло какъ будто успѣшно. Съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю то счастливое время, то простое и ласковое отношеніе къ намъ дѣтей. Отрадно было мнѣ видѣть, какъ дружно тѣснились они около меня и каждый добивался, чтобы я положилъ ему руку на плечо. Перебивая другъ друга, разсказывали свои впечатлѣнія, свои радости и неудачи. Иногда я приходилъ къ нимъ съ кѣмъ-либо изъ ихъ родителей, которые умилялись при видѣ этой картины. Не забуду, какъ одна мать при этомъ заплакала и сказала мнѣ: „Боже мой, Боже мой, какъ они Васъ любятъ и какъ Вы этимъ счастливы“. Дѣти съ удовольствіемъ слушали наши разсказы. Иногда мы отправлялись съ ними въ дальнія прогулки, разводили костры, пекли картофель, и случалось, возвращались подъ проливнымъ дождемъ, всѣ промокшіе, но оживленные и бодрые духомъ. Счастливое, чудное время!.. Крупныхъ проступковъ совсѣмъ не было, а одно полугодіе было такое, что не встрѣтилось ни одной записи въ журналѣ и мы устроили дѣтямъ въ награду ужинъ. Всѣ воспитатели, учителя и питомцы сидѣли съ ними за однимъ столомъ и вели оживленную бесѣду. Послѣ ужина устроили игры, принявъ въ нихъ участіе.

Учебныя занятія для нѣкоторыхъ были трудны, но воспитатели младшихъ классовъ добросовѣстно шли къ нимъ на помощь, и потому на другой годъ въ тѣхъ же классахъ осталось очень мало.

Наказанія мы въ принципѣ не отвергали, но прибѣгать къ нимъ почти не приходилось.

По мѣрѣ того, какъ малыши выростали и переходили въ старшіе классы, работа значительно усложнялась и начиная уже съ 4 класса формировать хорошіе обычаи становилось труднѣе. Обнаруживались порочные мальчики, частью поступившіе прямо въ старшіе классы, болѣе или менѣе уже искушенные жизнью. Они вредно вліяли на слабохарактерныхъ и болѣе юныхъ товарищей. Являлась скрытность и тайное, а иногда и явное нарушеніе принятыхъ и установившихся порядковъ, неустойчивость въ духовной сторонѣ жизни. Идеалы любви, добра и

правды у нѣкоторыхъ меркли подъ вліяніемъ собственныхъ пробуждавшихся инстинктовъ и страстей и подъ вліяніемъ факторовъ внѣ заведенія.

Пробуждавшіеся половые инстинкты въ значительной степени отражались на душевномъ настроеніи юношей, складѣ ихъ характера и на отношеніи ихъ къ окружающимъ.

Продолжая наше дѣло въ томъ же направленіи, какъ и въ младшихъ классахъ, приходилось чаще практиковать общія чтенія литературныхъ произведеній и бесѣдовать на отвлеченныя темы, съ цѣлью привить въ молодежи стремленіе къ идеаламъ, подражать коимъ они желали, сообразно своимъ природнымъ наклонностямъ, со свойственною этому возрасту пылкостью, но малой устойчивостью.

Чувство солидарности въ товарищескихъ отношеніяхъ росло, но иногда принимало невѣрное направленіе чаще всего подъ вліяніемъ одного или нѣсколькихъ субъектовъ, обладавшихъ нѣкоторыми данными для вліянія на массу. Обыкновенно я старался сблизиться съ такими юношами, бралъ ихъ къ себѣ по праздникамъ, вводилъ въ свою семью и мало-по-малу переработывалъ настолько, что они не только не вредили дѣлу, но подчасъ были полезны какъ проводники хорошихъ мыслей. Эти вожаки были большею частью энергичные, обладавшіе настойчивостью и смѣлостью, съ твердымъ характеромъ и, пріобрѣтая благородный образъ мыслей, дѣлались впослѣдствіи весьма хорошими людьми.

Встрѣчались однако же и такіе коноводы, которые насъ обманывали своею внѣшностью и вносили заразу въ жизнь интерната. Такихъ испорченныхъ и не поддававшихся было немного, и благоразумнѣе всего было удалить ихъ, ибо появленіе инфекціонныхъ болѣзней какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ требуетъ изоляціи. Для изолированія первыхъ существуютъ особыя комнаты при лазаретѣ, для изоляціи вторыхъ помѣщенія не имѣлось. Карцеры для этого не годятся, и нравственная зараза часто распространяется быстрѣе, нежели физическая, ибо нравственныя средства для исправленія обыкновенно такъ медленно дѣйствуютъ, что за это время можетъ перепортиться много дѣтей, особенно когда хорошія традиціи въ заведеніи еще не установились.

Иногда неукротимаго, но видимо безвольнаго юношу я поручалъ его товарищамъ, чтобы они за нимъ смотрѣли и заставляли бы его учиться и исполнять порядки заведенія. Говорилъ имъ при этомъ, что только они могутъ спасти его, ибо ему

грозитъ исключеніе. Случалось, что и сами товарищи приходили ко мнѣ просить за предназначеннаго къ исключенію, обязываясь удерживать его отъ проступковъ. Иногда это удавалось, а бывало и такъ, что придутъ товарищи и говорятъ мнѣ: „Ничего съ нимъ не подѣлаешь, надо его наказать". „Какъ же вы думаете слѣдуетъ его наказать", спрашиваю ихъ. Въ числѣ предлагаемыхъ ими мѣръ къ моему удивленію въ среднихъ классахъ были совѣты „посѣчь".

Въ старшихъ классахъ чувство собственнаго достоинства принимало иногда уродливыя формы. Развивалась болѣзненная обидчивость. Въ этомъ отношеніи намъ, педагогамъ, надо было имѣть большой тактъ и осторожность. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ насъ далеко не обладали этимъ качествомъ и мало въ душѣ любили дѣтей. Происходили одиночныя стычки, вызывавшія раздраженіе обѣихъ сторонъ. Нѣкоторые изъ педагоговъ возбуждали общее нерасположеніе своими пріемами. Такъ одинъ все содержаніе своей дѣятельности полагалъ въ изловленіи нарушителей порядка, для чего на цыпочкахъ подкрадывался къ классу и какъ охотникъ радовался удачѣ. Другой былъ настолько мелоченъ въ своихъ требованіяхъ, что не могъ отличить невинной шалости отъ умышленнаго и явнаго неповиновенія. Нѣкоторые не могли отречься отъ мысли безпрекословнаго повиновенія и когда воспитанникъ хотѣлъ объясниться въ замѣченной неисправности или проступкѣ, то педагогъ кричалъ: „Молчать, какъ смѣешь разговаривать". Масса анекдотовъ ходила среди кадетъ по этому поводу. Въ теченіе моего 25 лѣтняго управленія заведеніемъ, я долженъ былъ отказать 14 воспитателямъ и 6 преподавателямъ, какъ совершенно не подходящимъ къ педагогической дѣятельности. Одиночные случаи конечно легко было улаживать, и они не имѣли вліянія на общій духъ заведенія. Но когда недружелюбныя чувства накоплялись среди воспитанниковъ, то выражался протестъ одновременно многими и появлялись признаки стадности. Неудовольствіе обыкновенно выражалось шиканьемъ по адресу педагога. Въ первые годы существованія заведенія этого не наблюдалось, но въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія повторялось нерѣдко. Разборка этихъ случаевъ была довольно трудна, ибо были и зачинщики безпорядка и было большинство шикавшихъ безсознательно по стадности въ русскомъ духѣ. Трудно было даже самимъ воспитанникамъ опредѣлить—зачинщикъ онъ или послѣдователь, ибо безпорядокъ происходилъ обыкновенно внезапно безъ уговора. Желая опредѣлить зачинщиковъ, мы стыдили всѣхъ, указывая,

какъ неблагородно и малодушно прятаться за другихъ, особенно для будущихъ воиновъ, которые должны привыкнуть встрѣчать опасность и отвѣтственность лицомъ къ лицу. Въ большинствѣ случаевъ находилось нѣсколько юношей, которые принимали вину на себя иногда, чтобы снять съ товарищей упреки въ трусости. Помню, не одинъ разъ вину принимали на себя порядочные мальчики, чтобы спасти дѣйствительно виновныхъ плохихъ по своему поведенію, которымъ угрожало строгое наказаніе или удаленіе на попеченіе родителей. Такой случай напр. былъ съ кадетами, переведенными въ нашъ корпусъ изъ 3-го Московскаго корпуса, послѣ происшедшихъ тамъ крупныхъ безпорядковъ. Пробовали мы оказывать широкое довѣріе старшимъ кадетамъ, поручали имъ надзоръ надъ младшими, отпускали съ ними кадетъ въ театръ и на прогулки. Сколько помню—не было ни одного случая, чтобы довѣріе это не оправдалось и благопристойность соблюдалась въ общественныхъ мѣстахъ. Долженъ сознаться, что мы и родители дѣлали промахи въ способахъ противодѣйствія нежелательнымъ наклонностямъ юношей. Думаю, что при той массѣ дѣтей, какая находилась на нашемъ попеченіи, мы можетъ быть не имѣли времени хорошо вдумываться въ каждый отдѣльный случай и, подъ вліяніемъ общаго теченія, были слишкомъ озабочены внѣшними дефектами школьной жизни. Да и не такъ легко на дѣлѣ измѣнять прирожденныя наклонности, свойства характера и результаты дошкольнаго воспитанія дѣтей.

Были нерѣдко случаи, что работа наша на отдѣльныхъ личностяхъ не давала благопріятныхъ результатовъ, и мы оказывались безсильными. Тогда оставалось только удалять порочныхъ и не поддающихся исправленію воспитанниковъ. Опасно, а иногда и совершенно невозможно было оставлять ихъ въ заведеніи въ виду грозящаго опасностью вліянія ихъ на своихъ сверстниковъ, съ шаткимъ и безвольнымъ характеромъ. Случаи эти, правда, были рѣдки.

Въ теченіе 25 лѣтъ моего пребыванія въ Симбирскомъ корпусѣ возвращено на попеченіе родителей за рядъ проступковъ 19 мальчиковъ. Я долженъ замѣтить, что масса воспитанниковъ молчаливо, но явно признавала справедливость такой мѣры и никакого сочувствія къ исключаемому не обнаруживала. Порочные, а въ особенности безнравственные мальчики не пользовались расположеніемъ и уваженіемъ товарищей.

Вообще къ наказаніямъ приходилось прибѣгать довольно часто въ зависимости отъ личныхъ качествъ педагогическаго

персонала. Не были мы подготовлены къ искусству нынѣшнихъ педагоговъ—обходиться безъ наказаній и дѣйствовать только словомъ и убѣжденіемъ. Наказанія практиковались конечно различныя, сообразно съ возрастомъ. Въ старшихъ классахъ, кромѣ словесныхъ внушеній и воздѣйствій на совѣсть, нравственную порядочность и самолюбіе, примѣнялось: нарядъ на лишнее дежурство, карцеръ, лишеніе отпуска на праздники и за крупный проступокъ—лишеніе плечевыхъ погонъ, послѣднее примѣнялось очень рѣдко. Нельзя сказать, чтобы карцеръ и лишеніе отпуска давали всегда благопріятные результаты, бывали и отрицательные. Надо было внимательно въ это всматриваться. Въ среднихъ и младшихъ классахъ карцеръ никогда не примѣнялся. Здѣсь преимущественно господствовала постановка на штрафъ, запрещеніе играть въ свободное время,—а сидѣть на одномъ мѣстѣ, лишеніе отпуска и ограниченіе въ пищѣ, т. е. лишеніе 3-го блюда за обѣдомъ и замѣна бѣлаго хлѣба чернымъ. Обѣщаніе написать родителямъ имѣло всегда хорошее дѣйствіе во всѣхъ классахъ. Тѣлесныя наказанія въ половинѣ 80-хъ годовъ совершенно вышли изъ употребленія.

Случалось, что переводили къ намъ мальчиковъ, исключенныхъ изъ другихъ заведеній въ надеждѣ, что они при другой обстановкѣ исправятся. Это были трудные субъекты, хотя не всегда безнадежные, но въ большинствѣ случаевъ приносившіе много вреда молодому заведенію.

Н. Якубовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 27-го марта по 1-е мая 1914 г.

Антикварный книжный магазинъ. С. Н. Котова. № 15. Каталогъ книгъ по исторіи, археологіи, нумизматикѣ, искусству, исторіи литературы и критики, языкознанію и военные. Спб. 1914. Тип. Г. Бернштейна (3 Рождественская, 7-а). 8° (16 × 23). 32 стр. Вѣсъ 3 л. 1.500 экз.

Гаринъ-Михайловскій, Н. Война (дневникъ очевидца). Часть первая. Полное собраніе сочиненій. Томъ. X. Спб. 1914. Изд. Освобожденіе (Невскій, 92), 4-е. Тип. Сѣверъ (Невскій, 140—2). 8° (16 × 22). 237 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 26 л. 1.200 экз.

Гершензонъ, М. Декабристъ Кривцовъ и его братья. М. 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (16 × 22). 299 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 2.000 экз.

Грековъ, Б. Д. Отчетъ объ осмотрѣ архива Тихвинскаго большого монастыря. Спб. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8 (17 × 26). 24 стр. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Замѣтки по исторіи и географіи. Новгородъ. 1914. Тип. Губернская. 16° (11 × 18). 31 стр. Вѣсъ 2 л. 60 экз.

Замѣчанія на статьи графа И. И. Толстого о монетахъ Великаго Княжества Московскаго. Оттискъ изъ III т. „Нумизматическаго Сборника". М. 1911. Тип. Синодальная. 8° (19 × 28). 14 стр. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Затворницкій, Н. М. Наполеоновская эпоха. Библіографическій указатель. Выпускъ I. Спб. 1914. Тип. Тренке и Фюсно (Максимиліановскій, 13). 8° (16 × 24). XV + 328 стр. съ рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 3.000 экз.

Орловъ, А. С. Іисусова молитва на Руси въ XVI вѣкѣ. Памятники древней письменности и искусства CLXXXV. Спб. 1914. Тип. М. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18 × 28). 32 стр. Вѣсъ 7 л. 475 экз.

Памятная книжка Вологодской губерніи на 1914 годъ. Вологда. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (16 × 23). XV + 163 стр. Вѣсъ 11 л. 400 экз.

Пушкинистъ. Историко-литературный сборникъ подъ ред. проф. С. А. Венгерова. 1. Спб. 1914. Тип. А. Ф. Дресслера (Б. Подъяческая, 22). 8° (16 × 24). XXIV + 239 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 30 л. 1.000 экз.

Русскій біографическій словарь, Гаагъ-Гербель. Подъ ред. Н. П. Чулкова. М. 1914. Изд. Имп. Русск. Историч. Об-ва Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9). 8° (19 × 27). 494 стр. Вѣсъ 2 ф. 12 л. 1.250 экз.

Аннинскій, Д. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, какъ моралистъ. Лекціи, читанныя въ Москвѣ и Рязани. Рязань. 1914. Тип. Братства св. Василія. 8° (17 × 25). 150 стр. Складъ: у автора (Г. Спасскъ, Рязанск. губ.). Ц. 65 к. Вѣсъ 13 л. 2.000 экз.

Архивъ В. А. Гольцева. Т. I. Письма къ В. А. Гольцеву Г. И. Успенскаго, В. Г. Короленко, Н. К. Михайловскаго, М. Е. Салтыкова, П. Ф. Якубовича, Н. Ф. Анненскаго, В. В. Лесевича, Н. В. Шельгунова, А. Скабичевскаго, Д. Н. Мамина-Сибиряка. М. 1914. Изд. К-ва писателей (Никитскій бульв., 10). Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ. 8° (15 × 22). 315 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 31 л. 2.100 экз.

Архивъ Юго-Западной Россіи. Часть 1-я. Томъ VIII, вып. 1-й. Памятники литературной полемики православныхъ южно-руссовъ съ протестантами и латино-уніатами въ Юго-Западной Руси за XVI и XVII стол. Кіевъ. 1914. Изд. Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18×27). II + 12 + 798 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 3 ф. 10 л. 600 экз.

Баіовъ, А. и Марковъ, С. Конспектъ по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Спб. 1914. Тип. Имп. Ник. воен. акад. (Суворовскій пр., 32-б). 8° (17×25). 82 стр. Вѣсъ 10 л. 250 экз.

Бобринской, А. А., гр. Народныя русскія деревянныя издѣлія. Предметы домашняго, хозяйственнаго и отчасти церковнаго обихода. Вып. XII-й, дополнительный. М. 1914. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.), фототипіи И. П. Павлова. 4° (29 × 40). 8 стр. + 37 табл. рис. Складъ: (М. Никитская, 12). Ц. 5 р. Вѣсъ 2 ф. 14 л. 600 экз.

Городцовъ, В. А. Руководство для археологическихъ раскопокъ. М. 1914. Изд. Московск. Археол. Института. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (15×22). 63 стр. Съ рис. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

Ефимовъ, Н. И. Историческіе устои Верховной Власти Дома Романовыхъ. Рѣчь, произнесенная на торж. актѣ Симбирской I мужской гимназіи 21 февраля 1913 г. Симбирскъ 1914. Тип. А. Т. Токарева. 8° (17×24). 43 стр. Вѣсъ 8 л. 100 экз.

Заозерскій, Н. А. Чтенія по русской литературѣ. М. 1914. Изд. Реальн. уч., учрежд. Н. Г. Барановымъ. Тип. Рус. Т-ва (Мыльниковъ п., с. д.). 8° (16×25). VIII + 123 стр. Съ портр. Ц. 65 к. Вѣсъ 17 л. 200 экз.

Исторія Россіи въ картинахъ. Текстъ подъ ред. С. П. Моравскаго къ альбому изъ 33 картинъ. М. 1912. Изд. и тип. Тов. И. Д. Сытина (Якиманка д. Кириллова). 8° (15 × 22). 99 стр. + альбомъ въ 33 листа. Ц. 5 р. Вѣсъ 4 ф. 18 л. 5.000 экз.

Клименко, Ф. В. Западно-русскіе цехи XVI—XVIII вв. (Оттискъ изъ „Университ. Извѣстій“ за 1912 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерниговская, 6). 8° (17×25) IV + 166 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 18 л. 200 экз.

Коробкинъ, С. Саввинъ Сторожевскій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ М. 1914. Изд. 3-е. Тип. И. Ефимова (Б. Якиманка, с. д.). 8° (15×22). 32 стр. съ рис. Вѣсъ 3 л. 4.000 экз.

Ладыженскій, Вл. Н. Исторія русской литературы для школъ и народа. Спб. 1914. Изд. М. Семенова (Поварской, 10) 3-е испр. и доп. Тип. Печатный Трудъ (Прачешный, 4). 8° (14 × 21). 193 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 21 л. 4.200 экз.

Лашкаревъ, О. Н. М. Ю. Лермонтовъ (1814—1841). Общій обзоръ творчества. Содержаніе: 1. Субъективность творчества Лермонтова и ея причины. 2. Характерныя черты лирики. 3. Сатиры Лермонтова. 4. Краткій обзоръ эпическихъ произведеній. 5. Байронизмъ Лермонтова. 6. Значеніе Лермонтова въ исторіи русской литературы. Черкассы. 1914. Изд.

автора Тип. И. Слуцкаго (Александровская ул.). 16⁰ (11×17). 30 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Львовъ, Г. Е.. кн. и Полнеръ, Т. И. Наше земство и 50 лѣтъ его работы. М. 1914. Изд. 5-е, издат. Задруга (Нижн. Кисловка, 1). Тип. И. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., с. д.). 8⁰ (15×23). 60+4 нен. стр. Ц. 12 к. Вѣсъ 5 л. 30.000 экз.

Москва въ ея достопримѣчательностяхъ. Историческій музей Н. и В. Щербаковыхъ. Библіотека экскурсіоннаго вѣстника, подъ ред. С. И. Гинтовта и И. Н. Бороздина, № 2. М. 1914. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., 9). 16⁰ (12×17). 37 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Московскій художественный театръ. Историческій очеркъ его жизни и дѣятельности. Т. I. (1891—1905 г.г.). М. 1914. Изд. журн. „Рампа и Жизнь“, 2-е. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Арбатская пл., Филипповскій пер., 11). 4⁰ (24×31). 110+1 нен. стр. Съ портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 29 л. 1.000 экз.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранившихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга восемнадцатая. М. 1913. Тип. Синодальная. 8⁰ (19 × 27). 500+110 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 4 л. 350 экз.

Протоколъ особой коммиссіи, образованной изъ членовъ Спб. Ученой Архивной Коммиссіи по пересмотру описей, подлежащихъ уничтоженію дѣламъ правительственныхъ учрежденій Ямбургскаго уѣзда. Спб. 1914. Тип. Губернская (ул. Глинки, 8). 8⁰ (17×24). 18 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Прыжовъ, И. Г. Исторія казаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Историческая библіотека. Казань. 1914. Изд. издат. Молодыя силы, 2-е. Тип. В. В. Ваpаксина. 8⁰ (16×24). 282 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 30 л. 2.000 экз.

Справочная книжка и адресъ-календарь Симбирской губерніи на 1914 годъ. Симбирскъ. 1914. Изд. Губ. статист. комитета. Тип. Губ. правленія. 8⁰ (17×24). 264 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 600 экз.

Толстой, Илья. Мои воспоминанія. М. 1914. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8⁰ (16×22). 274 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 5.000 экз.

Чаадаевъ, П. Я. Сочиненія и письма. Т. II. Подъ ред. М. Н. Гершензона. М. 1914. Изд. К-ва Путь. Тип. Т-ва А. Н. Мамонтова (Филипповскій пер., 11). 8⁰ (16 × 25). VIII + 342 стр. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 2.000 экз.

Шереметевъ, Павелъ, гр. Владиміръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737. Съ 18 фототипіями, 3 цинкографіями и двумя родословными таблицами. Т. II. М. 1914. Тип. Синодальная. 8⁰ (18×27). 417—558+75 +15+55 стр. Ц. 5 р. (за два тома). Вѣсъ 1 ф. 21 л. и табл. 18 л. 400 экз.

Шереметевъ, Павелъ, гр. Владиміръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737. Съ 18 фототипіями, 3 цинкографіями и двумя родословными таблицами. Т. I. М. 1913. Тип. Синодальная. 8⁰ (18 × 27). X+416 стр. Ц. 5 р. (за два тома). Вѣсъ 2 ф. 22 л. 400 экз.

Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ герой Севастопольской войны. М. 1914. Изд. Е. Коноваловой и К⁰ (Лубянско-Ильинскія торг.

помѣщ., 6—8). Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный пр., 14) 18° (11×17). 108 стр. Вѣсъ 3 л. 12.000 экз.

Боратынскій. Е. А. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. и съ примѣч. М. Л. Гофмана. Томъ 1. Академическая библіотека русскихъ писателей. Спб. 1914. Разряда изящной словесности Имп. Акад. Наукъ Тип. Имп. Акад. Наукъ и Государственная. 8° (16×23). XC+ 336 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 7.010 экз.

Васильевъ, А. В. Николай Ивановичъ Лобачевскій (1793—1856). Спб. 1914. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (13×20). 127 стр. Вѣсъ 10 л. 150 экз.

Военная энциклопедія. Подъ ред. проф. К. И. Величко, В. Ѳ. Новицкаго, А. В. фонъ-Шварца, В. А. Апушкина, Г. К. фонъ-Шульца. Вып. XXIX (Линтулаксъ-Маневренная крѣпость). Спб. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (М. Пятницкая, соб. д.) 8° (19×28). 160 стр. Съ портр., рис., план., карт. и чертеж.+20 лист. рис., портр., чертеж., план. и карт. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 4.000 экз.

Георгіевскій, В. Т. Фрески Панселина въ Протатѣ на Аѳонѣ. Альбомъ съ 32 таблицами фототипій и 3 цвѣтными снимками по способу Люмьера. Спб. 1914. Изд. Импер. Русск. Археолог. Общ. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (25×34). 7 стр.+35 табл. рис. Вѣсъ 2 ф. 15 л. 600 экз

Дмитріевъ, С. И. Первая морская побѣда Русскаго Флота. Къ 200-лѣтнему юбилею Гангутскаго сраженія. 1714 — 1914 г. Очеркъ для школъ, войскъ и народа. Спб. 1914. Тип. К. Четверикова (Караванная, 7). 8° (17×25). 48 стр. Съ рис. Вѣсъ 7 л. 10.000 экз.

Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1913 г. Томъ XVIII. Книжка 4-я. Спб. 1914. Тип. Имп. Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., 12). 8° (16×25). 384+VII стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 15 л. 813 экз.

Памятная книжка Императорской Академіи Наукъ на 1914 годъ. Спб. 1914. Тип. Импер. Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 16° (10×15). IV+245 стр. Вѣсъ 14 л. 416 экз.

Памятники первыхъ лѣтъ Русскаго старообрядчества. Ш. В. Г. Дружининъ. Пустозерскій сборникъ. Спб. 1914. Тип. М. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (17×26). 25 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Пановъ. К. Популярная исторія Россіи отъ начала до нашихъ дней. № 1, 2 и 3. Томъ 1. Спб. 1914. Изд. 2-е, испр. и доп. Тип. К. Четверикова (Караванная. 7). 8° (17×23). 157 стр. Съ рис. Вѣсъ 13 л. по 2.000 экз.

Пироговъ, Н. И. Сочиненія. Томъ I. Спб. 1914. Изд. Пироговскаго Т-ва. (Кіевъ). Тип. Т-ва Копѣйка (Лиговская, 34). 8° (17×26). 1010 столбц. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 2 л. 5.000 экз.

Рошефоръ, де, Марія, граф. Анна Ярославна. Французская королева. Историческій очеркъ. Спб. 1914. Изд. жур. Наша Старина (Каменноостровскій, 26) Тип. Сельскаго Вѣстника (Мойка, 32). 8° (16×25) 17 стр. Съ 3 рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Рыльскій, К. Краткое описаніе Русско-Шведской войны 1808—1809 г. г. Чтеніе для войскъ. Спб. 1914. Изд. В. Березовскаго (Колокольная, 14), 2-ое испр. Тип. В. Безобразова (В. О., Большой пр., 61). 8° (16×24). 61 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 9 л. 2.000 экз.

Системы народнаго образованія въ ихъ историческомъ развитіи, Курсъ Н. Сперанскаго. М. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (16×22. 11 стр. Вѣсъ 2 л. 150 экз.

Сухаревъ, Т. А. Развитіе національнаго самосознанія въ древней Руси. Краткій научно-популярной очеркъ. Раненбургъ. 1914. Тип. Бр. Колпаковыхъ. 8° (15×23). 150 стр. Вѣсъ 11 л. 1.000 экз.

Сѣрова, В. С. Сѣровы, Александръ Николаевичъ и Валентинъ Александровичъ. Воспоминанія. Спб. 1914. Изд. издат. Шиповникъ. Тип. Двигатель (Казначейская, 6), 8° (20×26). 375 стр. съ 10 рис. Ц. 2 р. 25 к. Вѣсъ 2 ф. 12 л. 3.700 экз.

Чернопятовъ, В. И. Дворянское сословіе Тульской губерніи. Томъ. VI (XV). Храмоздатели и ревнители церковнаго Благолѣпія. М. 1911. Тип. Л. В. Пожидаевой (Б. Дмитровка, 23). 8° (18×27). 64 стр. Вѣсъ 19 л. 500 экз.

Библіографическая лѣтопись. Императорское общество любителей древней письменности. I. Спб. 1914. Тип. М. Александрова (Надеждинская, 43), 8° (14×28). VII+147 стр. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 600 экз.

Верещагинъ, А. В. Памяти прошлаго. Статьи и замѣтки. Спб. 1914. Тип. Сиріусъ. 4° (20×28) 211 стр. Съ рис. Ц. 5 р. Вѣсъ 3 ф. 12 л. 1. 550 экз.

Врангель, Н. Н, бар. Памяти Петра Петровича Семенова-Тянъ-Шанскаго. Спб. 1914. Изд. Общ. защиты и сохр. въ Россіи памят. искусства и старины. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8° (19×28). 30 стр. Съ рис. Вѣсъ 26 л. 700 экз.

Голубевъ, С., проф. Очерки по исторіи царствованія Михаила Ѳеодоровича. Часть 1-я. Спб. 1914. Тип. Синодальная. 8° (17×25). 9 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Лазаревскій, Ив. Среди коллекціонеровъ. Спб. 1914. Изд. А. И. Грамматикова. Тип. Р. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (17×23). 163 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 1.500 экз.

Либровичъ, Ѳ. Ф. Соперникъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова. Историческій очеркъ. Спб. 1914. Изд. и тип. Т-ва М. О. Вольфъ (В. О., 16 л., 5—7). 8° (15×20), съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Лукомскій, В. К. Родословіе дворянъ Митусовыхъ. Спб. 1914. Изд. С. Н. Митусова. Тип. Сенатская. 8° (18×26). 133 стр. съ портр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 500 экз.

Русскій біографическій словарь. Нааке-Накенскій—Николай Николаевичъ Старшій. Спб. 1914. Изд. Имп. Русск. Истор. Об-ва. Тип. Главнаго Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (20×28). 368 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 1.250 экз.

Рыльскій, К. Краткое описаніе Русско-Шведской войны 1808—1809 г г. Чтеніе для войскъ. Спб. 1914. Изд. В. Березовскаго (Колокольная, 14), 2-е испр. Тип. В. Безобразова (В. О., Большой пр., 61). 8° (17×24). 61 стр. Съ рис. и карт. Ц. 30 к. Вѣсъ 9 л. 2.000 экз.

Этюды изъ жизни Артиллерійскаго Кружка въ періодъ 1863—1876-хъ годовъ. Перепечатка изъ книги Леокадіи Дитерихсъ. Юбилей Давыда Егоровича Дитерихса 1890 г. Варшава. 1914. Тип. Окружнаго Штаба (Саксонская пл., 7). 8° (14×23). 33 стр. Вѣсъ 7 л. 250 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1914 г.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и воспоминанія.

		СТРАН.
I.	Записки графа Г. П. Игнатьева о его пребываніи въ Константинополѣ въ 1864—1874 г. В. Тимощукъ	35—47
II.	Изъ семейной хроники. Мои воспоминанія о турецкой войнѣ 1877—1878 г. г. А. П. С.	85—119
III.	Воспоминаніе о Бухариныхъ. В. Лѣсницкой	128—138
IV.	Изъ воспоминаній стараго казанскаго студента. Ив. Мѣщанинова	139—145
V.	Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ М. В. Станиславскаго	149—158
IV.	Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова. Сооб. А. А. Половцова	171—172, 528—531
II.	Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. Е. А. Альбовскаго	173—203
VIII.	Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1874—1878 гг. (Съ примѣч. П. Д. Воейкова). Графа Н. П. Игнатьева	4—19, 238—246, 443—458
IX.	Воспоминанія А. И. Макшеева о Т. Г. Шевченко. Сооб. Н. Макшеева	305—308
X.	За 38 лѣтъ. Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній: посвящаются памяти Милія Алексѣевича Балакирева. Кн. М. В. Волконской.	312—332
XI.	Изъ записокъ Г. А. Де-Воллана	333—355

СТРАН.

XII. Виленскія воспоминанія. Алексѣя Гене. . . . . 418—434, 580—610
XIII. Воспоминанія иностранцевъ о пребываніи Императора Николая I за границей. М. В. Станиславскаго . . . . . 459—469
XIV. Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и переписка О. А. Новиковой . . . . . 514—524
XV. Въ Задонскихъ степяхъ. М. Кирсанова . 548—579
XVI. Лѣтопись и мысли стараго педагога Н. Якубовича . . . . . 615—622

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 г.
II. Страничка семейной хроники. Вячеслава Шахматова . . . . . 20—34
III. Письма И. А. Гончарова къ А. В. Никитенку, подъ ред. и съ прим. В. Яковлева. 48—59
IV. Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ. В. Случевскаго. . . . 60—67
V. Лирика Е. А. Боратынскаго. М. Л. Гофмана . . . . . 68—77, 372—382, 501—513
VI. Оклеветанный сатирикъ А. Е. Кауфмана. 78—84
VII. Освобожденіе Скальда. Скандинавская повѣсть. Н. Лернера . . . . . 120—127
VIII. Петръ Великій лѣкарь. Сооб. д-ръ Л. Прозоровъ . . . . . 146—148
IX. Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ. А. Е. К. . . . . 159—169
X. Изъ далекаго прошлаго. Сооб. В. П. Федоровъ 170
XI. Письмо А. І. Іевреинова о сооруженіи памятника побѣдамъ Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ. Александра Іевреинова. 204—205
XII. Буйство иноземца въ г. Вологдѣ. Сооб. Ив. Суворовъ. 206
XIII. Сто пятьдесятъ четыре человѣка потомства священника. Сообщ. З. И. Тюменъ . . . 207—208

СТРАН.

XIV. Выписка изъ „Синодика или заповѣди святого и великаго Никейскаго собора“ Сооб. С. Фарфоровскій . . . . . 209—210
XV. Книги вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12 февр. по 6 марта 1914 г. . . 211—216
XVI. Сообщеніе въ память Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, сдѣланное въ засѣданіи 2 апрѣля 1910 года Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. А. Н. Куломзина . . 219—237
XVII. Къ исторіи Императора Павла. Сооб. Е. С. Шумигорскій 247
XVIII. Устройство быта крестьянъ въ царствѣ Польскомъ Калишскою комиссіею по крестьянскимъ дѣламъ въ 1865—1870 г. Н. Полевого. 248—304
XIX. Матеріалы по изслѣдованію войны 1812 г. Отзывъ генералъ-лейтенанта Тормасова князю Багратіону съ приложеніемъ письма (неизвѣстнаго) изъ Бреславля. Сооб. Б. Колюбакинъ. . . . . 309—311
XX. Асканія—Нова въ ея прошломъ и настоящемъ. Исторія Ангальтской колоніи въ южной Россіи. П. Козлова . . . . . 356—371
XXI. Мои отношенія къ штабу отдѣльнаго корпуса жандармовъ въ 1871 году, шефу жандармовъ графу Шувалову и извѣстному публицисту славянофилу г. Аксакову. Н. П. Хитрово 383—391
XXII. Поѣздка въ Наблусъ (Сихемъ) Дневникъ профессора В. А. Левисона. Василія Левисона . . . . . 392—409
XXIII. Шейхъ-Мансуръ Анапскій. (Эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ завоеванія Кавказа). М. Я. Королькова . . . . . 410—417
XXIV. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 6-го по 27-е марта 1914 г. . . 435—440
XXV. Подонки родины. П. Владиславлева. . 470—475
XXVI. Памяти Н. Н. Обручева. А. Бильдерлинга 476—493
XXVII. Адресъ, поднесенный ген.-адъют. Обручеву въ день 50-лѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ. . . . . 493—498
XXVIII. Письмо графа Д. А. Милютина Н. Н. Обручеву . . . . . 498—500

СТРАН.

XXIX. Не дошедшее по адресу письмо. Сообщ. Н. Максимовъ . . . . . 525—527
XXX. Князь П. С. Мещерскій. Сообщ. В. Корсакова. . . . . 532—538
XXXI. Донесенія датскаго посланника графа Гакстгаузена. Сообщ. Г. С. Шумигорскій. . 539—547
XXXII. По поводу статьи А. Е. К. „М. И. Драгомировъ—генералъ-губернаторъ". А. Леонтьева . . . . . 611—614
XXXIII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 27 марта по 1-е мая 1914 г. . 623—627

Приложенія.

I. Портретъ М. Е. Салтыкова (при 4-й книгѣ).
II. Портретъ П. И. Шахматовой (тамъ же).
III. Портретъ М. И. Безобразовой (тамъ же).
IV. Портретъ Велик. Кн. Владиміра Александровича (при 5-й книгѣ).
V. Три рисунка къ ст. „Асканія-Нова" (тамъ же).
VI. Портретъ Н. Н. Обручева (при 6-й книгѣ)

Библіографическій листокъ.

1. Н. Модестовъ. Бывшій префектъ гродненской гимназіи, іеромонахъ Доминиканскаго ордена, Кандидъ Зеленко въ Оренбургѣ. Историч. очеркъ. Оренбургъ, 1913 г. (на обложкѣ апрѣльской книги).

2. М. О. Ковалевскій. Древній Востокъ и первобытная Греція. 2-ое и исправл. изд. Казань. 1914 г. (тамъ же).

3. П. Дульскій. Памятники казанской старины. Изд. С. В. Соломина. Казань. 1914 г. (тамъ же).

4. Кн. Г. Е. Львовъ и Т. И. Полнеръ. Наше земство и 50 лѣтъ его работы. Книгоиздательство „Задруга" М. 1914 г. (тамъ же).

5. „Къ 50-лѣтію земскихъ учрежденій". Къ исторіи организаціи и первыхъ шаговъ земства въ Саратовской губ. Изд. Саратовъ губернс. учен. архивной комиссіи. Саратовъ. 1914 г. (тамъ же).

6. П. Андріановъ. Походъ Румянцева къ Дунаю въ 1770 г. Ларго-Кагульская операція (тамъ же).

7. Біографическій очеркъ Генералъ-Фельдмаршала Свѣтлѣйшаго Князя Петра Михайловича Волконскаго. С.-Петербургъ. 1914 г. (на обложкѣ майской книги).

8. Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. Подъ редакціей М. О. Гершензона. Въ двухъ томахъ. Книгоизд—во „Путь". М. 1913, 1914 г.г. (тамъ же).

9. „Вадимъ Новгородскій". Трагедія Я. Княжнина. Съ предисловіемъ В. Саводника. М. 1914 г. (тамъ же).

10. Князь Ѳедоръ Долгорукой. Родословный сборникъ. Выпускъ I. Спб. 1913 г.—Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе. Часть II. Спб. 1913 г.—Извлеченіе изъ генеалогіи царственной персидской династіи (тамъ же).

11. И. Г. Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Изд. 2-ое, изд—ства „Молодыя силы". Казань. 1914 г. (тамъ же).

12. Великій князь Николай Михайловичъ (Русскій Провинціальный Некрополь. Томъ I. М. 1914 г.) (на обложкѣ іюньской книги).

13. Дѣйствія Нижегородской губерернской ученой архивной комиссіи. (Сборникъ. Томъ XVI, выпуски I и II. Нижній Новгородъ, 1913) (тамъ же).

14. П. И. Бартеневъ. (Пушкинъ въ Южной Россіи. М. 1914. Цѣна 1 р. 50 к.) (тамъ же).

15. Книга для чтенія по древней исторіи. (Ч. II. Римъ—республика. Сборникъ статей. Книгоиздательство „Задруга". м. 1913) (тамъ же).

Московской обл. библиотеки

28 ИЮЛ. 1920